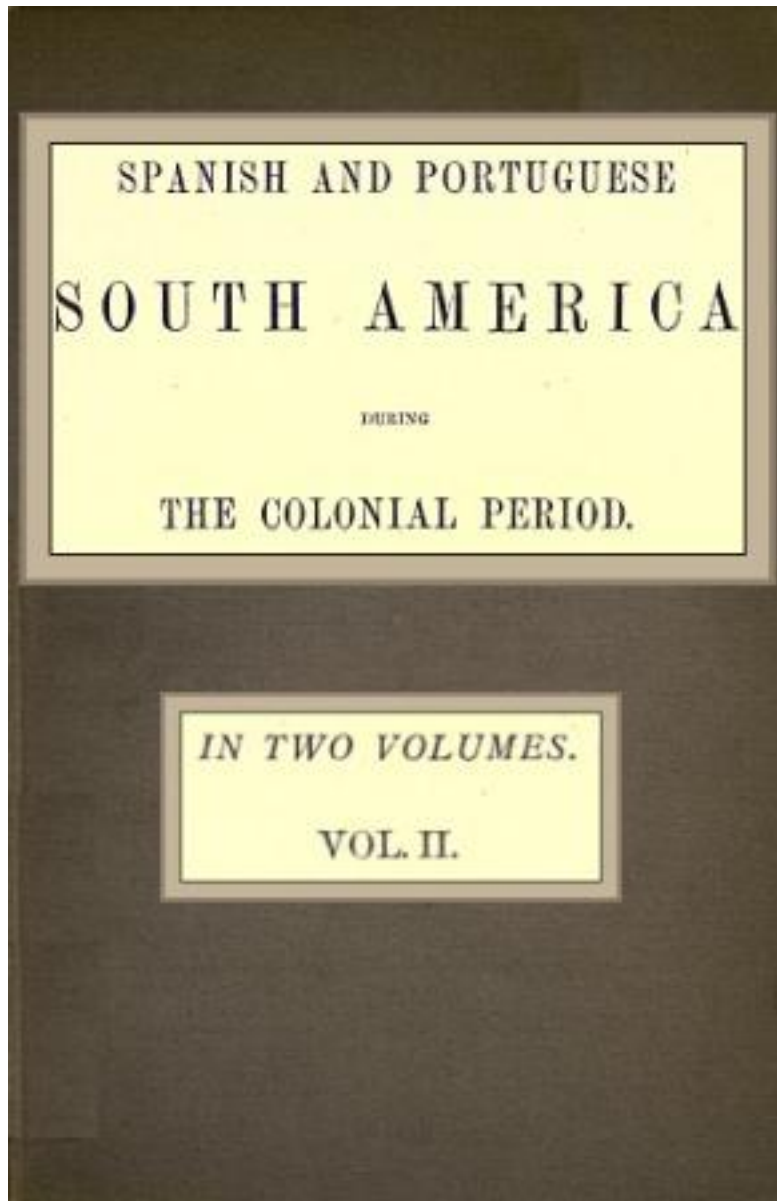

Испанская и португальская Южная Америка в колониальный период. Том 2 из 2

Роберт Грант Уотсон

Электронная книга проекта Гутенберга об испанской и португальской Южной Америке колониального периода; Том. 2 из 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Испанская и португальская Южная Америка в колониальный период; Том. 2 из 2

Автор: Роберт Грант Уотсон

Дата выхода: 6 июня 2016 г. [Электронная книга № 52252]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Джозепом Колсом Канальсом, Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЮЖНАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД"; ТОМ 2 Из 2 ***

Содержание тома II.

Исправлены некоторые типографские ошибки; [после текста приводится список](#).

Различные варианты написания испанских имен не были исправлены или нормализованы.

(примечание переводчика etext)

СОУТЧАМЕРИКА.

“Падшие нации смотрят на Испанию; если ее освободить, она освободит
Больше, чем когда-то закованный в цепи ее падший Писаррос;
Странное возмездие! теперь непринужденность Колумбии
исправляет ошибки, нанесенные сыновьям Кито ”.

—Чайльд Гарольд.

ИСПАНСКАЯ И ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЮЖНАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

АВТОР: РОБЕРТ ГРАНТ УОТСОН, РЕДАКТОР “СПРАВОЧНИКА МЮРРЕЯ По ГРЕЦИИ”, ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ, 1872 ГОД.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ II.

ЛОНДОН:
TRÜBNER & CO., ЛАДГЕЙТ-ХИЛЛ.
1884.
[Все права защищены.]

Ballantyne Press
BALLANTYNE, HANSON And CO.
ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I.	
Бразилия; Голландская война: 1623-1637	1
ГЛАВА II.	
Бразилия; Голландская война. Правительство графа Мориса Нассауского: 1638-1644	22
ГЛАВА III.	
Бразилия; Голландская война; Восстание португальцев: 1644-1645 гг.	42
ГЛАВА IV.	
Бразилия; Завершение голландской войны: 1646-1661 гг.	53
ГЛАВА V.	
Миссии иезуитов в Северной Бразилии: 1652-1662 гг.	76
ГЛАВА VI.	
Утверждение французов в Южной Америке: 1657-1696 гг.	95
ГЛАВА VII.	

Бразилия; ее развитие в семнадцатом веке: 1600-1700 гг.	112
ГЛАВА VIII.	
Перу; Развитие вице-королевства: 1551-1774 гг.	126
ГЛАВА IX.	
Вице-королевство Новая Гранада: 1535-1790	146
ГЛАВА X.	
Чили; Развитие колонии: 1604-1792 гг.	159
ГЛАВА XI.	
Бразилия; Открытие рудников; Нападение французов на Рио-де-Жанейро: 1702-1720 гг.	169
ГЛАВА XII.	
Бразилия; Открытие Алмазного района: 1724-1749 гг.	186
ГЛАВА XIII.	
Прогресс Буэнос-Айреса: 1580-1800 гг.	203
ГЛАВА XIV.	
Бразилия; Война семи сокращений: 1750-1761	218
ГЛАВА XV.	
Изгнание иезуитов из Португалии и Бразилии: 1759-1767 гг.	232
ГЛАВА XVI.	
Изгнание иезуитов из Буэнос-Айреса и Парагвая: 1749-1805	247
ГЛАВА XVII.	
Бразилия в восемнадцатом веке; Прибытие Браганса: 1776-1806	256
ГЛАВА XVIII.	
Английские экспедиции в Ла-Плату под командованием Бересфорда, Ашмути и Уайтлока: 1806-1807	271
Приложение	295

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Книга II.

ГЛАВА I.

БРАЗИЛИЯ; ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА.

1623-1637гг.

Появление голландцев в качестве актеров на бразильской сцене возникло, как и следовало ожидать, из-за связи Нидерландов с Испанией, а Испании - с Португалией. Их успех в нападении на источники снабжения противника на Востоке привел к созданию Вест-Индской компании, главной целью которой были завоевания в *Бразилии*. Был снаряжен флот под командованием Виллекенса, под началом которого находился знаменитый Питер Хейне. Религиозная нетерпимость, от которой сами голландцы так ужасно страдали от рук своих испанских правителей, научила их быть терпимыми в подобных вопросах по отношению к другим, и этому обстоятельству они теперь были обязаны многими ценными сведениями о *Бразилии*, которые они получили от евреев, нашедших убежище среди них.

Голландский флот вышел в море в конце 1623 года, и когда они пересекли границу, командующий обнаружил, что его запечатанные инструкции предписывали ему атаковать *Сан-Сальвадор*. Однако шторм прервал выполнение этой программы, и Виллекенс, достигнув окрестностей *Баии*, был вынужден задержаться на несколько дней в ожидании своих товарищей. Когда известие о его приближении было доведено до сведения губернатора, оно было воспринято сначала с бразильской апатией, которая, однако, сменилась тревогой по поводу того, что о его силе сообщили правильно. Колониальные войска были собраны для защиты своих владений; но, поскольку немедленного нападения предпринято не было, тревога со временем снова уступила место апатии, и колонисты разошлись по своим личным делам. Когда Виллекенс собрал свой флот, он обнаружил, что *Сан-Сальвадор* не защищен; и на следующий день он овладел этим местом без сопротивления. Таким легким способом голландцы, не нанеся ни единого удара, стали хозяевами столицы *Бразилии*.

С Виллекенсом был опытный солдат Ван Дорт, который теперь принял командование на берегу. Укрепления были отремонтированы, и были выпущены прокламации, предлагающие полное владение своей собственностью и свободу вероисповедания всем, кто согласится подчиниться. Среди тех, кто таким образом попал под голландское правление, было двести евреев. Бразильские власти, которые полагали, что это была просто грабительская экспедиция со стороны голландцев, подобная той, к которой они более или менее привыкли со стороны англичан или французов, были поражены, обнаружив, что голландцы намеревались сохранить за собой то, что они захватили. С осознанием этого факта их национальный дух возродился, и, как следствие, были приняты согласованные меры по восстановлению их чести и имущества. Губернатор был взят в плен, епископ и другие высокопоставленные лица вскрыли документы о его наследовании, из которых они узнали, что теперь они должны подчиняться губернатору *Пернамбуку*. Соответственно, были отправлены гонцы, чтобы сообщить ему о его

новом положении, а тем временем командование было возложено на епископа Тейшейру. Его силы состояли из тысячи четырехсот португальцев и двухсот пятидесяти туземцев, с которыми он разбил укрепленный лагерь примерно в лиге от города, раздобыв три орудия с судна, укрывшегося в одной из рек *Реконклавы*.

Епископу, который был, по крайней мере, энергичен, если вообще не подходил для военного командования, с самого начала так повезло, что голландский генерал Ван Дорт пал от рук одной из его перестрелочных групп, а сменивший его офицер был застрелен. В разгар этой неопределенной ситуации действительно кажется странным, что захватчики были настолько уверены в себе, что допустили отплытие Виллекенса в Голландию на одиннадцати судах. Через несколько дней после его отъезда его следующий помощник адмирал Хейне, в свою очередь, отплыл с оставшимися судами в *Анголу*, его целью было обеспечить поставку негров для голландской колонии в *Бразилии*. Адмирал, однако, был сбит с толку этой целью; и, вернувшись в Южную Америку, он не встретил больше удачи при покушении на *Эспириту-Санто*. Отправившись оттуда в *Баию*, он обнаружил, что испанский и португальский флоты в его распоряжении, и, будучи не в состоянии противостоять им, отплыл в Европу.

Потеря *Баии* поразила мадридский двор подобно удару грома; и был отдан приказ снарядить большой флот для взятия этого города, в то время как немедленная помощь была направлена в такие другие порты, которые, как предполагалось, подвергались наибольшей опасности, а именно в *Пернамбуку*, *Рио-де-Жанейро* и *Анголу*. Испанское правительство продемонстрировало в этом случае дух, которым оно было главным образом воодушевлено, приказав проводить всевозможные религиозные обряды в связи с недавним бедствием. Властям Португалии было поручено расследовать преступления, повлекшие за собой столь явное проявление Божественного возмездия, как передача столицы *Бразилии* в руки еретиков, и наказать их. Особые молитвы, которые должны были повторяться в течение девяти дней подряд, были заказаны по всему королевству, в то время как для ежедневной мессы была составлена литания. В дополнение к этому, в каждом городе и деревне было заказано торжественное религиозное шествие. Португальцы, для которых потеря их главного бразильского города стала более очевидной, проявили свою озабоченность этой новостью более мирским образом: город Лиссабон пожертвовал правительству сто тысяч крон на его восстановление, а герцоги Браганса и Каминья - двадцать и шестнадцать тысяч соответственно. Дворяне обычно предлагали свою личность и имущество на государственной службе, в то время как люди самого высокого ранга отправлялись добровольцами, среди них был Норонья, который был португальским вице-королем в Индии. Вооружение, которое сейчас отправлялось в *Бразилию*, было настолько национальным со стороны Португалии, что, как говорят, в стране не было ни одной знатной семьи, которая не была бы в нем представлена. Он состоял из двадцати шести судов с четырьмя тысячами человек на борту, и они должны были присоединиться к испанскому флоту у мыса *де Вердс*. Последний флот, однако, не был снаряжен с поразительной поспешностью, продемонстрированной в случае с флотом Португалии; и португальцам, таким образом, пришлось в течение девяти томительных недель ожидать прибытия испанцев в месте встречи. О размерах испанского флота, однако, ничего нельзя было сказать, поскольку он состоял из сорока кораблей, на борту которых находилось восемь тысяч человек.

Альбукерке, губернатор *Пернамбуку*, а ныне губернатор *Бразилии*, будучи не в состоянии собрать достаточные силы, чтобы справиться с голландцами, удовлетворился преследованием их, нападая на их аванпосты и перекрывая поставки. В марте 1625 года соединенные флоты Испании и Португалии появились у берегов *Баии*, и бразильцы были настолько опьянены этим зрелищем, что немедленно атаковали голландские укрепления. Атака, однако, была преждевременной, и они были отбиты с потерями. Город был тщательно укреплен, и его защищали девятью двумя артиллерийскими орудиями. Испанский командующий, *дон Фадрике де Толедо*, который знал, что ожидается подкрепление из Голландии, предложил высадить три тысячи человек, оставив остальных на борту, чтобы перехватить вражескую помощь. Было решено, однако, высадить половину армии, в то время как флот, растянувшись поперек входа в бухту, должен был в то же время блокировать корабли в порту и перекрыть поставки.

Осажденные голландцы сначала предприняли смелую попытку с шестьюстами человек напасть на лагерь врасплох, чем учинили значительную резню, а затем с помощью двух брандеров сожгли блокирующий флот. Последняя попытка, однако, провалилась, ибо испанцы были настолько встревожены возможной опасностью, подобной той, которой они избежали, что они решили, не теряя времени, уничтожить голландские корабли. Голландцы подвели свои суда под форты, но в скалах был прорублен проход, который подставил их под артиллерийский огонь, и большее их количество было потоплено. Тем временем часть гарнизона взбунтовалась; французские и английские наемники, уверенные в пощаде, отказались больше сражаться, и голландскому командиру ничего не оставалось, как капитулировать. Он и его люди должны были получить корабли и припасы для отправки в Голландию, а также достаточное количество оружия для их защиты по пути; но город *Баия*, который был сдан 1 мая, значительно пострадал от рук тех, кто пришел изгнать захватчиков. Однако возникли некоторые трудности с выполнением условий капитуляции, поскольку местность вокруг *Баии*, обложенная налогами сверх своих возможностей, теперь испытывала недостаток в провизии, и, прежде чем ее удалось раздобыть у соседних капитанств, положение дел приняло совершенно иной вид.

Наконец пришло известие, что долгожданный голландский флот с подкреплением миновал *Канарские острова*; и сбежавший португальский пленный принес известие о его приближении. После этого две тысячи пленных были помещены на борт разобранных кораблей, которые были подведены под орудия крепости; и было решено ожидать подхода врага в гавани. 22 мая голландский флот из тридцати четырех судов вошел в бухту, пребывая в заблуждении, что *Сан-Сальвадор* все еще удерживается их соотечественниками. Адмирал Хенрик, однако, вскоре развеялся; но в своем замешательстве он упустил возможность атаковать испанцев и португальцев с преимуществом. Он повернул на север и прошел мимо *Олинды* во время шторма, который унес его в залив *Траисам*, где местные жители были расположены приветствовать любого, кто мог бы освободить их из рук португальцев. Здесь он высадил своих больных и подкрепился; но ему помешала экспедиция из *Пернамбуку* и *Параибы*, и он счел за лучшее снова погрузить своих людей и отбыть. Флот Хенрика больше не добился успеха. Сам он погиб, и остатки его неудачной экспедиции вернулись в Голландию.

Испанский генерал, оставив достаточный гарнизон в *Баии*, теперь отплыл в Европу, взяв с собой голландские войска. Флот столкнулся со штормами, и три испанских и девять португальских судов затонули; еще одно затонуло, достигнув острова Святого Георгия; в то время как два были захвачены голландской эскадрой. Другое судно загорелось с захваченного голландского корабля, вместе с которым оно было сожжено. Короче говоря, Менезес, который отплыл из Тахо

на двадцати шести судах, вернулся на эту реку только на своих. Голландские пленные расстались с флотом достаточно рано, чтобы избежать его катастрофы.

1627.

В Голландии возвращение *Сан-Сальвадора* Испанией и Португалией и неудача, сопутствовавшая экспедиции Хенрика, естественно, значительно охладили общественный пыл в защиту Вест-Индской компании; но поскольку принц Оранский неуклонно придерживался военной политики, его взгляды возобладали. Испанское правительство, предупрежденное их неоднократными потерями на море, решило, наконец, сохранить сильные военно-морские силы в Америке; но, как это было обычно с ними во всех больших или малых вопросах, потеряло значительное количество драгоценного времени, обсуждая, будет ли лучше оснастить предполагаемый флот в Европе или в *Бразилии*. Пока решался этот вопрос, голландский адмирал Хейне в 1627 году еще раз вошел в *Баию*. Поскольку было известно, что он находится у побережья, губернатор Оливейра сделал все возможное для его защиты. В частности, сорок два больших орудия были размещены таким образом, чтобы вести огонь по голландцам, если они попытаются войти. Двигаясь против ветра, Хейне имел несчастье провести свое судно между двумя самыми большими плавучими батареями противника. Но, с другой стороны, он был расположен так, что португальцы не могли стрелять по нему, не подвергая опасности своих соотечественников; и в течение получаса он пустил ко дну одну из батарей, после чего другие нанесли удар. Голландцы, подплыв на лодках, перерезали тросы небольших судов и унесли их, взорвав корабль Хейне и еще один. Теперь адмирал отправил четыре своих самых крупных трофея в Голландию, добавив еще четыре к своему собственному флоту, а остальные уничтожил.

Хейне, действительно, повезло так же, как Хенрику повезло наоборот. После круиза на юг он вернулся в *Баию*, где предпринял крайне опасное предприятие, попытавшись вывести четыре корабля из одной из рек *Реконклавы*. Они находились в нескольких милях вверх по реке, и хотя были сделаны приготовления к его возвращению, он привез с собой одно судно и груз на три других. После этого подвига Хейне, откланявшись, присоединился к испанскому флоту у *Мексики* захватил его в плен, тем самым обеспечив себе величайшую добычу, которая когда-либо добывалась на море, и которой Вест-Индская компания получила щедрое возмещение за все свои прежние потери. Как и следовало ожидать, их завоевательные планы теперь возродились. Один из их капитанов овладел островом *Фернандо Норонья*, недалеко от *Пернамбуку*; но прежде чем он был надежно укреплен, португальцы подняли тревогу и послали достаточные силы, чтобы сокрушить новое поселение.

1629.

Вест-Индская компания, не теряя времени, подготовила новые предприятия против *Бразилии*. На этот раз их усилия были направлены на *Пернамбуку*, из провинции которого, по их оценкам, ежегодно могло перевозиться сто пятьдесят судов с сахаром; в то время как его гавани были удобно расположены в качестве отправных пунктов, откуда их крейсеры могли отплывать, чтобы перехватить более богатые трофеи на испанском материке. Чтобы обеспечить максимальную секретность, приготовления для их флота были распределены по нескольким портам, и корабли должны были встретиться у *мыса Вердс*. Тем не менее информация о происходящем была доведена до Лиссабона, и мадридский суд был должным образом предупрежден. Губернатору *Бразилии* было соответственно поручено перевести *Баию* и *Олинду* в состояние обороны, в то

время как Матиас де Альбукерке был отправлен из Мадрида с несколькими людьми и припасами на помощь своему брату, капитану *Пернамбуку*.

1630.

По прибытии в *Олинду* Матиас обнаружил, что это место почти совершенно не защищено; да и сам он мало что сделал для улучшения обстановки. Он принес новость о рождении принца и наследника Испании; и пока *Олинда* веселилась по поводу этого радостного события, с *Мыса Вердс* прибыл катер, объявивший о сборе там голландского флота и его отправлении в *Бразилию*. Этот флот состоял из пятидесяти кораблей под командованием Хенрика Лонкака в качестве генерала и Питера Адриана в качестве адмирала. Восемь из них отбили испанский флот у *Тенерифа*. 15 февраля они появились перед *Олиндой*, имея на борту около семи тысяч человек. Все силы города, какими бы они ни были, были собраны, чтобы противостоять им, и на призыв, который послал Лонк, был дан ответ мушкетным залпом. Вход в гавань был заблокирован затонувшими судами, а море было настолько беспокойным, что голландцы не могли эффективно использовать свои орудия.

Но пока продолжалась безобидная канонада, полковник Варденбург, отведя шестнадцать кораблей в несколько миль к северу от города, смог высадиться без сопротивления. Сохранив лишь несколько канонерских лодок с одиннадцатью артиллерийскими орудиями, он разделил свои войска на три дивизии и на следующее утро начал марш в направлении *Олинды*. Известие о его приземлении уже вызвало панику, и все были озабочены тем, чтобы их семьи и переносное имущество были надежно размещены в стране. При таких обстоятельствах Варденбург продвигался вперед без какого-либо серьезного сопротивления, хотя в лесистой местности было бы легко помешать его продвижению. Действительно, река *Досе* сама по себе была препятствием, и голландцам пришлось отложить ее переход до отлива, когда они перешли ее вброд по грудь. В этот момент несколько выстрелов с канонерских лодок вызвали всеобщее паническое бегство. Редут у входа в *Олинду* на мгновение остановил захватчиков, но вскоре он был преодолен, и город был сдан на разграбление.

Португальский губернатор отступил в *Ресифи*, однако теперь у него не было достаточно людей для защиты этого места. Поскольку надежды сохранить его не было, он поджег корабли и склады, на которых находилось много ценного имущества; и захватчикам оставалось только захватить два форта - *Сан-Франциско* и *Сент-Джордж*, которые контролировали вход в гавань. Потребовалось пять дней, прежде чем последний подвергся нападению. Его защищали Виейра и группа молодых людей, которые пошли с ним добровольцами, с мужеством и упорством, которые составляли яркий контраст с растерянностью и малодушием, проявленными их соотечественниками. Однако оба форта не смогли долго продержаться, и голландский флот с триумфом вошел в гавань. Их власть над *Пернамбуку* была еще более подтверждена прибытием, девять дней спустя, другого флота с подкреплением.

Когда беглые жители *Олинды*, избавленные от фактического присутствия захватчика, обнаружили, что их никто не преследует в стране, они начали приходить в себя и обретать самообладание. Их генерал теперь указал им, что целью голландцев была выгода, а не слава; что они жаждали сахара и табака, которые *мог производить* Пернамбуку, и что самый верный способ расстроить их планы - помешать им выращивать эти товары. Соответственно, работы были начаты на расстоянии трех миль от *Олинды* и *Ресифи*, и население в целом вело их с величайшей готовностью, в то время как четыре орудия были извлечены из затонувшего

голландского корабля. Действительно, лагерь был построен с такой скоростью, что он уже находился в состоянии обороны, когда известие о его существовании впервые дошло до ушей захватчиков; и попытка захватить его врасплох была сорвана бдительностью Матиаса де Альбукерке. В этом случае голландцы бежали, оставив сорок убитых.

Ободренные этим успехом, португальцы перешли в наступление и устроили засаду голландскому генералу, который с шестью сотнями человек двигался из *Ресифи* в *Олинду*. Он был застигнут врасплох и был обязан своей безопасностью бегству своей лошади. Опасность перехода из одного из этих городов в другой была настолько велика и предоставляла такую хорошую возможность для нападения португальцев, что это привело к набору среди них отряда, который по роду своих обязанностей назывался лесничими. Они состояли, по большей части, из крестьян, которые приходили в лагерь, когда у них было свободное время от своих обычных занятий. Эти люди, которые лишь изредка наведывались в лагерь, жили в достатке; но беглецы из *Олинды*, числом около пятнадцати тысяч, которые жили в *Бом-Хесусе*, как назывался лагерь, чрезвычайно страдали от нехватки провизии.

В этом отношении положение голландцев было не лучше, поскольку они могли надеяться только на помощь с моря, в то время как единственная вода, которую можно было найти в *Ресифи*, набиралась из ям, вырытых на пляже, и едва ли была пригодна для использования. И хотя до них были леса, португальцы так хорошо охраняли их, что единственным топливом для них было то, что они привезли с собой. Потребности голландцев были настолько насущными, что высокие цены, которые стоило им предложить, несомненно, соблазнили некоторых из их беспородных противников, трое из которых были повешены Матиасом после того, как их уличили в запрещенной торговле с захватчиком. Голландцам не оставалось ничего лучшего, как попытаться расширить свои завоевания на море. Их первая экспедиция была направлена против острова *Итамарака*, на котором располагались двадцать три сахарных завода и который находился в восьми лигах к югу от *Олинды*. Однако им не удалось завоевать его, и они ограничились постройкой форта напротив соседнего берега, господствующего над входом в порт. В форте *Ориндж* они оставили восемьдесят человек с двенадцатью орудиями, прежде чем вернуться в *Ресифи*.

Пока происходили эти события, информация о которых, разумеется, была доведена до мадридского двора, это правительство не сидело сложа руки. На помощь лагерю *Бом-Иисуса* было отправлено девять судов, некоторые из которых попали в руки вражеских крейсеров, так что пользы от их похода было немного. Жителям провинции *Пернамбуку* в целом было предоставлено защищать свои собственные интересы, и они надеялись, что изматывающая война, которую они вели, окажется лучшим средством побудить голландцев уйти из страны. Однако, когда выяснилось, что Нидерланды снаряжают сильный флот для отправки в *Пернамбуку* под командованием адмирала Адриана Патри, который должен был увезти с собой множество голландских семей в качестве поселенцев, фабианская политика мадридского двора больше не проводилась. В Лиссабоне снова был снаряжен флот, командование которым было поручено дону Антонию Окендо. Из этого отряда, который в конечном итоге должен был отправиться в Испанскую Америку, десять судов с тысячей человек и двенадцатью пушками были предназначены для *Пернамбуку*.

Флот, который плавал под флагом Окендо, помимо десяти судов с войсками для *Пернамбуку*, состоял из двадцати военных кораблей; в то время как двадцать четыре торговых судна,

груженных сахаром, присоединились к нему для сопровождения в *Баии*, в порт которой ему было приказано зайти. Это последнее указание дало голландскому адмиралу время добраться до *Ресифи*; и, высадив свои войска, он снова вышел с шестнадцатью кораблями в погоню за врагом. Когда флоты оказались в поле зрения друг друга, Окендо приказал своим транспортам и торговым судам отойти с подветренной стороны. Затем его собственный корабль вступил в отчаянную борьбу с кораблем его противника, с судном которого он сцепился. Вскоре голландское судно загорелось, и судно Окендо чудом избежало той же участи. Однако его вовремя отбуксировали. Прославленный адмирал Патри, презрев попытку спасти свою жизнь, решил по крайней мере уберечь свое знамя от попадания в руки врага и бросился с ним в море. В этом ожесточенном сражении, которое великолепно велось с обеих сторон, погибло около трех тысяч человек, причем потери были распределены примерно поровну. На следующее утро Окендо, отдав приказ графу Баньюоло доставить подкрепление в *Пернамбуку*, продолжил свой путь к испанскому матерiku, чтобы сопровождать галеоны, направлявшиеся домой.

Баньюоло достиг порта *Барра-Гранде*, в тридцати лигах от лагеря *Бом-Хесуса*. Войска были благополучно высажены и после трудного марша присоединились к Матиасу де Альбукерке. Голландский командующий, зная, что португальцы получили подкрепление, счел необходимым сосредоточить свои войска в *Ресифи*, после чего он поджег *Олинду*, и весь город был уничтожен. Но вскоре голландцы обнаружили нецелесообразность этой последней меры, поскольку, будучи сосредоточенными в *Ресифи*, все португальские силы были брошены на этот единственный пункт. Чтобы отвлечь внимание, три тысячи человек были отправлены атаковать *Параибу*. Это место было защищено фортом, господствовавшим над баром, и поэтому голландцы решили атаковать по суше, а не входить в реку. Завязалось несколько ожесточенных боев; но *Параиба* получила подкрепление из лагеря, и захватчики в конце концов были вынуждены отступить, оставив свои припасы. Следующая попытка голландцев была предпринята на *Рио-Гранде*, у истоков реки *Потенгу*; но и здесь они потерпели неудачу.

Пока *Олинда* оставалась закрытой, торговля между провинцией *Пернамбуку* и Португалией проходила по большей части через порт, расположенный примерно в семи лигах к северу от *Ресифи*, который называется *Понталь-де-Назарет*, названный так по знаменитой церкви на горе, в которой хранится чудотворный образ Богородицы. Он был укреплен четырьмя орудиями и насчитывал гарнизон почти в двести человек. На это место голландцы направили свою следующую попытку; но, поскольку им не понравился его внешний вид, они поплыли вдоль берега, намереваясь высадиться в ручье на некотором расстоянии дальше. Случилось так, что они были встречены резким огнем отряда солдат, которые сопровождали какое-то сокровище и численность которых была скрыта зарослями. Думая, что туда был послан сильный отряд из *Назарета*, голландский командующий теперь вернулся к этому месту. Однако он ошибся, и его атака была отбита с потерей семидесяти человек.

1632.

К тому времени голландцы уже два года находились в *Ресифи*; но их завоевания ограничивались овладением этим местом и фортом на острове *Итамарака*. Однако теперь их ожидал проблеск удачи. Мулат по имени Калабар, уроженец *Пернамбуку*, по неизвестной причине дезертировал к захватчикам. Он обладал такой проницательностью и предприимчивостью и, более того, был так хорошо знаком со страной, что его помощь была неоценима. Хотя он был первым, кто дезертировал, вскоре он стал средством побудить других последовать его примеру. Его первым

подвигом было возглавить голландскую экспедицию в *Гаррасу*, место, которое он захватил врасплох, когда жители были на мессе. Они разграбили и сожгли город, обращаясь с жителями с большой жестокостью.

Прежде чем утихла тревога, вызванная судьбой *Гаррасу*, Калабар повел голландцев во вторую экспедицию на юг, где они разрушили еще одно поселение. Затем он повел их к реке *Фермозой* застал врасплох пять почти груженных кораблей. Когда португальцы построили здесь небольшой форт, чтобы предотвратить повторение подобной катастрофы, Калабар снова атаковал это место, когда командир и девятнадцать из двадцати человек гарнизона пали при его защите. Действительно, Калабар полностью смутил своего покойного командира, все планы которого были сорваны, и который был совершенно растерян, что делать. Его меры были настолько безуспешны, что он не избежал от своих соотечественников подозрения в предательстве, хотя его могут оправдать в чем угодно, кроме недееспособности.

Результаты этой войны были настолько скудными, а ее ход настолько медленным, что Вест-Индская компания теперь решилась на такой шаг, как отправка двух уполномоченных с полными полномочиями для принятия решения о ее продолжении или ином. Они привезли с собой свежие припасы и три тысячи человек. Поскольку шансы в войне теперь были в их пользу, они решили продолжать ее. Они сделали это энергично; и, добившись некоторых успехов, решили напасть на лагерь. Попытка была предпринята в Страстную пятницу, когда предполагалось, что португальцы будут задействованы в религиозных церемониях. Три тысячи человек двинулись вперед под командованием голландского командира Римбаха; но они были встречены жарким огнем, под которым пал сам Римбах, и были вынуждены отступить в большом беспорядке. Следующая попытка захватчиков была предпринята на острове *Итамарака*, в которой они на этот раз добились успеха. Потери, которые португальцы таким образом неоднократно несли, не были восполнены для них подкреплениями, и все их силы теперь сократились до тысячи двухсот человек. Такое положение вещей натолкнуло голландских комиссаров на мысль захватить лагерь осадой. Естественные трудности страны, однако, положили конец этому плану, как только была предпринята попытка привести его в исполнение.

Затем неутомимый Калабар задумал экспедицию на большее расстояние, а именно в несколько лагун в сорока шести лигах к югу от *Ресифи*. Цель, по-видимому, состояла просто в том, чтобы посеять ужас среди жителей; и голландцы вскоре поняли, что неразумно разорять страну, овладеть которой они намеревались. Им посчастливилось перехватить небольшую эскадру с припасами, отправленную из Лиссабона на помощь португальцам. После борьбы один из португальских военных кораблей был вытеснен на берег, люди, орудия и часть груза были спасены; но другой военный корабль был потоплен. Командир первого португальского судна получил приказ посадить своих людей в *Кунхау*, где четыре судна будут готовы принять их. Они, однако, едва успели погрузиться, когда голландцы набросились на них. Три были сожжены; четвертый взят в плен. Это дело оказалось одной из самых больших потерь, которые португальцы понесли за всю экспедицию. Из шестисот человек, отправленных в путь, только сто восемьдесят добрались до лагеря.

Следующая попытка голландцев была предпринята против *Рио-Гранде*, их гидом, как обычно, был Калабар. Крепость защищалась тринадцатью орудиями, но над ней возвышался песчаный холм, к которому Калабар повел осаждающих. *Рио-Гранде* пал почти сразу; и пятьсот человек, прибывших из *Параибы* на помощь, испытали унижение, увидев голландский флаг,

развевающийся над его стенами. Действительно, голландцы теперь одерживали победы со всех сторон; ибо они с помощью эмиссаров смогли поднять против португальцев *тапуя*, варварское племя, которое было изгнано португальцами в глубь страны и которое теперь безжалостно мстило своим женщинам и детям; а португальцев еще больше преследовали группы негров, которые время от времени сбегали из рабства и поселились в местности, называемой *Пальмарес*.

1634.

В феврале 1634 года голландский командующий покинул *Ресифи*, оставив это место с настолько уменьшенными силами, что Альбукерке решил попытаться захватить его врасплох — попытка, которая провалилась только из-за вялости, с которой она была проведена. Голландцы силой двинулись на *Параибу*, их целью было завладеть *улицей Св. Августина*, пункт, в котором обычно высаживались припасы и войска для *Бразилии*, и откуда отправлялась большая часть продуктов из *Пернамбуку*. Сбив португальцев с толку ложным маневром, голландцы двинулись вдоль побережья к месту под названием *Педрас*. Одиннадцать их судов пересекли отмель, в то время как вслед за ними через отверстие в рифе прошли катера с Калабаром и тысячей человек на борту. Порт *Понтал* теперь находился во владении голландцев, но поскольку бар по-прежнему находился под командованием португальцев, первые могли связаться со своими основными силами снаружи только через отверстие в рифе, через которое вошел Калабар.

Вскоре из лагеря прибыли Альбукерке и его генерал с тремя сотнями человек и, собрав отряд в восемьсот человек, атаковали голландцев в городе. Последние были повергнуты в замешательство, и португальцы легко вернули бы себе *Понталь*, если бы не отряд их собственных людей, которые были посланы заставить голландцев врасплох, атаковав их с фланга, но вместо этого застали врасплох своих товарищей. Португальцы, однако, были в такой силе, что их соперники не смогли использовать свое преимущество против них. Действительно, португальский генерал был уверен, что голландские корабли в порту должны попасть в его руки; но он не осознавал возможностей их изобретательности. Хотя им было невозможно без потерь перебраться через отмель, когда они вошли в нее, они все же смогли расширить отверстие в рифе настолько, чтобы позволить своим судам выйти. Они, однако, оставили гарнизон из двух тысяч человек для защиты города *Понтал*.

Голландцы в это время получили еще большее подкрепление в три тысячи пятьсот человек, которое в первую очередь было использовано для новой атаки на *Параибу*, цветущий город с населением около тысячи человек и двадцатью сахарными заводами по соседству. *Параиба* расположена примерно в трех милях вверх по одноименной реке, вход в которую контролировался фортом *Кабедельо*. Перед этим местом появились голландцы с двумя тысячами четырьмя сотнями человек и совершили высадку без потерь. Поскольку они значительно превосходили португальцев численностью, они победили всех, хотя со стороны их противников было проявлено много храбрости и преданности. Форт *Кабеделло* пал, а вместе с ним и форт *Святого Антонио* на другом берегу реки. Жителям *Параибы* теперь было рекомендовано, не теряя времени, удалиться на покой со своими семьями. Некоторые из них так и сделали, но большее число осталось, желая подчиниться любой власти, которая могла бы их защитить, и таким образом провинция *Параиба* попала в руки захватчиков.

Развивая этот успех, голландский командующий в следующий раз сократил капитанство в *Итамараке*, расположенной между *Параибой* и *Пернамбуку*. И лагерь *Рожденного Иисуса*, и

порт *Назарет* подверглись одновременному нападению. Первые, находясь в глубине страны и отрезанные от сообщения со вторыми, сильно страдали от нехватки провизии. После трехмесячной осады лагерь сдался при условии, что гарнизон выйдет с боевыми почестями и получит свободный проход в Испанскую Индию. Провинциальным войскам, которые теперь стали голландскими подданными, и чей первый опыт их нового правления заключался в том, что с ними позорно плохо обращались, пока они не заплатили пожизненный выкуп, который потребовали их завоеватели, никаких условий предоставлено не было. Укрепления лагеря были разрушены.

Осада *Назарета* теперь продолжалась. Это место было так плотно окружено, что никакие припасы не могли быть доставлены туда иначе, как морем. Голландцы прочесали страну во всех направлениях, но Альбукерке удалось привезти кое-какие припасы с помощью трех разобранных барков. Эти запасы, однако, могли лишь на время отсрочить наступление злого дня, и гарнизон был доведен до крайнего отчаяния. Многие умерли на своих постах от нехватки продовольствия, и, наконец, Альбукерке, занявший свой пост на *Вилле Фермоза*, примерно в шести лигах к югу, решил сдать форт, который, соответственно, капитулировал на тех же условиях, что и лагерь.

Теперь жителям *Пернамбуку* было сообщено о намерении португальских властей эвакуировать часть капитанства, расположенную вокруг столицы. Тем людям, которые могли бы решить эмигрировать, была предложена защита; но большее число предпочло подчиниться голландцам. Эмигрировало около восьми тысяч человек, не считая индейцев или рабов. Их путь пролегал мимо *Порто-Кальво*, который находился в руках голландцев. Альбукерке принял меры предосторожности на случай нападения, и местному жителю, подчинившемуся голландцам, разрешили отправиться на разведку. Он ухитрился бросить письмо на виду у часовых. Это было передано Альбукерке и проинформировало его о том, что накануне вечером ужасный калабар с двумястами солдатами вошел в *Порто-Кальво*. По сообщению того же информатора, голландского командующего было легко убедить атаковать португальцев. Он попал в засаду и был вынужден отступить, оставив на поле боя пятьдесят человек. Преследуемые победители вошли в укрепленное место и завоевали его после отчаянной борьбы, при этом более половины гарнизона было убито. Португальцы тоже понесли тяжелые потери; однако они не были обескуражены и охраняли все проходы, через которые враг мог послать за помощью. Голландцы теперь были лишены воды и находились в плотной осаде. Через шесть дней они были вынуждены сдаться, и им были предложены хорошие условия, а именно отправка через Испанию в Голландию. *Порто-Кальво* был родиной Калабара, и здесь он закончил свою карьеру, будучи повешенным.

Альбукерке теперь сравнял с землей укрепления *Порто-Кальво* и закопал захваченные им орудия. Затем он проводил эмигрантов в *Лагоас*, где они разошлись, одни отправились в *Баию*, другие - в *Рио-де-Жанейро*. Португальские военные силы, оставленные сейчас в *Лагоасе*, состояли из четырехсот человек, не считая индейцев, и было решено укрепить южное поселение.

Тем временем голландцы давали мадридскому двору серьезный повод для тревоги, строя военно-морские арсеналы в *Ресифи*, что позволило им больше не зависеть от Европы в ремонте своего флота. Корнелис Джуб с четырнадцатью судами вступил во владение *Фернандо Норонья*. Оттуда он отплыл, чтобы перехватить мексиканский флот, и догнал его у *Багамских островов*.

Из-за неправильного поведения некоторых из его капитанов ему не удалось захватить его; но опасность, которой он подвергался, побудила короля Испании отдать приказ о том, что следует приложить все усилия для возвращения *Пернамбуку*. Для этой цели были соответственно подготовлены силы, и семнадцать сотен человек были отправлены вперед под командованием *дона Луиса де Роксаса*, который должен был сменить *Альбукерке*. *Роксас* был высажен в *Лагоасе* со своими припасами и людьми.

1635.

1636.

Новый испанский командующий проявил немалую степень самодостаточности, решив пренебречь советами, которые давали ему те, кто был знаком со страной. Голландцы, находя большие неудобства в связи, которую невозможно было предотвратить, между подчинившимися бразильцами и португальскими властями, теперь приказали всем, кто проживал в районе *Порто-Кальво*, двигаться на север. Оставив семьсот человек в *Лагоа* под командованием графа *Баньюоло*, *Роксас* в начале года начал свой марш на север с вдвое большим числом. Не успел он двинуться в путь, как до него дошла информация, что голландский генерал отбил *Порто-Кальво*. После этого *Ребелло* был отправлен вперед с двумя ротами, чтобы занять позиции противника до тех пор, пока не подойдет весь отряд. *Шоппе*, однако, не стал дожидаться их появления, а отступил к *Барра-Гранде*. Затем *Роксас* узнал, что другой голландский генерал продвигается на помощь *Шоппе*, и, ослабив себя, оставив пятьсот человек в *Порто-Кальво*, он отправился на его поиски. Встреча двух сил продолжалась недолго, но ночь им пришлось провести, обнявшись. Утром *Роксас*, который тем временем послал за своими войсками из *Порто-Кальво*, не стал дожидаться их прибытия и в немедленно завязавшемся бою сам был убит. Голландский командующий не стал развивать свой успех, а вернулся в *Перипуэйру*.

Командование теперь перешло к графу *Баньюоло*. Он продвинулся к *Порто-Кальво*, где было собрано восемнадцать сотен человек и откуда теперь подвергалась нападению часть страны, находившаяся в руках голландцев. Положение жителей было действительно плачевным, ибо они были призваны служить двум господам, чье служение было так же трудно примирить, как служение Богу и *Маммоне*. Им даже не разрешалось мирно исповедовать свою религию, поскольку голландцы делали все возможное, чтобы обратить их в реформатскую веру. Утверждается, что завоеватели обращались с колонистами с непростительной жестокостью. Они не только подлежали смертной казни по малейшему подозрению в связях с врагом, но нередко подвергались пыткам, чтобы заставить их раскрыть свое богатство.

Положение голландцев также не было очень счастливым. Они завоевали три капитанства; но их целью было развитие их ресурсов, а поскольку португальцы теперь были достаточно сильны, чтобы перейти в наступление в изматывающей грабительской войне, осуществить это было не очень легко. Неудивительно, что жители *Пернамбуку* пожелали эмигрировать и что четыре тысячи из них с этой целью отдали себя под конвоирование главного оператора-туземца. Они прошли в безопасности более семидесяти лиг по стране, подвластной голландцам. Многие другие, кто не смог присоединиться к этому конвою, попытались последовать за ним и были при этом отрезаны.

Поскольку теперь стало очевидно, что невозможно развивать ресурсы страны до тех пор, пока она не будет полностью подчинена, в Голландию были направлены представления с этой целью. Слава и удача войны на данный момент повернулись в пользу португальцев. Интересно знать, что до этой даты расходы Голландской Вест-Индской компании составляли сорок пять миллионов *флоринов*. Они захватили у врага не менее пятисот сорока семи судов. Более тридцати миллионов *флоринов* призовых денег поступили в общественный фонд, и они привезли домой из Африки товаров почти на пятнадцать миллионов больше. Таким образом, их поступления уравнивали их расходы, не говоря уже об их колониальных владениях и о том факте, что, по их оценкам, они заставили испанцев потратить почти двести миллионов. Теперь они решили послать Яна Мориса, графа Нассауского, в качестве генерала с неограниченными полномочиями и с силами, достаточными для завершения и закрепления их завоеваний. Он достиг *Ресифи* в январе 1637 года.

ГЛАВА II.

БРАЗИЛИЯ; ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА; ПРАВИТЕЛЬСТВО ГРАФА НАССАУ.

1638-1644.

Граф Нассауский прибыл в *Бразилию* в критический момент, поскольку португальцы были настолько воодушевлены успехом, что даже дорога между *Ресифи* и *Олиндой* была небезопасной, а сахарные заводы, существование которых имело такое жизненно важное значение, оказались в опасности. Десятая часть из них в то время была обработана на сумму не менее двухсот восьмидесяти тысяч *флоринов*. Нассау распределил две тысячи шестьсот человек по гарнизонам; в то же время он сформировал армию из трех тысяч человек и выделил шестьсот для ведения грабительской войны. Запасов было так мало, что было трудно снабжать гарнизоны и в то же время обеспечивать войска провизией на двухмесячный поход. Голландцы, как и англичане, хорошо сражаются, когда их хорошо кормят, но грустно ворчат, когда им сокращают рацион. Однако теперь такова была их судьба.

После дня общей молитвы Нассау начал свой марш. Голландцы беспрепятственно продвинулись на расстояние двух лиг от *Порто-Кальво*, прежде чем португальцы были проинформированы об их передвижениях. Затем была предпринята вылазка, но безрезультатная, и в тот же вечер Нассау разбил свой лагерь под фортом. Португальский генерал Баньюоло отступил ночью, и голландцы теперь могли поддерживать связь со своим флотом в устье реки *Педрас* на которой находится *Порто-Кальво*. Через пятнадцать дней сильно пострадавший форт сдался на почетных условиях, гарнизону был обещан проход в Испанскую Индию. Баньюоло отступил в город *Сан-Франциско*, расположенный на реке с тем же названием. Его войска, однако, были полностью дезорганизованы и потеряли всякую уверенность в своем генерале. Не дожидаясь голландца, он покинул эту позицию и вернулся к *Серегипе*.

Захватив *Порто-Кальво*, граф Нассауский, не теряя времени, бросился в погоню. Он пересек реку *Пьяги* на плотах, что было сопряжено с большими опасностями. Он, однако, не считал нужным преследовать Баньюоло дальше *Сан-Франциско*. Португальцы были теперь изгнаны из

провинции *Пернамбуку*, и его целью было обезопасить от них эту реку. Сдав город *Сан-Франциско*, Нассау построил там форт, который назвал по своему имени *Мауриц*; и, переправившись через реку, он заставил жителей дальнего берега вместе с их имуществом перейти на северный берег. Затем он исследовал реку примерно на пятьдесят лиг вверх по течению, обнаружив великолепные пастбища с бесчисленными стадами крупного рогатого скота. Восхищенный этой землей, он написал своему родственнику принцу Оранскому, убеждая его использовать свое влияние на Компанию, чтобы побудить их прислать немецких колонистов; он был бы рад даже заключенным, чтобы их трудом осваивать ресурсы этого богатого региона. Он также попросил прислать больше солдат и провизии, пригодной для хранения флота.

Пока Нассау был оккупирован на юге, его соотечественники были заняты реорганизацией *Олинды* и *Ресифи*. Все люди, занимавшиеся там торговлей, были объединены в компании; евреям было разрешено соблюдать свой собственный день субботний; были приняты меры по обращению местных жителей, и для их детей были открыты школы. Восстановление *Олинды*. Велись поиски мин, но по большей части напрасно. В начале сезона дождей Нассау, оставив Шоппе с шестнадцатью сотнями человек в форте *Мауриц*, вернулся в *Ресифи*, где его присутствие было крайне необходимо. Весомость его положения и авторитета вкупе с его строгой справедливостью внушали благоговейный страх его соотечественникам, которые давали волю всякому беззаконию. Большим нарушениям, которые до сих пор преобладали, теперь был положен конец, и от десятых долей пошлин на сахар, муку и других товаров правительство начало получать значительный доход. Опустевшие сахарные заводы были проданы для общественного блага, и некоторое представление об их важности можно составить из того факта, что Вест-Индской компании они принесли не менее двух миллионов флоринов.

Граф Нассау также не упускал из виду целесообразность побудить португальцев вернуться в их владения в провинции, но на таких условиях, которые могли бы сделать их подданными в безопасности. Они должны были подчиняться голландским законам и налогам; они должны были обладать полной свободой совести, их церкви содержались в ремонте государством; но они не должны были принимать никаких посетителей из *Баии*, и никакие новые монахи не должны были допускаться до тех пор, пока сохранялась достаточная сумма для служения религии. Верховный совет должен был выделить два дня в неделю для отправления правосудия между ними.

На этих условиях изгнанникам было разрешено вновь вступить во владение своим имуществом; и они считались настолько справедливыми, в то время как обращение Нассау со своими пленными было настолько великодушным, что ненависть к голландцам, таким образом, заметно уменьшилась. Нассау также установил благотворительную систему, которую его соотечественники должны соблюдать по отношению к коренным бразильцам.

Граф Баньюоло обосновался в *Серегипи* или *Сент-Кристоваме*. Это небольшое капитанство, простирающееся всего на сорок пять лиг побережья, отделяет *Баию* от *Пернамбуку*, будучи ограниченным на юге рекой *Тапикуру* и *Сан-Франциско* на севере. Оттуда Баньюоло разослал сведения о своем положении во все концы; и оттуда он обновил свою систему грабительской войны. Трижды авантюрист Суто, предавший Калабара, пересекал *Сан-Франциско* на плотax и преследовал неохранных голландцев, неся разрушения почти до *Ресифи*. Эти вторжения достигли таких масштабов, что Нассау, который в то время был инвалидом из-за болезни, был

вынужден послать Гисселина с двумя тысячами человек для усиления Шоппе с целью изгнать Баньюоло из *Серегипи*.

Теперь перед португальцами встал вопрос о том, чтобы закрепиться в последнем названном месте; но доводы благоразумия или робости возобладали, и Баньюоло снова отступил, предварительно послав отряд опустошить местность у себя за спиной. Несчастных беглецов преследовали мстительные туземцы, которым предстояло расплатиться за причиненные обиды. В своем несчастье многие решили покориться своим преследователям, но большее число все еще придерживалось своего меланхолического образа жизни. Тем временем Шоппе продвинулся к *Серегипи*, провинцию которого он обнажил перед своим возвращением в форт *Мауриц*, тем самым противодействуя благоразумной политике Нассау в отношении примирения португальцев, которых теперь отчаяние гнало вперед к *Баии*.

Ход войны между Испанией и Голландией теперь переносит нас на мгновение из *Бразилии* к побережью Африки; поскольку операции на последнем континенте проводились по приказу графа Нассау, они должны быть связаны с историей Бразилии. Комендант голландского форта *Мури* на Золотом берегу отправил графу информацию о том, что хорошо направленная атака на важное португальское поселение *Сан-Жоржи-да-Мина*, вероятно, приведет к захвату этого места. Подробности о его состоянии были сообщены губернатору, который еще больше вмешался в работу гарнизона. Это место уже однажды безуспешно атаковали голландцы, и на этот раз воспоминание об их прежнем поражении требовало большей осторожности. Восемьсот человек были отправлены на эскадре из девяти судов под командованием одного из членов Верховного Совета. После короткой четырехдневной осады, в ходе которой не погиб ни один португалец, это место перешло в руки голландцев. Захватчики, однако, значительно пострадали от рук негритянских союзников Португалии. Оставив гарнизон в *Сент-Хорхе*, голландский командующий вернулся в *Ресифи*.

Тем временем Нассау не сидел сложа руки в *Бразилии*. Провинция *Сеара* попала в его руки; и он сам совершил путешествие по княжествам *Параиба* и *Потенгис* целью привести в надлежащий вид пострадавшие места. Теперь он получил разведданные из Лиссабона о том, что для *Бразилии* снаряжается еще один крупный флот, и он принял меры предосторожности, запросив подкрепление у Вест-Индской компании. По возвращении из *Параибы*, хотя он получил только пополнение в двести человек, он решил предпринять экспедицию против *Сан-Сальвадора*. Жители *Баии* были далеки от того, чтобы ожидать подобного нападения, но, к счастью для них, Баньюоло, которого бедствия заставили насторожиться, принял меры предосторожности ради них. С помощью шпионов он был осведомлен о передвижениях в Нассау и поселился на вилле *Велья*, недалеко от *Сан-Сальвадора*. Начальник португальского разведывательного управления - активный Суто, который предал Калабара, — был направлен в *Пернамбуку* для получения более точной информации. Он не заставил себя долго ждать, поскольку после того, как доблестно атаковал голландские силы, превосходящие по численности его собственные, в его руки попало письмо с подробным описанием намерений Нассау.

1638.

Жители *Баии* теперь осознали грозившую им опасность, и после торопливых пятидневных приготовлений голландцы появились у берегов залива. Высадившись днем в *Тапагипе*, на следующее утро они двинулись против города, который защищал гарнизон численностью в

полторы тысячи человек, в дополнение к тысяче или более человек из *Пернамбуку*. В первый день войска обеих сторон столкнулись друг с другом на открытом месте, не переходя в атаку; но, поскольку такая осмотрительная тактика со стороны их защитников не пришлась по вкусу горожанам, Баньюоло на следующее утро выступил, чтобы дать сражение голландцам. Однако враг изменил свою позицию, и ему не оставалось ничего лучшего, как вернуться.

Теперь Нассау начал атаковать форты и овладевать высотами вокруг города; и португальцам в час опасности хватило здравого смысла сосредоточить военное командование в одном лице, Баньюоло, чье рвение и активность в этот критический момент оправдали оказанное ему доверие. Атака, предпринятая на окопы *Сан-Антонио* пятнадцатью сотнями голландцев, была отбита с потерей двухсот человек. Голландскому генералу помешали в его усилиях, главным образом из-за недостатка местных знаний о стране, в которой проводились эти операции. Разведывательный отдел португальцев, с другой стороны, обслуживался превосходно, и осажденные были в изобилии снабжены провизией, в то время как в голландском лагере был дефицит.

1 мая были открыты голландские батареи; но как только стены города исчезли перед ними, внутри возникли новые укрепления. Шли дни и недели, и Нассау начал испытывать большие неудобства из-за нехватки провизии - зло, которое его группы фуражиров были не в состоянии исправить. Теперь он решил взять траншеи штурмом, и вечером 18-го три тысячи человек получили приказ идти на штурм. Ров был легко захвачен, но у ворот завязался ожесточенный бой. К этому месту были стянуты все силы с обеих сторон. В конце концов голландцы уступили, несмотря на все усилия своего генерала, и когда наступила темнота, знание местности, которой владели португальцы, дало им еще большее преимущество. На следующее утро Нассау попросил перемирия, чтобы похоронить погибших. Голландцы потеряли пятьсот человек убитыми, а пятьдесят других попали в плен. Потери на стороне португальцев составили менее половины от приведенного выше числа, но в их числе был неутомимый Суто. Еще неделю осаждающие продолжали бесполезный обстрел города, по истечении которого они отказались от своего предприятия, сильно пострадав от болезней во время шестинедельной осады. Голландцы вернули своих пленников, оставив шестьдесят своих, но увели с собой четыреста негров.

Несмотря на свой отпор, граф Нассау не оставлял надежды взять *Сан-Сальвадор* в более удобное время года, и с этой целью он повторил свою просьбу к Роте о подкреплении. Этот орган после долгих размышлений принял решение открыть торговлю с *Бразилией*, которая до сих пор была их монополией. Нассау, мнения которого спросили, дал свой совет в пользу этой меры. Он настаивал на том, что единственная надежда на создание успешной колонии - это предложить голландцам стимулы к эмиграции в *Бразилию*, и что, если бы торговля не была открыта, таких стимулов не могло бы быть. Его слово возымело действие, и монополия Компании на будущее была ограничена торговлей рабами, боевыми орудиями и бразильскими лесами.

Воспоминание о захвате мексиканского флота Хейном побудило Компанию отправить большую эскадрилью под командованием опытного Джола для совершения аналогичного подвига. Старый капитан отправился из *Ресифи* с большими надеждами, которые, однако, вскоре были обречены на разочарование. Он действительно встретил мексиканский флот, с которым решительно вступил в бой; но его капитаны не поддерживали его, и поэтому испанцы спаслись бегством. Эта тщетная попытка отвлечь войска в тот момент, когда Нассау остро нуждался в

помощи, стала причиной большого затруднения для этого генерала в осуществлении его планов. В начале следующего года [1639] Артишоски привел небольшое подкрепление; но сам он вскоре вернулся в Голландию, выдвинув несколько абсурдных обвинений против графа Нассау, которые были сразу же опровергнуты.

В этот период Вест-Индская компания владела шестью провинциями в *Бразилии*, простиравшимися от *Серегипи* на юге до *Сеары* на севере. Первый из них был опустошен, в то время как контроль над последним был ограничен одним небольшим фортом. Тем не менее, местные жители были дружественными союзниками голландцев. Важное капитанство *Пернамбуку* состояло из пяти городов, а именно — *Гарасу*, *Олинда*, *Ресифи*, *Белла-Пожука* и *Серинхэм*; ему также принадлежало несколько значительных деревень. До голландского вторжения здесь действовал сто двадцать один сахарный завод, из которых тридцать четыре сейчас опустели. В *Итамараке* до сих пор сохранилось четырнадцать сооружений из двадцати трех, существовавших до завоевания. У *Параибы* по-прежнему было восемнадцать работ из двадцати, в то время как у *Рио-Гранде* — одна из двух. Во всем голландском доминионе выжило сто двадцать человек. Десятые доли их продукции сдавались в аренду — в *Пернамбуку* за 148 500 флоринов; в *Итамараке* и *Гохане* за 19 000; и в *Параибе* за 54 000. С учетом других предметов целые десятые доли составили 280 900 флоринов.

В то время как страна серьезно пострадала от голландского вторжения, город *Ресифи*, будучи резиденцией правительства и торговли, процветал. Колонисты были очень нужны; особенно остро ощущался постоянный спрос на квалифицированную рабочую силу — три, четыре и шесть флоринов в день выдавались в качестве заработной платы строителям и плотникам. Португальских жителей этих провинций держал в повиновении только страх, за исключением евреев, которые были прекрасными подданными. С коренными бразильцами у голландцев были серьезные проблемы; в то время как негры были более редки и, следовательно, более дороги, чем раньше, некоторые последовали за своими португальскими хозяевами в их эмиграции, а другие присоединились к черной общине в *Пальмаресе*. Военная сила голландцев составляла немногим более шести тысяч человек, и они рассчитывали на тысячу туземных вспомогательных войск; но вся эта сила требовалась для гарнизонов. В целом, колонию едва ли можно было назвать процветающей. Без поставок из Голландии она едва ли могла обеспечивать себя продовольствием, поскольку так много земледельцев было изгнано. Все владельцы земли были вынуждены под страхом суровых наказаний посвятить определенную ее часть выращиванию маниока.

Граф Нассау, широко смотревший на будущее своих соотечественников в *Бразилии*, теперь приступил к строительству себе дворца, который он назвал *Фрибург*, на острове близ *Ресифи*; и в своих садах на этом месте он пересадил семьсот взрослых деревьев какао, а также лимоны, цитроны и гранаты. Чтобы облегчить перенаселенность *Ресифи*, он предложил построить на этом острове еще один город; болотистая почва вскоре была осушена каналами; были проложены улицы, и на *Маврикии* быстро выросли дома, которые должны были быть соединены мостом с *Ресифи*. Истратив сто тысяч флоринов, подрядчик в отчаянии отказался от этой попытки; но то, чего нельзя было добиться с помощью каменных опор, было возможно с помощью деревянных, и за два месяца мост был достроен самим графом Морисом. После успеха этого предприятия Нассау построил еще один мост через *Капивариби*; таким образом, соединив *Ресифи* с противоположной страной через *Маврикий*. Примечательно, если это

действительно так, как указано, что это должны быть первые мосты, возведенные в регионе, столь хорошо орошаемом, как Португальская Америка.

Меры Нассау, показывавшие, что голландцы полностью верили в свои силы удержать то, что они захватили, были в немалой степени рассчитаны на то, чтобы обескуражить португальцев. Но в Лиссабоне не все надежды были потеряны. Один из министров, добившийся аудиенции у короля, так убедительно описал пагубные последствия того, как обходились с интересами Бразилии, что фаворит Оливарес оказался вынужден приложить усилия для их облегчения. Был снаряжен большой флот, командование которым было передано графу Даторре, который был назначен губернатором *Бразилии*. Этот флот, как и многие другие, прибывшие из той же страны, был обречен на неудачу, его первым бедствием было отправление на *Мыс Вердс*, чтобы там ожидать своих испанских спутников, и где он потерпел ужасную гибель, более трети людей было отрезано. Когда он достиг *Ресифи*, вместо того, чтобы быть в состоянии блокировать это место и, таким образом, уничтожить его голодом, его командир был вынужден из-за большого количества больных на борту отправиться в *Сан-Сальвадор [Баия]* как в санаторий. В этом здоровом климате его люди выздоровели, но прошел целый год, прежде чем он снова смог выйти в море.

Между тем, прежде чем отправиться в путь, губернатор послал вперед войска, разделенные на небольшие отряды, которые должны были нести огонь и меч по провинциям противника и, наконец, объединиться в одно целое и присоединиться к действиям флота, когда он появится в поле зрения. У Нассау, однако, было время подготовиться, и противоборствующие силы встретились в море 12 января 1639 года близ *Итамараки*, когда пал голландский адмирал. Последовали еще три военно—морских сражения - последнее у *Потенги*, так далеко португальцев унесло ветрами и течениями за пределы их пункта назначения. Таким образом, превосходство в маневрировании и преимущества погоды позволили очень слабым силам сбить с толку флот, состоявший не менее чем из восьмидесяти семи судов и имевший на вооружении две тысячи четыреста орудий. Оказавшись в то время за *Ресифи*, это место было на время совершенно безопасным, поскольку для флота было безнадежно пытаться вернуться обратно против течений и преобладающих ветров.

При таких обстоятельствах военный отряд численностью в тысячу триста человек вместе с местными союзниками высадился к северу от *Потенги*. Перед этими войсками стояла ужасная задача - найти путь по суше в *Баию*, преодолев расстояние в триста лиг, через такую страну, как *Бразилия*, и без каких-либо припасов, сверх того, что каждый человек мог унести. После этого граф Даторре поплыл против ветра в Вест-Индию а оттуда в Европу. Мы не удивлены, узнав, что по прибытии в Лиссабон он был брошен в тюрьму. У его подчиненного Видаля, стоявшего во главе сухопутных войск, не было иного выбора, кроме как снова разбить их на небольшие группы. Когда к ним присоединились войска с севера, они, насколько это было возможно, вернулись в *Баию*, куда беглецы благополучно добрались, питаясь тем временем, как говорится, в основном сахаром.

Нассау не замедлил приступить к делу возмездия за хаос, учиненный португальцами. Две тысячи *тапуя* в союзе с голландцами были отпущены на *Баию*, а их семьи тем временем содержались в качестве заложников на острове *Итамарака*. Затем адмирал Джол был отправлен в *Реконкейв*, чтобы опустошить его огнем и мечом. Весь сахарный завод в этой обширной бухте был разрушен. Но вскоре обе стороны увидели безумие этой опустошительной

войны, и новый вице-король, маркиз Монте-Альвам, вступил в переговоры с голландцами о ее прекращении; но они не приносили никаких плодов до тех пор, пока провинция *Пернамбуку* не была по его секретному приказу в свою очередь опустошена. Однако его разбойничьи шайки были настолько хорошо знакомы со страной, что ускользнули от бдительности голландцев, и вице-король публично отрекся от их действий.

Важные перемены в Европе в то время изменили облик дел в *Бразилии*. В 1640 году герцог Браганса вернул себе трон Португалии. Когда информация об этом событии дошла до вице-короля, были немедленно приняты меры по разоружению испанской части гарнизона, после чего был провозглашен король Иоанн. Эта новость была воспринята с энтузиазмом по всей *Бразилии*, как и по всей Португалии. Это имело важное значение для отношений между Португалией и Голландией, поскольку обе страны в настоящее время находились во вражде с Испанией, и, соответственно, это было должным образом доведено до сведения Нассау. Странный поворот произошел теперь в судьбе самого вице-короля. Двое из его сыновей, как оказалось, бросили дело своей страны и бежали в Мадрид, в результате чего Вильена, иезуит, был отправлен в *Баию* с условными инструкциями свергнуть вице-короля на случай, если он тоже примкнул бы к той же партии. Хотя он вел себя преданно Португалии, теперь его ненадлежащим образом и возмутительно сместили и отправили заключенным в Лиссабон.

1641.

Тем временем известие о революции в Португалии было с большой радостью воспринято в *Ресифи*, как жителями Пернамбукена, так и голландцами, хотя и по совершенно разным причинам. Жители *Пернамбуку*, стремившиеся избавиться от иностранного контроля, ожидали получить в этом более эффективную помощь, чем они получили от Испании; в то время как голландцы надеялись обеспечить свои собственные завоевания в период, когда их враги были разделены между собой. И последние не ошиблись в своих расчетах. Пока шло всеобщее ликование, из Голландии прибыл корабль, объявивший, что между Штатами и Португалией заключено перемирие на десять лет. Однако в силу обстоятельств, для полной оценки которых требуется немного внимания, это перемирие оказалось совершенно иллюзорным.

Сразу после революции король Португалии оказался в положении, требующем предельной осмотрительности. Его первой целью было заручиться верностью держав, враждовавших с Испанией, то есть Англии, Франции и Голландии. Его следующей целью было закупить для Португалии оружие и боеприпасы, которых он был в значительной степени лишен Мадридом. Имея в виду эти цели, послы были немедленно отправлены из Лиссабона в три вышеназванные страны. Португальский суд утверждал, что, поскольку их страна просто была вовлечена в военные действия с Голландией как придатком Испании, они, вновь став независимыми, имели право вернуть себе отнятые у них владения. Голландцы, с другой стороны, с большим основанием утверждали, что, поскольку ресурсы Португалии были использованы против них, они имели полное право сохранить владения, завоевание и удержание которых стоило им так дорого. Эти вопросы были на время разрешены заключением десятилетнего перемирия.

Но голландские переговорщики проявили дух макиавеллизма. Был дан годичный срок для уведомления голландских властей в Индии о перемирии, и с этой оговоркой оружие и боеприпасы были поставлены в Португалию, в то время как войска и корабли были отправлены в Лиссабон для использования против общего врага. Голландцы тем временем вероломно

потребовали от Нассау, который просил отозвать их, воспользоваться возможностью расширить свои завоевания, особенно в отношении *Баии*. Единственным оправданием такого поведения Голландии является то, что они не верили, что разделение между Испанией и Португалией будет длительным, и что, разоряя последнюю страну, они думали, что просто наносят вред своему заклятому врагу.

По отъезде вице-короля из *Бразилии* правительство перешло в руки комиссии из трех человек, которые теперь послали Вильену-иезуита с другим в *Ресифи* для установления дружественных отношений между двумя колониями. Вильена воспользовался этой возможностью, чтобы вернуть значительное количество посуды и других сокровищ, которые были зарыты братьями его ордена и Альбукерками. Нагруженный этим, он отплыл из *Бразилии* на небольшом судне, на котором должным образом достиг *Мадейры*. Там, однако, его угнетало опасение снова доверить свое богатство маленькому кораблю, который благополучно доставил его до сих пор. Соответственно, он отплыл без него и должным образом достиг места назначения. Ему самому повезло меньше. Решив лучше обеспечить себя от нападения, он погрузил свою личность и свои богатства на борт большого корабля из Леванта, направлявшегося в Лиссабон. Он был захвачен алжирскими пиратами, которые стали наследниками сокровищ иезуитов и альбукерков и которые продали Вильену в рабство.

Приказы временного правительства в *Баии* португальским флибустьерам вывести свои силы с португальских территорий теперь были выполнены, и лидеры были приглашены в *Ресифи*. Во время своего пребывания там португальские комиссары увидели основания для подозрений в поведении графа Нассау и соответствующим образом предупредили свое начальство. Те, кто привык к нашим современным представлениям о международной добросовестности, вряд ли поверят, что граф Морис Нассауский после своих публичных заявлений и после того, как принимал у себя не только эмиссаров бразильского правительства, но также и командиров, которые недавно подняли оружие против него, теперь должен был действовать так, как он поступил. Но, тем не менее, он был готов распространить свои завоевания на все стороны, даже решившись, в силу доверия, которое правительство *Баии* оказало ему по доброй воле, отвести большую часть своих гарнизонов с целью нападения. Жители *Серегипе* были застигнуты врасплох эскадрой, несущей флаг перемирия, и *Сент-Кристовам* был таким образом захвачен.

1641.

Еще одним результатом прекращения португальских военных действий стало то, что Нассау направил адмирала Жола с двумя тысячами солдат против *Сен-Поль-де-Лоанда*, самого важного португальского владения в Африке. Он попал в руки голландцев без особого сопротивления, что нанесло тяжелый урон бразильцам, все поставки негритянских рабов для которых поступали из этого источника. Это была потеря не только для них как работорговцев, но и без поставок рабов их бразильские владения были почти бесполезны. Голландская компания установила правительство в *Анголе* независимое от правительства *Ресифи*. Из *Лоанды* адмирал Джол двинулся против острова *Сент-Томас*, который после четырнадцатидневной осады сдался. Климат, однако, вынудил голландцев заплатить суровый штраф. Говорят, что лишь десятая часть сил вторжения избежала смерти или болезней, и сам адмирал Джол был одной из жертв.

1637, 1648.

Теперь необходимо вернуться к северной части Бразилии, которая, будучи отделена ареной голландских завоеваний от резиденции правительства в *Сан-Сальвадоре*, до сих пор оставалась незатронутой войной. В этой части света несколько английских авантюристов безуспешно пытались закрепиться; но главные события, о которых следует рассказать, - это попытка обнаружить истоки *Амазонки* и охота за рабами младшего Масиэля, такого же большого негодяя, как и его отец, и который теперь был губернатором *Пара*. Первоначально предыдущей экспедиции было путешествие нескольких миссионеров, которые были отправлены к местным жителям из *Кито*, и которые были доставлены к реке *Напо*. Вниз по этому течению они, как и Орельяна, были отнесены к *Амазонкам*, и, как и он, они были унесены по этой реке к океану. Вскоре после их прибытия в *Белем* была организована экспедиция для исследования реки вверх по течению, взяв миссионеров в качестве проводников. Командование этим исследовательским отрядом принял Тейшейра с семьюдесятью солдатами и двенадцатью сотнями туземцев и в назначенное время прибыл в *Кито*, где был принят с большой радостью.

The *Конде* де Шиншон, который в то время был вице-королем *Перу*, счел эту экспедицию настолько важной, что приказал Тейшейре возвращаться тем же маршрутом, взяв с собой двух человек, которые должны были представить его отчет и изыскания мадридскому двору. Главным из них был выбран Кристовал Дакунья. По пути вниз, среди множества открытий, главное из которых можно найти на ранних картах *Бразилии*, они сделали одно из объектов, которые в Европе знакомы нам с детства, а именно *каучуконосное растение*, или индийский каучуконос. Утверждается, что португальцы из *Пара* имели обыкновение использовать его для изготовления обуви, головных уборов и одежды, а его непроницаемость для воды делала его бесценным. Когда португальцы во время своего путешествия вниз по течению попали в знакомые регионы, их инстинкты захвата рабов сильно овладели ими. Некоторое время их сдерживал их командир Тейшейра и сопровождавшие его иезуиты.

Однако, продолжая свой путь, Тейшейра и Акунья с огорчением обнаружили португальцев, обосновавшихся в форте и собирающих деньги для экспедиции по охоте на рабов. Их возглавлял молодой Масиэль, который путем предательства и больших эксцессов ухитрился раздобыть добычу в двести рабов. Следствием этой и других подобных варварских практик стало то, что туземцы по берегам *Амазонки* стали настолько враждебны к португальцам, что последние даже до середины восемнадцатого века не имели возможности тщательно исследовать эту реку дальше, чем до первых водопадов. Только 12 декабря 1639 года Тейшейра и его отряд прибыли в *Белем* или *Пара*.

1642.

Голландская компания разослала графу Нассау указания вступить во владение островом и провинцией *Маранхам*, будучи хозяевами которых, они могли спокойно охотиться на испанские острова Мейн. На рассматриваемом острове старший Масиэль теперь был губернатором, и хотя его предупреждали остерегаться голландской агрессии, он оставался в состоянии слепой уверенности до тех пор, пока голландская эскадра из четырнадцати орудий не появилась в проливе, отделяющем остров от материка. Масиэль, заявив, что его правительство находится в мире с Голландией, договорился с голландским командующим. Между ними была достигнута договоренность, что Масиэль останется в своем правительстве до получения инструкций из Нидерландов, а тем временем голландцы должны быть расквартированы в городе. Они, однако, действовали недобросовестно. Скорее из-за трусости Масиэля, чем из-за чего-либо другого,

они завладели этим местом и взяли губернатора в плен. Вскоре после этого его перевезли в *Ресифи* и отправили заключенным в форт *Рио-Гранде*, где он умер в возрасте семидесяти пяти лет.

Лиссабонский суд, естественно, подал протест в Гаагу против поведения Нассау, чьи действия против их колониальных владений прямо противоречили помощи, которую Португалия тем временем получала от Голландии против Испании. Однако единственным удовлетворением, которое они получили, был уклончивый и не соответствующий действительности ответ о том, что Нассау действовал так, как он поступил, не зная о ратификации перемирия. Голландцы были полны решимости сохранить то, что они выиграли, а португальцы были в равной степени полны решимости вернуть то, что они потеряли. В *Бразилию* был назначен новый губернатор с приказом возбудить дело против комиссии из трех человек, которая ошибочно заменила маркиза Монте-Алвама. Двое из них были отправлены домой в качестве заключенных, одному из них было разрешено в течение многих лет оставаться в лиссабонской тюрьме; епископ, который был третьим членом церкви, был вынужден возместить вознаграждение, которое он получил за время своего совместного управления.

Новый губернатор *Бразилии* теперь подражал неискреннему поведению, дурной пример которого подал ему Нассау. Он заявлял, что дружит с голландцами, но ждал первой возможности выступить против них. Нассау не позволили спокойно пользоваться приобретенными владениями. Необычно влажный сезон привел к разливу рек, унося людей и скот и уничтожая много растительности; в дополнение к этому, большие разрушения были вызваны оспой. По этим причинам народ был не в состоянии платить обычные налоги; и все же голландская компания, полагаясь на перемирие, которым они так пренебрегли, поручила вице-королю сократить свои военные расходы, мера, против которой он решительно протестовал. Естественно, он указал, что португальцы будут ждать возможности возместить свои потери.

Граф Нассау в это время вынашивал обширные планы завоеваний. Он намеревался предпринять экспедицию против *Буэнос-Айреса*; но силы, зарезервированные для этой службы, теперь были необходимы для защиты *Маранхема* и *Сент-Томаса*. Действительно, настолько велик был риск восстания также в этих местах, как в *Анголе* и *Серегипе*, что, чтобы иметь под рукой войска, Нассау был вынужден отложить экспедицию против негров в *Пальмаре*. До того, как возникла эта необходимость, в море вышла эскадра, которой было суждено действовать против *Чили*. Им командовал Брауэр, чье имя примечательно как одного из первых мореплавателей, обогнувших мыс *Горн*. Он намеревался пройти через *Магелланов пролив*, но штормы отбросили его на юг. Он достиг *Чилоэ* и взял штурмом несколько испанских фортов. Но известие о его прибытии было получено в *Лиме*, и испанцы были готовы противостоять его дальнейшему продвижению. Брауэр погиб при *Кастро*. Его преемник, Герцманн, достиг *Вальдивии*; но, будучи не в состоянии обосноваться там из-за нехватки припасов, он вернулся в *Пернамбуку*.

1643.

Амбиции голландцев были несоизмеримы с их населением и ресурсами, в то время как их система правления была далека от примирительной. В *Мараньяме*, как и в *Баии* и *Пернамбуку*, люди теперь начали работать ради собственного освобождения. В *Маранхаме* был составлен заговор с целью освободить это место от иностранного правления. Объектом нападения стал сахарный завод на реке *Итапикуру*, где было собрано триста голландцев. Первый

подвергшийся нападению был легко перенесен, и голландцы, обнаруженные в нем, были убиты. Во втором голландцы также были либо зарублены, либо застрелены, либо сгорели в огне. Таким же образом пали остальные трое, и только в последний момент была дана какая-то четверть. Следующим пал форт *Голгофа*, гарнизон которого составляли семьдесят голландцев. Монис Баррейрос, лидер восстания, теперь переправился на остров *Маранхам*. Здесь голландцам повезло не больше, чем на материке. После сражения, в котором они потерпели полное поражение, Монис и его приверженцы атаковали форт *Святого Луиса*. Голландский гарнизон отправил корабли в *Ресифи* за помощью, в то время как Монис обратился к своим соотечественникам в *Пара*.

Таковы огромные расстояния между различными населенными пунктами в *Бразилии*, что прошло значительное время, прежде чем обе стороны получили запрошенное подкрепление. По их прибытии военные действия немедленно возобновились, к невыгоде голландцев, которые были отброшены с потерями. После этого успеха Мониш умер, его сменил Тейшейра, который, прождав несколько месяцев в надежде получить помощь и боеприпасы, покинул свою нынешнюю позицию и вернулся на материк. Он оказался в большом проливе, покинутый своими союзниками, которые вернулись в *Пара*. Однако с ним все еще оставалось шестьдесят португальцев и двести туземцев, и ему очень кстати помогло прибытие некоторого количества боеприпасов из *Белена*. Голландцы также в это время получили подкрепление, которое сделало их превосходящими любые силы, которые могли быть брошены против них на поле боя; но они были обескуражены общим настроением против них.

1643.

Теперь они были заперты в форте *Сент-Луис*, в то время как остров за пределами форта удерживали португальцы. Однажды гарнизон предпринял вылазку в надежде застать португальцев врасплох, пока они были рассеяны на уборке урожая. В этом они добились успеха; но в конце концов потерпели полное поражение. Из всех, кто покинул *Сен-Луис*, только десять французских наемников вернулись обратно, и они были повешены как предатели. Через некоторое время Тейшейра собирался подкрепиться прибытием из Португалии ста человек с припасами под командованием Педро де Альбукерке, который был назначен губернатором *Маранхама*. Альбукерке, однако, не зная положения вещей на острове и не имея пилота на борту, открыл огонь из своих пушек, чтобы объявить о своем присутствии. На его сигналы не ответили, и он проследовал в *Пара*, где корабль налетел на песчаную отмель, большая часть находившихся на борту людей погибла, в том числе Луис Фигейра, иезуит, и восемь его братьев. Несмотря на потерю ожидаемой помощи, Тейшейра удерживал оборону в *Мараньяме* настолько эффективно, что голландцы сочли необходимым эвакуировать *Сент-Луис* морем. Включая их союзников-туземцев, у них оставалось еще около пятисот человек. Они направились к острову *Святого Христофора*.

1644.

Последний период восьмилетнего пребывания графа Нассау в *Бразилии* был омрачен несчастьями, ставшими прямым результатом вероломной политики, которую ему было поручено проводить после заключения десятилетнего перемирия. Голландцы были не только изгнаны из *Маранхема*, но и еще больше отрезаны в *Сеаре*, где местные жители поднялись против них как один человек, застав врасплох их на разных постах. Форт *Сеара* теперь снова был в руках португальцев. В *Сент-Томасе* тоже народ был вооружен, голландцы были заперты в

цитадели. Именно в это время Нассау снова добился своего отзыва, который теперь был удовлетворен. Он передал военное командование Хенрику Хаусу, а гражданское правительство - Великому Совету, с большим опасением за будущее, которое ожидало трансатлантические владения Голландии. Для руководства своими преемниками он оставил подробные и разумные инструкции; но голландцы в целом, по-видимому, были настолько уверены в продолжении перемирия, которое они сами так бессмысленно нарушили, что флот, доставивший Нассау в Европу, также увез не менее четырнадцать сотен его соотечественников.

ГЛАВА III.

БРАЗИЛИЯ; ГОЛЛАНДСКАЯ ВОЙНА; ВОССТАНИЕ ПОРТУГАЛЬЦЕВ.

1644-1645.

Приятно сознавать, что вероломная политика, которую голландцы считали себя достаточно сильными, чтобы проводить по отношению к Португалии в час ее слабости, привела к наихудшим возможным результатам для них самих. Они никогда не были настолько полновластными хозяевами *Пернамбуку*, чтобы иметь возможность снабжать *Ресифи* провизией для страны; и когда честно соблюдаемое перемирие могло позволить им укрепить свои завоевания, они подали португальцам пример действий, которые быстро обернулись против них самих. Финансовые ресурсы Компании были исчерпаны различными экспедициями в *Серегипи*, *Маранхам*, *Анголу* и *Чили*. В *Ресифи* стало не хватать денег. До сих пор все операции проводились в кредит; но теперь кредит был прекращен, и деньги приходилось занимать по разорительной ставке в 3-4 процента. проценты в месяц. Многие плантаторы были разорены наводнениями и последующими разрушительными действиями червя; в то время как оспа нанесла большой ущерб ценным неграм, завезенным из *Анголы*. Финансовое положение было настолько велико, что были прибегнуты к самым отчаянным мерам, которые только усугубили положение. Некоторые кредиторы пытались добиться выплаты своих долгов с помощью крупных льгот; другие бросали своих должников в тюрьму; в то время как правительство считало себя вынужденным взыскивать свои взносы, конфисковывая сахарную продукцию во время сбора урожая. Таким образом, между правительством и общественностью возник конфликт относительно приоритета их соответствующих требований, и результат был позорным и разорительным.

При таком положении вещей было предложено, чтобы Компания заключила контракт с владельцами сахарного завода на определенное количество лет, получая всю продукцию завода и удовлетворяя потребности поместья. Этот план был одобрен правительством метрополии, но он оказался лишь частичным средством борьбы с беспорядками. Многие португальцы в *Пернамбуку*, будучи теперь в большом долгу перед голландцами, были как никогда заинтересованы в подстрекательстве к восстанию. У них был еще один повод для жалоб на наглость и жестокость их завоевателей. Был издан указ, согласно которому рабам за обещание вознаграждения предлагалось уведомлять, если у кого-либо из их португальских хозяев окажется спрятанное оружие. Эта мера, как можно полагать, привела к невыносимым злоупотреблениям: некоторые голландцы доходили до того, что пытались заставить рабов прятать оружие, чтобы добиться осуждения своих хозяев. Однажды на двух голландцев донес

раб, на котором они таким образом практиковались, и, признав свою вину, они были заслуженно казнены.

Уход графа Мориса Нассауского стал настоящей потерей как для португальцев, так и для его собственных соотечественников. Он систематически пытался подавить эксцессы последних и настолько завоевал расположение первых, что они смотрели на него как на своего особого защитника. Они уважали его высокое происхождение и царственный образ жизни, который резко контрастировал с окружением его соотечественников. Его преемники послали депутатов в *Баию*, чтобы поздравить нового губернатора с его прибытием. Якобы им были выдвинуты определенные предложения относительно экстрадиции, а тайно им были даны инструкции следить за состоянием португальцев в этом месте. Они узнали, что численность войск в *Сан-Сальвадоре* и его окрестностях составляла около двух тысяч пятисот человек. Была принята новая система отправки военных кораблей из Португалии для конвоирования бразильских торговых судов домой; и депутаты пришли к выводу, что таким образом цена португальского импорта в Европу будет настолько увеличена, что Голландия сможет продавать его по заниженной цене.

Этот доклад их заместителей вызвал у голландцев еще большее подозрение к жителям Пернамбукена, чем раньше, и, как вскоре выяснилось, не без оснований. Однако им не повезло с мерами, которые они приняли, чтобы смягчить недовольство. Португальские жители *Пернамбуку* обратились к королю Португалии с просьбой о заступничестве для обеспечения им свободы религиозного отправления культа. Этот шаг вызвал столь сильное возмущение голландских губернаторов, что государственные средства, которые до сих пор выделялись на религиозные цели, теперь были объявлены государственной собственностью, предназначенной для поддержки школ, церквей и больниц. Все священники, которые въезжали в завоеванные провинции без охранной грамоты, были заключены в тюрьму; и те из них, кто решил там поселиться, были обязаны принести клятву верности, и им было запрещено получать рукоположение от епископа *Баии*. Было обнаружено, что некоторые священники голландских и французских католиков отказались дать им отпущение грехов, служа против христиан, то есть португальцев; и, в отместку, голландцы теперь приказали всем священникам и монахам покинуть свои владения в течение месяца. Они были отправлены с острова *Итамарака* и высадились на Испанском материке.

Теперь мы подходим к замечательной эпохе в истории *Бразилии*. Жоам Фернандеш Виейра уже упоминался как отличившийся при обороне форта *Сент-Джордж* после потери *Олинды*. Он был уроженцем *Фуншала* на *Мадейре* и в очень раннем возрасте искал счастья в *Бразилии*. Оказалось, что он настолько способный и честный человек, что вскоре ему пришлось самому заняться торговлей. В течение нескольких лет он стал одним из богатейших людей в стране; и поскольку ему было что терять в случае неприятностей, голландцы считали его верность надежной. Он был известен своей либеральностью и честными отношениями. Можно только догадываться, мог ли один только его патриотизм заставить его рискнуть всем своим мирским имуществом, возглавив восстание; но главным принципом его жизни была преданность католической вере, и его главной целью было сделать все, что в его силах, для подавления ереси.

Пока граф Морис Нассауский оставался в Южной Америке, Жоам Фернандес не предпринимал никаких шагов, которые могли бы подвергнуть его опасности; но возникшая в результате этого

досадная система правления способствовала созреванию его замыслов. Посоветовавшись с Видалем, который был назначен капитаном *Маранхэма*, он обратился с памятной речью к губернатору *Бразилии*, указав, что голландцы были слабы и потеряли бдительность, что укрепления пренебрегали и что многие из лучших офицеров ушли с Нассау. Он не просил совета, поскольку жребий, по его словам, был брошен; он просто молил губернатора о помощи. Обиды и бесчинства, которые пришлось пережить ему и его соотечественникам, были таковы, что вынудили их взять в руки оружие в целях самообороны, несмотря на любое перемирие или международный договор. Открытой помощи губернатор, конечно, оказать не мог, но теперь он воспользовался уроком, преподанным ему голландцами. Шестдесят отобранных человек были отданы под командование Антонио Кардосо, который должен был действовать по указанию Фернандеса. Чтобы избежать подозрений, они пробрались без оружия небольшими группами в *Ресифи*, недалеко от которого их расквартировали в лесу, в поместье Фернандес, и снабдили оружием и продовольствием. В то же время местный вождь Камарам и Энрике Диас, два партизанских вождя, отправились по суше, чтобы присоединиться к этому предприятию.

Теперь Жоам Фернандеш решил поделиться своими замыслами со своими родственниками и друзьями, которых он собрал для этой цели на банкет. В ответ на его вдохновляющую речь, по-видимому, последовало единодушное согласие со стороны его слушателей; но среди них были предатели, которые, поразмыслив, сделали все возможное, чтобы помешать его патриотическому плану, и которые даже дошли до того, что тайно донесли на него голландцам. Однако Фернандеш пользовался таким авторитетом, что, созвав всех тех, кому он доверял, он бросил вызов предателям и призвал их остерегаться самих себя, иначе он, в свою очередь, донесет на *них* голландцам как на самозванцев. Кардосо также заявил, что, если его схватят, он заявит, что предатели пригласили его, и подтвердит невиновность Фернандеса. Кардосо, однако, не был взят в плен, хотя голландцы располагали полной информацией о его присутствии и присутствии его людей в стране.

Теперь Голландский совет был в значительной растерянности относительно того, какого курса действий ему следует придерживаться. У них была информация о готовящемся португальском восстании, которое, как они знали, с большой вероятностью могла вызвать их система правления; а также о том, что Жоам Фернандеш и его тесть были главарями заговора; но, как они заявили в своих депешах Компании, у них не было достаточных доказательств, чтобы оправдать заключение их в тюрьму. Они не отважились на обыск и разоружение португальцев, опасаясь, что это спровоцирует восстание, которого они боялись и к которому были так плохо подготовлены. Их склады были плохо защищены; и, поскольку они не могли вывести из гарнизонов силы, достаточные для защиты открытой местности, голландцы, живущие за пределами фортов, несомненно, были бы отрезаны.

Жоам Фернандеш провел революцию, движущей силой которой он был, со всей предусмотрительностью и предосторожностью, которые он применил бы при ведении крупного коммерческого предприятия. В качестве президента многих религиозных братств он открыто рискнул закупить в *Ресифи* значительное количество пороха под предлогом использования его для фейерверков в дни святых; еще больше пороха он доставил по суше из *Баии*. Это было тщательно спрятано в его лесу, где он также собрал запасы различного назначения. Он отослал большую часть своих стад на пастбища под предлогом того, что на равнине близ *Ресифи* многие животные были угнаны неграми и что еще больше погибло от поедания растения под названием *фава*. В конце концов, однако, пришло время, когда его действия больше не могли

игнорироваться правительством, которое было настроено против него настороженно, главным образом евреями. Их, конечно, нельзя винить за то, что они желали сохранения *статус-кво*; поскольку в случае восстания они наверняка были бы разграблены обеими сторонами с полным беспристрастием; в то время как в случае победы португальцев они имели перед собой образ дьявольских агентов инквизиции.

Правительство, наконец, решило арестовать Фернандеса; но решиться на это было значительно легче, чем выполнить постановление. Поскольку он был заключен с ними контракт, они послали потребовать его присутствия под предлогом заключения данного контракта. Но осторожный и богатый заговорщик был хорошо проинформирован своими шпионами о том, что произошло, и, когда правительственный брокер прибыл на его *фазенду*, он сослался на то, что срочные дела помешали ему лично отправиться в *Ресифи*, но что он предоставил все полномочия своему деловому агенту выполнить контракт от его имени. Его дом был окружен часовыми, которые постоянно были начеку; его слуги были готовы к сопротивлению или к бегству; сотня вооруженных рабов-негров охраняла его особу, в то время как на случай крайней необходимости был готов тайный способ побега из его дома. Его лошадь всегда была оседлана, и каждую ночь он уходил спать в лес.

Когда до *Ресифи* дошла новость о том, что Камарам и Энрике Диас миновали *Сан-Франциско*, обе стороны почувствовали, что пришло время действовать. Попытка, предпринятая голландскими войсками накануне Дня Святого Антонио, застать врасплох Фернандеса в его доме, провалилась. Они обнаружили, что место покинуто. Не добились большего успеха и голландцы в своих попытках заполучить других лидеров заговора. Фернандес занял свою позицию на возвышенности в лесу, откуда открывался хороший обзор, и там к нему присоединились его слуги и рабы из его различных поместий. Оттуда он обратился к народу с воззванием, призывая его к оружию и предлагая плату и свободу всем рабам, которые присоединятся к его делу. Многие подчинились призыву и напали на тех голландцев и евреев, которые оказались в пределах их досягаемости. Но не следует предполагать, что дух патриотизма охватил все население. Многие люди считали дело повстанцев безнадежным и, желая, чтобы им просто позволили жить в мире, молились только о его скорейшем крахе.

Меры, принятые в то время Голландским советом, служили лишь расширению пределов восстания. Не имея возможности наложить руки на настоящих повстанцев, они начали систему всеобщих арестов среди жителей провинций, которые остались дома. Этидали наилучшие из возможных доказательств того, что они мирные и безобидные подданные; но властям — или, по крайней мере, их подчиненным — было выгодно делать вид, что подозревают их; и, чтобы получить свободу, они должны были заплатить за это. Другой источник вымогательства был найден в принуждении всех португальцев принести присягу на верность и обеспечить себя пропуском; за что, разумеется, взималась плата. Власти, после тщетных попыток с помощью огромной взятки склонить Фернандеса вернуться на путь мира, теперь предложили сумму в четыре тысячи *флоринов* за его личность, живого или мертвого, — комплимент, на который он ответил взаимностью, предложив вдвое большую сумму за голову любого члена Совета.

Военные действия впервые вспыхнули в *Ипожуке*, небольшом городке недалеко от мыса *Св. Августин*. Свободный мулат по имени Фагундес воспользовался мимолетной стычкой, чтобы напасть на голландцев; их гарнизон обратился в бегство, оставив свое оружие повстанцам. Затем Фагундес напал на три судна, груженных сахаром, и перебил голландцев на борту. После

этого вся округа взялась за оружие, и сухопутное сообщение между голландцами на мысе *Св. Августин* и все южнее были отрезаны. Эта новость прибыла в *Ресифи* вместе с информацией о том, что *Сан-Антонио*, город к северо-западу от *Ипожуки*, был осажден и что Камарам и Диас опустошают окрестности *Лагоаса*, гарнизон которого теперь пришлось вывести. При появлении в *Ипожуке* отряда из двухсот голландцев и четырехсот туземцев Фагундес и его люди отступили в лес.

Теперь голландцы готовились атаковать Жоама Фернандеса, небольшой отряд которого насчитывал не более четырехсот человек. Однако от имени религии к жителям был обращен призыв о помощи от них самих и от их рабов, в результате чего через пять дней к месту встречи стеклись восемьсот добровольцев. Они безразлично отправились за оружием, но их предводителю посчастливилось захватить некоторое количество муки, которое под конвоем везли в *Ресифи*. Страна была затоплена; но это был недостаток, который в равной степени сказывался на действиях обеих сторон. Однако в плане разведки португальцы имели большое преимущество. Целью Фернандеса было оттянуть бой как можно дольше в ожидании прибытия Диаса и Камарама. С этой целью он пересек *Капивариби* и направился к *Тапикуре*, через которую его люди переправили по восемь человек на небольшом плоту.

Главнокомандующему португальскими войсками теперь пришлось столкнуться со значительным недовольством среди своих людей, которые, что было естественно, ощущали угнетающее влияние погоды и трудностей, которые им приходилось переносить, без особого восторга от соприкосновения с врагом. Он проявил немалую осмотрительность в обращении с возникшим опасным духом, и вскоре к нему присоединились повстанцы из *Марибеки* и других мест — отряд в четыреста человек. Несколько индейцев, посланных заранее, также принесли ему радостную весть о приближении Камарама и Диаса. Голландский совет теперь выпустил прокламацию, требующую от семей всех таких лиц, которые были с повстанцами, покинуть свои дома в течение шести дней под страхом того, что их объявят повстанцами. Судьба этих бедных людей, которым пришлось уйти в лес в такое время года и при таких обстоятельствах, была действительно плачевной; и причины, указанные для этой жестокой меры, а именно то, что женщины снабжали повстанцев информацией, и что последние были бы смущены их присутствием рядом с ними, не могут оправдать столь бесчеловечного судебного разбирательства.

Жоам Фернандеш снова отреагировал контрпросвещением, которое он умудрился разместить во всех наиболее посещаемых местах *Ресифи*. Голландцы, сказал он, вопреки законам наций объявили войну тому полу, который был освобожден от любых актов враждебности; и он, как португальский генерал, приказал всем своим соотечественникам оставаться в своих домах под его защитой, добавив, что он сурово отомстит за любой нанесенный им ущерб. На этом Совет воздержался от повторения прокламации или приведения ее в исполнение; и те лица, которые еще не бежали, больше не подвергались преследованиям. Но в это время в *Кунхау* от рук *питагоаресов* и *тапуйясов* из *понтенги* погибло около семидесяти португальцев. Эта мера, несомненно, была продиктована инстинктами дикарей; но было представлено, что она была предпринята по приказу Совета, и это привело повстанцев в ярость.

Голландский генерал Хаус, установив местность, где скрывались Фернандес и его люди, теперь двинулся против них. Они переехали в *Монте-дас-Табокас*, примерно в девяти лигах к западу от *Ресифи*. Голландский командующий имел при себе пятнадцать сотен хорошо вооруженных

европейских солдат; у него также были значительные силы местных жителей. Вскоре завязалось сражение. Не сумев заставить врага врасплох, Хаус, к своему разочарованию, поджег сахарный завод, дым от которого поднял тревогу Фернандеса. Португальские аванпосты вскоре вступили в конфликт со своими противниками и, благодаря своему знанию страны, смогли выстоять, несмотря на меньшую численность. Кардосо прорубил три бреши в тростниковом лесу, окружавшем позицию на *Монте*, и когда передовые посты были отброшены, несколько его людей устроили засаду неподалеку. Фагундесу и его сторонникам было приказано воспрепятствовать переходу *Тапикуры*, небольшого ручья, который должны были перейти голландцы; и когда он больше не сможет противостоять им, он должен был отступить таким образом, чтобы заманить их в засаду.

Прежде чем начать переход через *Тапикуру*, Хаус открыл сильный огонь по лесу на дальней стороне, а затем немедленно двинулся вперед под прикрытием дыма. Как и было предвидено, голландцев шаг за шагом вели в заросли тростника. При первой же засаде они были встречены очередью, каждый выстрел которой достигал цели. Они перешли ко второму сражению, но при третьем их потери были так велики, что они были вынуждены отступить. Однако они не были обескуражены и, преобразовавшись в три отряда, снова двинулись вперед через заросли тростника. Они явно набирали оборону, когда в панике, вызванной страхом перед очередной засадой, были отброшены во второй раз.

Сражение продолжалось уже несколько часов; но голландцы еще не ввели в бой все свои силы. После короткой передышки они вернулись в атаку со свежими войсками. Именно сейчас измученные португальцы были в долгу перед священниками среди них за энтузиазм, который придавал им силы. Их увещевали не уступать еретикам; и многие обеты были принесены Христу и Пресвятой Деве теми, кто умолял их о помощи в этот трудный час. Фернандес, в частности, пообещал последнему церковь, в то время как он призывал своих рабов отличиться, обещая немедленную свободу. Его стража бросилась вниз с холма, трубя в рога, и атаковала еретиков с таким пылом, что последние были отброшены назад сквозь заросли тростника. Хаус предпринял еще одну атаку, но и на этот раз все было напрасно, и португальцы остались хозяевами поля.

1645.

Бой длился весь день [3 августа]. В последовавшую за этим бурную ночь голландцы под покровом темноты вновь пересекли *Тапикуру*. Португальцы провели ночь в приготовлениях к возобновлению атаки на следующее утро; но рассвет показал им масштабы их победы. Из Хауса прибыл гонец с просьбой о пощаде для раненых, когда Фернандес, согласно своему обещанию, немедленно освободил пятьдесят рабов. Триста семьдесят голландцев были найдены мертвыми на поле боя, в то время как около четырехсот раненых было унесено с собой. Говорят, что из португальцев погибло менее сорока человек, однако это не считая негров или туземцев. Столь важный успех, достигнутый столь малой ценой, был, конечно, приписан сверхъестественной помощи; многие люди утверждали и, возможно, верили, что в самый жаркий час битвы среди сражающихся были замечены женщина и почтенный мужчина, раздававшие порох и пули и ослеплявшие глаза еретиков. Это были Мать Милосердия, к которой они взывали, и добрый святой Антоний, отшельник, любимый защитник португальцев.

ГЛАВА IV.

БРАЗИЛИЯ; ЗАВЕРШЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ВОЙНЫ.

1646-1661гг.

Хаус с остатками своей армии продолжал отступление всю ночь, не останавливаясь до тех пор, пока расстояние в семь лиг не легло между ним и местом его поражения. Затем он подождал своих раненых и отставших, а сам послал в *Ресифи* за немедленной помощью. В тот же день к нему прибыла помощь, достаточная для обеспечения его дальнейшего отступления, но не для того, чтобы позволить ему возобновить наступательные операции. Теперь Совет отчетливо осознал опасность, грозившую им, и у них были причины не доверять заявлениям губернатора *Баии*. За три недели до битвы Хогстратен и еще один депутат были отправлены в *Баию*, чтобы выразить убеждение голландского правительства в том, что Камаран и Диас не были уполномочены португальским губернатором на их действия, и потребовать, чтобы они были отозваны или, в случае их неповиновения, объявлены врагами португальской короны. Теллес упорствовал в своей прежней линии поведения, отталкивая голландцев туманными профессиями. Он, в свою очередь, насмеялся над ними за их акты агрессии в *Анголе*, в *Сент-Томасе* и в *Маранхеме*. Далее он указал, что Камаран и Диас не были людьми, которых можно было бы остановить какими-либо его словами; и он утверждал, что португальцев подтолкнули к восстанию ложные обвинения со стороны ненадежных лиц. Наконец, он предложил выступить в качестве посредника.

Теперь Хогстратен повторил свое предложение передать *Назарет* во власть губернатора, предложение, которое, по его словам, он уже передал Жоаму Фернандешу. Его предложение было принято; и так как он несколько опасался, что его встреча с португальскими властями может возбудить подозрения в сердце его товарища-депутата, у него хватило наглости сказать ему, что они обвиняют его в предательстве его форта, и что он притворился, что слушает их, чтобы лучше помешать им. По возвращении в *Ресифи* он повторил ту же историю, добавив, что губернатор просто дождался нескольких кораблей из *Рио-де-Жанейро*, прежде чем напасть на голландские владения. Два полка уже погрузились в *Баии* и должны были высадиться в *Тамандаре*. Их должен был сопровождать направлявшийся домой флот из тридцати семи кораблей.

Было решено, что после высадки двух полков в *Тамандаре* их командир, *Пайва*, отправится в *Ресифи* с письмами для Совета, в которых генерал-губернатор должен заявить, что он послал двух офицеров для устрашения повстанцев и что, если увещания не увенчаются успехом, он заставит их вернуться к своим обязанностям. Пока разыгрывался этот фарс, голландский комендант в *Серинхеме* получил инструкции разоружить португальцев в этом районе. Португальцы, однако, отказались быть разоруженными, и форт, окруженный и перекрытый водой, был вынужден сдаться, а индийские союзники голландцев были переданы португальцам.

Жоам Фернандеш оставался в течение семи дней на месте своей победы при *Монте-дас-Табокас*, когда ему сообщили о прибытии войск из *Баии*. Камаран и Диас, два лидера партизан, также достигли *Монте-дас-Табокас* примерно в одно и то же время. При встрече с войсками из

Баии, после нескольких официальных слов, к Фернандешу присоединились все португальские силы; после чего его первым действием было послать отряд для взятия форта *Назарет*.

Блаара послали захватить всех португальских женщин, которых можно было найти в *Варзее* или на открытой местности за *Олиндой*, и удерживать в качестве заложниц. Несколько человек были изъяты и доставлены в штаб-квартиру *Нанс*. Это известие было быстро передано капелланом Фернандесу, и армия, естественно, воодушевленная желанием спасти женщин, была приведена в движение с этой целью. К полуночи они добрались до какого-то сахарного завода. Пробыв там три часа, они были разбужены Фернандесом, который объявил, что ему явился чудесный святой *Антоний*, и упрекнул его за несвоевременную задержку. Вновь придя в движение, войска на рассвете достигли *Капиварибе*, которую они пересекли со значительными трудностями.

Совершив этот переход без сопротивления со стороны противника, они вскоре оказались в поле зрения штаба Хауса, когда послали вперед отряд, которому удалось захватить в плен несколько голландских часовых. От них они узнали, что офицеры были на утренней трапезе, по окончании которой они должны были уйти со своими пленными. Их разбудил грозный сигнал, которым Камарам созывал своих индейцев. Их люди были загнаны внутрь, и у них не осталось пути к отступлению, в то время как португальцы вели по ним непрерывный огонь из своего укрытия. В этой чрезвычайной ситуации голландцы вывели португальских женщин и выставили их у окон, чтобы они приняли огонь. Эта уловка принесла нападавшим флаг перемирия; но осажденные были настолько уверены в своих недавно обретенных силах, что открыли огонь по флагу, убив прапорщика, который его нес; в то же время они прицелились в португальского генерала Видаля, который приблизился под защитой флага. Разгневанные таким поведением, португальцы забыли о женщинах и подожгли все здание, что привело врага в чувство. Видалю потребовался весь авторитет, чтобы убедить своих солдат пощадить трусов, которые едва не лишили его жизни.

Теперь враг сдался с единственным условием, что их жизни будут сохранены; однако они не были в состоянии обеспечить такие же условия для своих индийских союзников. Более двухсот голландцев были взяты в плен в ходе этого дела, которое, согласно португальским писателям, было, конечно, совершено не без помощи чудес. Жоам Фернандес теперь был хозяином поля боя; и он провел триумфальную процессию к одной из своих собственных часовен, чтобы возблагодарить своего святого покровителя. Заключенных отправили в *Баию*, по дороге Блаар был убит. Примерно в то же время *Олинда* попала в руки группы пернамбукской молодежи; в то время как предатель Хогстратен сдержал свое слово, передав *Назарет* патриотам. Голландский полк, стоявший там гарнизоном, поступил на службу к португальцам.

В то время как войска, отправленные из *Баии* номинально для оказания помощи в подавлении восстания, таким образом, принимали активное участие в его расширении, фарс, который начал разыгрывать губернатор, был продолжен адмиралом Корреа, который, согласно его инструкциям, проследовал в *Ресифи* с флотом, направлявшимся домой. Голландские власти в этом месте, которым можно простить то, что они предпочитали судить о намерениях генерал-губернатора по действиям, а не по словам, естественно, были немало встревожены прибытием флота таких внушительных размеров. Корреа, однако, который не знал о недавних событиях на суше, приступил к выполнению инструкций, которые были даны ему в *Баия*, и с предельной вежливостью не только предоставил свои собственные услуги в распоряжение Совета, но также

предложил им услуги Видаля и его войск, которые в тот момент наиболее активно использовались против них.

Совет, естественно, разгневанный таким явным двуличием, сначала предложил арестовать посланцев Корреа; но, рассудив, что их собственный флот был не в состоянии противостоять вражескому, они благоразумно послали вежливый ответ, отказавшись от услуг адмирала; получив его, Корреа, все еще совершенно не осведомленный о том, что происходило на берегу, немедленно отплыл в Европу. Избавленный от этой опасности, Совет, не теряя времени, приказал Лихтхарту как можно быстрее подготовить свои корабли и нанести португальцам максимальный урон, приказ, которому он подчинился в точности.

Тем временем Пайва находился со своими двумя полками на борту восьми кораблей в бухте *Тамандаре*. Были написаны письма, в которых ему советовали зайти в порт *Назарет*, поскольку было известно, что голландский флот разыскивает его; но эти предупреждающие депеши были перехвачены, и он стал легкой добычей эскадры Лихтхарта. Из его восьми судов одно достигло *Баии*; два были брошены и подожжены; два других сели на мель, а три были захвачены противником. Говорят, что португальцы потеряли в этом бою семьсот человек.

Пока эти события происходили в *Пернамбуку*, португальцы были не менее активны и в других уступленных провинциях. Фернандес и Видаля послали офицеров в *Параибу*, чтобы возглавить повстанцев; в то время как индейцев и негров возглавляли офицеры, присланные соответственно из полков Камарама и Энрике Диаса, в результате чего португальцы вскоре стали хозяевами капитанства. Голландцы, в свою очередь, также были вынуждены оставить форт *Мауриц* на *Сан-Франциско*. Вскоре он был стерт с лица земли, и тогда не существовало препятствий, препятствующих свободному проходу португальцев из *Баии* в провинцию *Пернамбуку*.

Фернандес теперь разбил свой лагерь на песчаном перешейке, отделяющем реку от моря, примерно в лиге от *Ресифи*, контролируя сообщение этого места с *Олиндой*, и в этой местности он возвел форт для хранения своих боеприпасов и припасов. Этому форту было присвоено название, которое применялось к лагерю, - *Бом Хесус*, и вскоре под его прикрытием вырос небольшой городок.

Голландцы с ужасом наблюдали близкое приближение врага; и великолепные флигели и сады, которые были разбиты Нассау, а также мост в *Боавиште*, были разрушены жителями *Ресифи*, чтобы облегчить оборону этого города. Новый город *Маврикиас* также был снесен. Тревога людей была настолько велика, что Совет счел целесообразным сообщить им содержание их последних депеш в Амстердам, чтобы убедить их в том, что их критическая ситуация была должным образом представлена.

По совету Хогстратона была организована экспедиция против острова *Итамарака*, на который противнику приходилось рассчитывать в плане зерна. После трех атак нападавшие под командованием Фернандеса и Видаля ворвались в город и фактически обеспечили себе победу, когда она была упущена из-за их жадности и жестокости. Войска из *Баии* показали пример грабежа, который не был забыт голландскими дезертирами из полка Хогстратона; и Кардосо отдал приказ предать всех индейцев мечу, в результате чего португальцам пришлось отступить с потерями и позором. Они, однако, укрепили *Гарассу* и перекрыли все дороги, по которым враг из *Итамараки* мог им досаждать.

Некоторое время после этой экспедиции португальцы бездействовали из-за странной инфекционной болезни, которая, казалось, поддавалась лечению только при кровотечениях и которая заполняла больницы, пока Жоам Фернандеш не додумался установить определенные изображения святых, перед которыми ежедневно служили мессу. Их заступничеству приписывалось прекращение бедствия. В то самое время, когда основная часть португальских повстанцев страдала по этой причине, их соотечественники в *Рио-Гранде* были убиты *тапуйя* в отместку за казнь индейцев в *Серинхеме*. Однако эта резня убедила португальцев, которые еще не взяли за оружие, в бесполезности нейтралитета.

Между тем действия двух сил в *Ресифи* ограничивались отдельными атаками, поскольку осаждающие не были обеспечены средствами ни для надлежащей осады этого места, ни для его блокады. Каждый день или ночь становился свидетелем какой-нибудь вылазки или стычки, и записано множество лихих, но неважных поступков. Однако общее убеждение в том, что португальцы в конечном итоге одержат победу, укрепилось; и многие рабы дезертировали к ним, хотя от этого еще можно было получить какие-то преимущества.

Голландцы в это время надеялись совершить отвлекающий маневр в свою пользу с помощью полка дезертиров Хогстратена. Хотя он сам был непоправимым предателем, справедливо считалось, что большинство, если не все, его людей поступили на службу к португальцам по принуждению и были бы рады возможности вернуться к своей естественной службе. Исходя из этого, была установлена связь с полком, и было условлено, что из города должна быть совершена вылазка, чтобы облегчить их дезертирство. Этой мере помешало лишь случайное перемещение португальского командующего. Однако отсталость потенциальных дезертиров не могла ускользнуть от внимания. Их капитан по имени Николсон потребовал возможности оправдаться, и, получив ее, он и семьдесят его людей преуспели в достижении своей цели и благополучно достигли *Ресифи*. После этого оставшиеся голландцы были разоружены и отправлены в *Баию*.

Тем временем резня и ответная резня со стороны соответствующих индийских союзников с обеих сторон происходили во владениях капитана *Параибы*; и голландцы всерьез встревожились за свои припасы. В отчаянии они решили предпринять энергичную атаку на Камаран. Однако они не могли сравниться с этим активным и способным командиром, и голландский командующий был вынужден отступить, потеряв много людей, не говоря уже о всем своем обозе. Португальское дело в это время понесло серьезный урон вследствие несвоевременного приказа из *Баии* о том, что сахарные плантации *Пернамбуку* должны быть уничтожены. Генерал-губернатор, издавая этот указ, не знал, что эти плантации теперь находятся в руках его соотечественников. Несчастный Фернандес, протестуя против этой меры, был вынужден уничтожить свои собственные трости стоимостью в двести тысяч *крузадос*. [1]

1646.

Голландцы теперь так сильно нуждались в провизии, что индейцев удерживало на службе только распространявшееся мнение, что каждого дезертира к врагу ждали пытки и смерть. Осаждающие тоже начали страдать от нехватки провизии; но форма, которую приняло недовольство в этом случае, заключалась в дезертирстве в *Баию*, и генерал-губернатору пришлось принять суровые меры, чтобы положить конец этой практике. Голландцы, предпринявшие попытку силой перехватить конвой со скотом из *Параибы*, потерпели поражение со значительными потерями при *С. Лоренсу*.

Вскоре после вышеупомянутого события в лагерь прибыли два иезуита, посланные генерал-губернатором и имевшие поразительный мандат от короля Португалии, согласно которому его генералы Видаль и Мартин Соареш должны были немедленно удалиться в *Баию*, оставив *Пернамбуку* во владении голландцев. Причина этого распоряжения будет сейчас объяснена. Пока же следует показать, каким образом оно было получено. Два генерала, или начальники лагерей, как их называли, сначала были настолько ошеломлены, что не знали, что ответить. Уступить страну, которую они шаг за шагом завоевывали с таким трудом, и оставить во владении врага-еретика, которого они ненавидели, естественно, было отвратительно для их чувств солдат, патриотов и католиков. На Жоама Фернандеша, который рисковал всем ради восстания, удар обрушился еще более сильный. Однако он первым пришел в себя, заявив, что приказы короля, отданные при незнании реальной ситуации, не должны выполняться без дополнительной ссылки на его Величество.

Это мнение возобладало и, соответственно, было передано генерал-губернатору в *Баии*. Однако он, получив положительные приказы, отказался брать на себя какую-либо ответственность в случае их невыполнения. После этого Мартин Соареш сложил с себя командование и вскоре после этого отплыл в Лиссабон. Видаль и Жоам Фернандеш, однако, остались верны своему первому решению.

Приказы из Лиссабона были отданы не без большого нежелания. Герцог Браганса не чувствовал себя в безопасности за свой трон и опасался, как бы Голландия не вступила в союз с Испанией против него. В то время его представлял в Гааге Франсиско де Соуза Коутинью, посол с большими способностями, которые в немалой степени были необходимы для его страны, видевшей трудную роль, которую ему предстояло сыграть. Де Суза с самого начала понял, что Вест-Индская компания не способна вести дорогостоящую войну, в которую они были вовлечены; и соответственно он посоветовал своему хозяину оказать повстанцам эффективную, хотя и не обещанную помощь. Когда в Голландии стало очевидно, что португальские власти *Баии* не предпринимают никаких усилий для подавления восстания, Штаты приняли ответные меры, отдав приказ захватывать все суда, идущие из *Пернамбуку*, мера, которая стала предлогом для захвата португальского судоходства в целом. Короче говоря, Голландия и Португалия постепенно скатывались к открытой войне; и, как уже было сказано, страх перед заключением союза между Штатами и Испанией побудил короля отдать приказ об эвакуации *Пернамбуку*.

Следует помнить, что в начале восстания было много слухов и угроз в адрес Жоама Фернандеша; пришлось даже принять особые меры предосторожности на случай его убийства. Перед лицом его блестящих успехов весь ропот против него утих, и его по праву считали героем успешной революции за освобождение своей провинции. Однако теперь, когда стало известно, что он действовал вопреки прямому приказу своего государя, шумиха против него возобновилась. Его неоднократно предупреждали, что его жизнь в опасности, и он получил имена девятнадцати человек, участвовавших в заговоре против него. Эти сообщения не произвели никакого эффекта, автор обратился к Фернандесу и сделал ему замечание; но он испытал унижение, обнаружив, что на него смотрят как на клеветника. Однако с Видалем он добился большего успеха; по крайней мере, в его историю поверили и была предпринята попытка образумить заговорщиков.

Однако вскоре после этого Фернандес, возвращаясь с одной из своих сахарных фабрик и обойдя своего телохранителя, подвергся нападению трех *Мамелуко*, один из которых прострелил ему плечо. Один из убийц был разрублен на куски своим охранником; двое других сбежали через тростники. Фернандес, хотя и знал о заговорщике, натравившем убийц, был достаточно великодушен, чтобы не выдавать его.

После этого побега Фернандес и Видаль организовали дерзкую экспедицию против острова *Итамарака*. Отвоевать форт *Оранже* удалось, но остальная часть острова попала в руки португальцев, поскольку голландцы ранее изгнали с него своих индийских союзников.

Бедствие в *Ресифи* теперь достигло масштабов голода. Город был обыскан в поисках продовольствия, и все, что удавалось найти, складывалось в общий запас, каждому солдату и гражданину полагался один фунт хлеба в неделю. Но даже это скудное пособие вскоре пришлось утаить от горожан, чтобы удвоить его для солдат, поскольку последние теперь начали прислушиваться к предложениям врага. Лошади, собаки, кошки и крысы были жадно съедены, и многие рабы умерли от истощения. Ни мужество, ни изобретательность не могли помочь добыть пищу, в то время как выйти за пределы работ означало верную смерть от рук Диаса и его негров.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как в Голландии стало известно об опасном положении города, но подкрепление все еще не прибыло. Теперь дело дошло до того, что откладывать капитуляцию или полную капитуляцию было уже нельзя, ибо еды оставалось только на два дня. Странно, что в этот критический момент самыми стойкими защитниками *Ресифи* оказались евреи. Если бы крепость была передана португальцам, они могли бы надеяться избежать смерти только благодаря отступничеству; поэтому они решили скорее погибнуть от меча, чем сдаться, и даже побудили Совет серьезно рассмотреть план общей вылазки всего осажденного населения. Таков был результат нетерпимого фанатизма португальцев.

Каковы были чувства изголодавшейся толпы в этот решающий момент, когда они увидели два судна, направляющихся к порту под полными парусами и несущих голландские знамена? Бросив якорь, они отсалютовали тремя пушками, обозначив таким образом, что прибыли из Голландии. Они были передовым охранением конвоя, которого можно было ожидать с часу на час. Здесь необходимо указать обстоятельства, при которых этот флот вышел в море, а также те, которые привели к его запоздалому прибытию.

Выше упоминалось, что интересы Португалии в это время охранял в Гааге самый проникательный дипломат. Профессиональная мораль европейской дипломатии в последние годы стала значительно строже, чем это было в тот год, о котором мы пишем, а именно в 1646-м. Поэтому о дипломатическом поведении Франсиско де Сузы следует судить по этике его собственного времени, а не по этике настоящего. Ему предстояла самая трудная роль; и, будучи убежденным патриотом, а также, несомненно, набожным католиком, он считал, что интересы его страны, если не интересы его веры, оправдывают его любое сокрытие, чтобы обеспечить их безопасность. Его суждение как о важности португальских поселений в Северной *Бразилии* для его страны, так и о возможности их возвращения было здравым, что было доказано событиями; но, как было сказано, существовали веские причины, заставлявшие лиссабонский двор опасаться открытого разрыва с Голландией. В сложившихся обстоятельствах посол имел мужество взять на себя всю ответственность за ведение переговоров с голландцами, предоставив своему хозяину дезавуировать свои действия, если это окажется необходимым для

общественного благополучия. Он прекрасно понимал, что ему полностью доверяют, но не мог предвидеть всех возможностей будущего.

Голландские государственные деятели, хотя и не спешили с выводами, не могли не понимать, что португальский дипломат просто стремился выиграть время. Поэтому они призвали его сделать категорическое заявление о намерениях его правительства в отношении *Бразилии*. Он ответил запиской, в которой утверждал, что у него есть инструкции обсудить с ними дела *Пернамбуку*; и он просил, чтобы совещание могло состояться вовремя, чтобы избавить их от расходов на приобретение ненужного вооружения. Голландское правительство, понимая, что он всего лишь возобновляет свою прежнюю практику, отклонило его предложение; после чего *Де Суза*, оказавшись в затруднительном положении, предложил сообщить инструкции, в соответствии с которыми он должен был действовать. Это был смелый шаг, ибо он требовал проявления некоторого творческого гения с его стороны. Однако у него было с собой несколько уже подписанных бланков депеш от своего правительства, и один из них он заполнил так, чтобы соответствовать моменту. Результатом стало то, что голландцы, будучи обманутыми, приостановили свои военно-морские приготовления.

Однако посол, хотя и обманул Штаты, был совершенно откровенен в своих контактах со своим собственным правительством; и он предложил своему суверену распорядиться о своем собственном позоре или наказании, если возникнет необходимость дезавуировать акт, который, согласно его знанию существующих обстоятельств, он счел наилучшим для общественных интересов. Его действия были тайно одобрены; но португальское правительство обладало достаточной порядочностью, чтобы воздержаться от какой-либо открытой похвалы поведению посла и не назначило ему никакой награды. Теперь король заверил Штаты, что повстанцы в *Пернамбуку* пренебрегли его властью, и что, следовательно, они были правы, развязав против них войну. Таким образом, голландские военно-морские приготовления были возобновлены, но они были отложены на несколько месяцев. Только в ноябре 1645 года флот был готов к отплытию; морозы задержали его во *Флашинге* еще на три месяца, и на плавание ушло шесть месяцев. Если бы повстанцы располагали средствами для энергичного продолжения осады *Ресифи*, конвой прибыл бы и обнаружил, что это место находится во владении португальцев.

Как бы то ни было, прибытие флота привело к затягиванию этой затянувшейся войны на долгие годы. С флотом прибыли пять новых членов Совета с шестью тысячами солдат, не считая моряков и добровольцев, и все они находились под командованием опытного *Шоппе*. Первой попыткой нового генерала было вернуть себе *Олинду*, но в этом он потерпел поражение. Поскольку, однако, теперь у него были превосходящие силы на поле боя, повстанцы сочли целесообразным эвакуировать *Параибуи* соответственно послали *Камараму* приказ отказаться от этого командования.

Затем голландский лидер совершил налет на северные капитанские владения, где занялся подготовкой к будущим поставкам провизии в *Ресифи*. Он послал также значительные силы к реке *Сан-Франциско* с целью перекрыть источник, из которого питались португальцы; но в этой последней попытке он не добился такого успеха и потерял сто пятьдесят человек. Затем он тайно снарядил военно-морскую экспедицию, с которой отплыл, чтобы застать врасплох *Баию*. Высадившись на острове *Итапарика*, он занял господствующую позицию, которую укрепил. Генерал-губернатор, будучи застигнутым врасплох, думал только о защите города; а тем

временем захватчики без сопротивления опустошали *город* Реконкива. В связи с этим генерал-губернатор решил атаковать голландские позиции — неудачное предприятие, — в ходе которого было принесено в жертву шестьсот человек. После этого Шоппе, который имел в виду только отвлекающий маневр в пользу *Ресифи*, вернулся в это место.

Теперь португальцы, в свою очередь, испытывали значительные трудности с припасами; и Видалю пришлось отправиться в экспедиции за фуражом в *Параибу* и в *Потенги*. Лидеры повстанцев, однако, были воодушевлены надеждой, которую они питали, на помощь из Португалии. Они действительно так сильно лелеяли эту надежду, что согласовали меры для сотрудничества с ними флота, который должен был прибыть; и батарея, которая теперь была возведена, доставила много хлопот *Ресифи*. Поскольку он господствовал как над гаванью, так и над улицами, голландцы были вынуждены убрать свои суда. В ходе одной из вылазок португальцев был разграблен дворец, построенный графом Нассау.

1647.

Удобное притворство, что Португалия и Штаты по-прежнему находятся в мире, было отброшено в том, что касалось Южной Америки, после нападения голландцев на *Баию*. Орден иезуитов в *Рио-де-Жанейро* предоставил повстанцам корабль с припасами. Теперь в *Баию* прибыл новый генерал-губернатор в лице графа Вилья-Пука, который привел с собой подкрепление на двенадцати кораблях, три из которых потерпели неудачу в конфликте с голландцами. Прибытие этого флота без какой-либо значительной помощи в *Пернамбуку* стало тяжелым испытанием для патриотов этой провинции. Флот, однако, привез им нового командира, Франсиско Баррето, в звании генерального начальника лагеря. С ним был эскорт из трехсот человек, а также оружие и боеприпасы. Голландцы, получив информацию о его отплытии, перехватили его корабли у *Параибы*, и Баррето был доставлен пленным в *Ресифи*. После девятимесячного плена он совершил побег и присоединился к повстанцам.

Замена на данном этапе двух таких способных и действенных командиров, как Фернандеш и Видаль, которые до сих пор с такой энергией возглавляли восстание и которые были так хорошо знакомы со страной, в которой им приходилось действовать, определенно казалась малопригодной мерой для обеспечения успеха. Однако такова была их абсолютная лояльность и таков был здравый смысл Баррето, последовавшего их совету, что эта смена командования не повлекла за собой никаких негативных последствий. В ходе восстания Видаль и Вернандес преодолели сто восемьдесят лиг местности от *Сеары* до *Сан-Франциско*; они захватили восемьдесят орудий; и теперь они доставили новому командующему провизию для армии на два месяца, двадцать четыре *конто* [2] наличными на сумму восемнадцать тысяч *крузадо*. [3]

1648.

Вскоре после этого события из Голландии прибыл свежий флот с шестью тысячами человек, что дало голландцам несомненное преимущество на поле боя, вынудив португальцев ограничить свои операции. Лидеры повстанцев с этой целью вызвали свои войска с различных отдаленных станций и эвакуировали *Олинду*, расположившись между *Серинхэмом* и *Морибекой*. Всем жителям *Варзеи*, способным носить оружие, было приказано возвращаться в лагерь. После проведения сбора выяснилось, что все силы повстанцев насчитывают всего три тысячи двести человек. Однако их качество компенсировало недостаток в количестве.

Описывая подробности этой долгой и утомительной колониальной войны, приятно подойти к моменту, который, хотя и не ознаменовал ее завершения, тем не менее стал решающим в отношении ее результата. Таким моментом является первая битва при *Гуарарапесе*. Голландский командующий решил овладеть небольшим городком *Морибека*, откуда он мог бы взаимодействовать с флотом, направлявшимся в *Назарет*. С этой целью он атаковал *эстансию Барреты*, взяв в плен командующего офицера Соареса. Гряда холмов, называемых *Гуарарапес*, возвышается в трех-четыре лигах к югу от *Ресифи*, ее окраины простираются на расстояние трех миль от моря, а промежуточное пространство заболочено. Там, где хребет наиболее близко подходит к океану, есть лишь узкая полоска суши между холмами и болотом - вход в перевал находится между озером и зарослями. Этим перевалом португальцы овладели, будучи защищены лесом от взглядов приближающегося врага.

В то утро, когда голландцы должны были войти в ущелье, вышеназванный офицер, взятый в плен при *Баррете*, ухитрился сбежать, и его соотечественники были, таким образом, хорошо осведомлены о расположении сил противника. Был выслан стрелковый отряд, чтобы заманить их в ловушку, и голландцы, таким образом, внезапно оказались в положении, когда от их численности было мало толку. После первого выстрела из огнестрельного оружия бой перешел в рукопашную. Борьба была ожесточенной. Под *Видалем* были убиты две лошади; в то время как у коня, на котором в этот решающий день ехал Жоам Фернандеш, одно ухо было пробито пулей. Голландский солдат, нацеливший удар на всадника, лишился руки от удара сабли Фернандеса. Как и следовало ожидать, несмотря на численное превосходство, патриоты выиграли сражение. Враг оставил на поле боя тысячу двести убитых, из которых, как говорят, сто восемьдесят были офицерами. Среди павших был Хаус, вернувшийся в *Бразилию*; среди раненых был Шоппе.

После этой победы повстанцы снова овладели *Олинд*; но их радость была несколько омрачена потерей укрепленной батареи, называемой *Ассека*, которая так долго раздражала *Ресифи* и которая за время отсутствия командиров была сдана без боя. В это время они также понесли тяжелые потери из-за смерти своего индийского союзника Камарама. Он был человеком больших способностей, и хотя это был типичный индийский воин, у него были такие достойные и вежливые манеры, что он снискал всеобщую любовь и уважение. Однако мы несколько удивлены, что Церковь называет его образцовым новообращенным, который каждый день посещал мессу и повторял службу. Он неизменно носил на груди распятие и изображение Богородицы. Голландцы все еще были хозяевами моря, и в результате португальцам был нанесен большой урон. С помощью крейсеров голландцы вели довольно прибыльную войну, в то время как *Ресифи* предлагал готовый рынок сбыта продукции и готовые средства отправки денежных переводов в Европу.

Тем временем был нанесен удар по превосходству Штатов в квартале, в котором этого мало кто ожидал. Член семьи Корреа де Са, с помощью которого французы были изгнаны из *Рио-де-Жанейро*, теперь планировал экспедицию для восстановления *Анголы*. Под предлогом возведения форта на этом побережье для обеспечения снабжения неграми он отправился из *Бразилии*, получив крупную сумму, выделенную для этой цели. Прибыв на побережье Африки, он отплыл в *Лоанду*, и там ему сообщили, что отряд голландцев действует против португальцев в *Массангано*. Получив эту информацию, он отправил губернатору флаг, заявив, что, хотя он прибыл сюда не с враждебной целью, он считает своим долгом защищать своих угнетенных соотечественников, и он дал голландцам два дня на то, чтобы сдаться. Последний по истечении

этого времени оказал демонстративное сопротивление, но вскоре бежал; после чего, проявив большое мужество, Корреа де Са освободил *Массангано*, взяв в плен все голландские силы численностью более двух тысяч человек, которых он приказал немедленно отправить в Европу. Город *Сент-Томас* также был заброшен. Известия об этом успехе, достигшие Португалии примерно в то же время, что и о битве при *Гуарарапе*, сыграли немалую роль в принятии правительством короля Жоама решения избрать курс, который после долгих колебаний они в конечном итоге избрали в своих переговорах с голландцами относительно *Пернамбуку*.

Советы короля Жоама теперь были ни на йоту отвлечены. Голландцы были полностью осведомлены о ценности владения, которое было предметом спора между ними и Португалией; и они были полны решимости не уступать *Пернамбуку*. Их требования заключались в том, что Португалия должна уступить им все провинции, которые они оккупировали при заключении перемирия, с третьей частью *Серегипи* в придачу; что остров и порт *Морро* в *Сан-Паулу*, напротив *Баии*, должны быть переданы им также на двадцать лет, пока не будут выполнены условия договора; что они должны получать 100 000 *флоринов* ежегодно в течение двадцати лет; а также тысячу быков, тысячу коров, четыреста лошадей, и тысяча овец ежегодно в течение десяти лет, и тысяча ящиков сахара ежегодно в течение двадцати лет. Все их рабы также должны были быть восстановлены.

Хотя впоследствии эти непомерные условия были несколько смягчены, у португальской нации все еще хватало гордости не подчиняться им. Король передал этот вопрос членам своего Совета, от каждого из которых он потребовал отдельного письменного мнения. Результатом стало то, что перед Его величеством был возложен мемориал, в котором говорилось, что каким бы желанным ни был мир с Голландией, все же религия и честь в равной степени требуют отказа от предложенных условий. Однако у короля был один советник, придерживавшийся противоположной точки зрения. Это был Виейра, иезуит, который продолжил разоблачать слабость нескольких аргументов, приведенных Советом. Этот способный государственный деятель заботился не только о португальских владениях в *Бразилии*, но и об имперском положении, которое Португалия занимала в мире. Он ответил на религиозное возражение аргументом, что ничто не мешает португальцам из *Пернамбуку* эмигрировать в другое место. Поскольку на карту было поставлено само существование Португалии, долг короля как католического монарха состоял прежде всего в том, чтобы позаботиться о безопасности этого оплота веры. Должности капитанов, которые требовались голландцам, в конце концов, составляли лишь около десятой части страны.

Он указал, что за этот год было захвачено шестьдесят кораблей. Голландцы, по его словам, владели четырнадцатью тысячами судов против ста пятидесяти, принадлежащих Португалии. У них было в Индии более ста боевых кораблей и более шестидесяти в *Бразилии*. Но именно на состоянии Индии Виейра основывал свой главный аргумент и на уверенности в том, что португальцы потеряют свои владения на этом континенте, если будут упорствовать в войне со Штатами. Таким образом, король остался в таком же большом замешательстве, как и всегда, поскольку его Совет давал ему один совет, в то время как государственный деятель, которому он больше всего доверял, придерживался противоположного взгляда на ситуацию. Однако одно предложение Виейры было выполнено, а именно была создана Португальская *Бразильская* компания, и это оказало заметное влияние на завершение войны.

Этот проницательный церковник давно объяснил королю необходимость вышеупомянутой меры. Это действительно было подражание Голландской Ост- и Вест-Индской компаниям. Индивидуальный интерес, утверждал он, породил бы напряжение и предприимчивость, в то время как иностранный капитал был бы привлечен столь многообещающим предприятием. Однако для обеспечения его успеха было абсолютно необходимо одно условие, а именно, чтобы весь капитал, вложенный в эту авантюру, не подвергался конфискации. Необходимо пояснить, что это условие относилось к инквизиции, политическое зло этого института было умело разоблачено Виейрой. Если бы имущество торговцев, работающих в этой Компании, подлежало аресту по ходатайству Священной канцелярии, Компания, конечно, перестала бы пользоваться доверием общественности. Святая канцелярия, разумеется, осудила предложенную меру. Они возражали даже против использования денег, принадлежащих подозреваемым лицам. Потребовались убытки восьми лет подряд и угроза разорения торговли Португалии, чтобы побудить правительство устранить это препятствие, воздвигнутое заинтересованным фанатизмом. Но в конце концов Компания была сформирована, и старший сын короля стал принцем *Бразилии*.

Вернуться в *Пернамбуку*. Холмы *Гуарарапе* вновь стали ареной битвы между сторонами, которые боролись за господство над этой плодородной провинцией. В этом случае относительное положение комбатантов поменялось местами: голландцы были ответчиками, а португальцы - нападавшими. Первый совершил вылазку из *Ресифи* с отрядом численностью около пяти тысяч человек и овладел перевалом между морем и холмами с вышеупомянутым названием. Здесь они были атакованы португальцами и после шестичасового боя были разбиты, потеряв одиннадцать сотен человек, девятнадцать знамен, всю свою артиллерию и боеприпасы. Принк, голландский командующий, пал, как и главнокомандующий военно-морскими силами, которые помогали ему. Жоаму Фернандешу, герою восстания, как обычно, несколько раз чудом удалось спастись. На сторону победителей перешел Паулу да Кунья, принявший видное участие в войне.

Вскоре после этого сражения первый флот, отправленный новой компанией, прибыл в *Бразилию*, поскольку голландцы не смогли ему противостоять. Однако имеется не так уж много сведений о разбирательствах противоборствующих сторон в течение следующих трех лет. Голландия, будучи вовлеченной в войну с Протектором Англии, предоставила Вест-Индской компании обеспечивать *Пернамбуку*, насколько это было возможно; но средства Компании были исчерпаны, и их военно-морские силы в *Ресифи* стали непригодными для выхода в море. Шоппе, действительно, предпринял одну попытку перехватить возвращавшийся домой флот в 1652 году; но он был отбит с потерями.

1653.

Завершение борьбы за независимость *Пернамбуку*, как и ее начало, было обусловлено инициативой Жоама Фернандеша. В его умном и патриотическом уме сами собой возникли два соображения, а именно, что в борьбе за свою свободу жители Пернамбукена должны полагаться только на себя; и что изгнание голландцев никогда не могло быть обеспечено, пока *Ресифи* оставался открытым для их кораблей. Приняв это за свои принципы, ему пришлось в голову, что, хотя надежды на получение прямой помощи из Португалии нет, все же флот Компании можно использовать для достижения желаемой цели. Его командир, Баррето,

разделив его точку зрения, начальники лагерей собрались на совет в *San Gonzalo's* и согласились приложить усилия для осуществления плана.,,

Ежегодный флот должен был отплыть из Лиссабона в начале октября во главе с Педро де Магальяэнсом в качестве генерала и Брито Фрейре в качестве адмирала, последний из которых был известным историком. Баррето было желательно, чтобы корабли находились в портах *Пернамбуку*, готовые присоединиться к флоту на пути в *Баию*. Совет был получен 7 декабря, а 20-го конвой появился в поле зрения *Ресифи*. Отбив несколько голландских фрегатов, генерал и адмирал высадились в *Рио-Досе*. Затем им был раскрыт этот план, и им было предложено заблокировать гавань, пока повстанцы должны предпринять последнюю и отчаянную попытку осуществить захват *Ресифи*.

Как и следовало ожидать, командиры были немало удивлены той ролью, которая была возложена на них. Магальяэнс заявил, что его инструкции от короля не уполномочивали его участвовать в каких-либо враждебных действиях; также у него не было разрешения от Компании отклонять флот от пункта назначения. Далее он намекнул, что, если он втянет свою страну в войну с Голландией, наказанием будет его голова. На это Фернандес ответил аргументом, однажды использованным Джоном Ноксом, что все временные наказания, которые, по крайней мере, закончатся этим миром, не могут перевесить на весах ценность души, которая должна существовать вечно; и что, если генерал не выполнит ту часть, которая сейчас возложена на него Провидением, души всех тех, кто таким образом будет подвергнут отречению от веры, окажутся в его руках. Это была эпоха глубоких религиозных убеждений, и Магальяэнс, и Фрейре уступили доводам Фернандеса.

Результат вскоре будет объявлен. Голландский флот, поняв намерения португальцев, вышел в море, пока у них была такая возможность. Их исчезновение освободило торговые суда, стоявшие вдоль побережья, которые использовались по приказу Баррето. Через гавань *Ресифи* была проведена линия, и были приняты строгие меры предосторожности, чтобы никакая помощь не достигла города ни по морю, ни по суше. Силы осаждающих состояли из трех тысяч пятисот человек. Неутомимый Фернандес возглавил первую атаку; и он был настолько добр, что пообещал отслужить отдельную мессу за упокой души каждого из своих людей, кто должен будет пасть. Утром 15 января осажденные были поражены, обнаружив, что по ним ведет артиллерийский огонь батарея из двадцати четырех орудий, и форт *Салинас* сдался в ту же ночь. Один пост сдавался за другим, и, наконец, жители вынудили генерала подать прошение о капитуляции. Голландцы, сложив оружие, могли оставаться в течение трех месяцев в *Ресифи* для улаживания своих дел; но все их владения на побережье *Бразилии*, без исключения, должны были быть переданы португальцам.

1654.

Фернандес вошел в город и получил ключи от складов и фортов, которых насчитывалось семьдесят три, которые он с гордостью вручил Баррето. Тысяча двести регулярных войск сложили оружие в *Ресифи*. Португальцы также завладели двумястами семьюдесятью тремя орудиями; индейцы отступили к *Сеаре*. Некоторым отдаленным гарнизонам, получившим своевременное предупреждение о потере *Ресифи*, удалось совершить побег; но в *Итамараке* были взяты в плен четыреста человек. Генерал и адмирал отправились с конвоем в *Баию*, в то время как Видаль отправился сообщить радостную весть в Португалию. Но в этом намерении

командующего опередил бенедиктинский священник, который, прибыв в Лиссабон в тот же вечер, сразу же сообщил об этом королю.

1661.

Известие об этом событии достигло Голландии в то время, когда голландцы, как бы сильно они ни были расположены к этому, ни в коем случае не были в состоянии отомстить. Их оружие не только тогда было успешным против Англии. Но им удалось компенсировать потерю *Пернамбуку*, отвоевав Цейлон у португальцев. Однако они не сразу отказались от надежды вернуть свои владения в *Бразилии*. Хотя Людовик XIV. будучи принятыми в качестве посредника между Голландией и Португалией, Штаты, тем не менее, послали флот под командованием Де Рюйтера к Тежу и предприняли попытку некоторых репрессий. В конце концов, Голландия уступила обстоятельствам. Король Англии Карл II, ведя переговоры о своем браке с португальской принцессой, намекнул голландцам, что, если они будут упорствовать в этом состязании, он станет его участником. Франция также энергично вмешивалась от имени Португалии; и, наконец, переговоры были завершены, последняя согласилась выплатить Голландии определенную сумму деньгами и товарами и вернуть ее захваченные пушки.

ГЛАВА V.

БРАЗИЛИЯ; МИССИИ ИЕЗУИТОВ В СЕВЕРНОЙ БРАЗИЛИИ.

1652-1662гг.

В предыдущей главе неоднократно упоминался Антонио Виейра, иезуит, человек исключительных способностей, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории своего времени и как государственному деятелю, и как священнослужителю, и который оставил после себя одно из выдающихся имен в великолепной литературе своей страны. Прежде чем перейти к рассказу о той роли, которую он сыграл в делах *Бразилии*, возможно, было бы неплохо вкратце рассказать о его замечательной карьере до настоящего времени.

Виейра родился в Лиссабоне в 1608 году, но на восьмом году жизни эмигрировал с родителями в *Баию*, где воспитывался в школе иезуитов. Говорят, что в ранней юности его интеллект был затуманен. Осознавая этот факт, он усердно молился Пресвятой Деве об устранении причины, и он сам записывает, что в его голове, казалось, что-то сдвинулось, причинив ему сильную боль, после чего его интеллект засиял во всей своей исключительной ясности. Когда ему было пятнадцать лет, проповедь, которую он услышал о славе Блаженного Видения, побудила его выбрать религиозную жизнь. Провинциал ордена иезуитов в *Бразилии* был частым гостем в доме своего отца; и юноша, зная, что напрасно добиваться согласия своих родителей, бежал в колледж иезуитов, двери которого были с радостью открыты для его приема. Его родители протестовали, но безрезультатно, и в возрасте шестнадцати лет ему было разрешено принять обеты, которые связывали его с Орденом на всю жизнь. Год спустя его наняли писать ежегодное письмо из провинции генералу в Рим, а в следующем году он читал лекции по риторике в *Олинде*.

Вкусы Виейры склоняли его бросить учебу и полностью посвятить себя индейцам; но его дальновидное начальство слишком хорошо разглядело его выдающиеся таланты, чтобы

позволить им полностью посвятить себя такой цели. После нескольких лет, проведенных в служении среди индейцев и негров, а также в овладении языком *тупи* на благо первых и языком *Анголы* на благо последних, в 1635 году он был рукоположен в священники. Теперь он читал лекции по теологии в *Баии*, а некоторое время спустя сопровождал агента, посланного в Португалию поздравить короля с восстановлением в его правах. Прибыв в Пениши в сопровождении *дома* Фернандо Маскаренхаса, чей брат был сторонником короля Кастилии, он был арестован народом и чудом избежал смертной казни. Однако население было убеждено передать его в руки правосудия. Прибыв в Лиссабон как предполагаемый преступник, он добился аудиенции у короля, на которого его выдающиеся таланты произвели мгновенный эффект. Он был назначен проповедником при Жоаме IV, который и после этого продолжал относиться к нему с любовью отца к сыну. В своих проповедях он выражался с такой свободой и красноречием, что одно время на него обратила внимание инквизиция.

1652.

Благосклонность, которой Виейра пользовался при дворе, вызвала зависть даже у его собственного ордена, и когда-то опасались, что его вот-вот исключат. В ожидании этого король предложил ему епископство, которое, однако, было отклонено. К счастью, ревность начальства Виейры наконец была устранена, и в течение нескольких лет он работал на самой важной дипломатической службе, включая миссию в Гаагу в критический период. Примерно в 1652 году, после того, как благодаря его представлениям была основана *Бразильская* компания, флот Которой был средством, использованным Фернандесом для завершения восстановления *Ресифи*, мысли отца-иезуита начали сильно притягиваться к стране, где он получил раннее образование. Обладая своими особыми способностями, в частности знанием индийского *иангольского* языков, он, вероятно, чувствовал, что ему предстоит выполнить работу, с которой он, вероятно, справится лучше, чем любой другой живой человек. Но на пути возникло серьезное препятствие. Именно с такой благосклонностью к нему относились и король Жоам, и его сын, принц Теодосио, у которых, по его мнению, было бесполезно просить разрешения отправиться в задуманное им путешествие.

В таком случае, поскольку это был вопрос совести, Виейра решил отправиться в путь тайно, то есть без королевского разрешения. Теперь произошло сильное стечение обстоятельств. Виейра принял решение отправиться в *Маранхам*, и во флоте *Бразилии* было только одно судно, направлявшееся в этот штат. Было решено, что Виейра и его спутник Рибейро должны сопровождать последних иезуитов на борту, как бы прощаясь с ними. По пути они узнали, что судно задержано из-за королевского офицера. Поэтому Виейра вернулся к королю и получил разрешение на отправку судна без этого человека. Но теперь капитану пришлось дожидаться утреннего прилива, и Виейра со своим спутником вернулись на берег на ночь. Поскольку теперь их цель была заподозрена, капитан корабля получил уведомление, что он будет повешен, если увезет Виейру; и капитанам всех других судов на реке было также передано уведомление, запрещающее им пропускать двух иезуитов, при этом Виейру вызвали во дворец.

После этого Виейра отправился к принцу и сказал ему, что он должен отправиться в *Маранхам*; но ему ответили, что ничто не заставит короля согласиться на его поездку. Затем иезуит попытался сбежать на судне, направлявшемся в *Мадейру*, откуда он надеялся в конечном итоге отправиться в *Бразилию*; но это судно тоже попало в прилив, и поскольку видели, как Виейра

поднимался на борт, ему снова приказали вернуться. Он был сердечно принят королем и принцем, с которыми, однако, он поспорил относительно высшей власти, побудившей его отправиться в Южную Америку. Принц был нездоров, и, вероятно, именно из-за этого обстоятельства было получено королевское согласие на отъезд Виейры. Король, однажды уступивший, теперь поручил Виейре, как настоятелю Миссии, основать такие церкви и миссии во внутренних районах, какие он сочтет подходящими, и обязал всех облеченных властью лиц оказывать ему всяческую помощь в этой цели.

Было решено, что Виейра и его брат-миссионер отправятся на *каравелле* к месту назначения; но пока они ждали, король и принц, с которыми Виейра теперь общался ежедневно, рассказали в своем разрешении, которое они дали. Виейре тоже больше, чем когда-либо, не хотелось расставаться со своим царственным хозяином, с которым он был связан не только узами глубочайшей преданности, но и глубочайшей личной привязанностью. Ему также были предложены услуги, которые он мог бы оказать своей стране в Европе в это критическое время; и в результате его миссионерские проекты были заброшены. Однако им было придано столько огласки, что и король, и Виейра несколько опасались насмешек в связи с объявлением об их отказе. Поэтому было решено в настоящее время ничего не разглашать по этому поводу, и что, когда придет время для его отъезда, он должен быть вызван обратно с борта корабля, как будто по внезапному побуждению короля. Однако, когда пришло время отбыть иезуиту, и он прошел через процедуру посадки на корабль, из-за какой-то случайности королевский мандат на его возвращение так и не дошел до него; и таким образом случилось, что в конце концов он непреднамеренно отплыл и причалил к островам *Зеленого Мыса*, где его судно оставалось четыре дня.

Виейра, должно быть, был настоящим Златоустом, поскольку мы читаем, что он дважды проповедовал в *Порто-Прая* с таким эффектом, что люди сначала просили его и его спутников остаться с ними, а затем предложили капитану судна крупную взятку, чтобы он отплыл без них. В *Маранхаме* Виейру приветствовал его брат, который, не теряя времени, приступил к выполнению обязанностей своей миссии. Почти нет необходимости говорить, что он был сильно потрясен низким моральным и религиозным состоянием, в котором он застал общину. На самом деле она была христианской только по названию и была лишена даже элементов, с помощью которых можно было бы передать христианское наставление. Ревностный миссионер, не теряя времени, поделился своими впечатлениями с королем и принцем, которых он умолял прислать подходящую помощь. Урожай, по его словам, был большой, но работников было мало.

Маранхэм на самом деле находился в гораздо худшем состоянии, чем старые капитанства, жители которых к этому времени усвоили обычаи цивилизованной жизни. В них уже давно сложились формы муниципального управления. Они также были сообществами, которые существовали за счет регулярно налаженной торговли; в то же время они поддерживали регулярные сношения с метрополией, и во главе их стояли люди с положением и характером. Но *Маранхам* и *Пара* были, так сказать, отдаленными поселениями. Для высокопоставленного губернатора поездка к ним была изгнанием, и, следовательно, ими управляли либо люди, которые отправлялись туда на короткое время для продвижения по службе, либо те, кто принимал пост губернатора, чтобы зарабатывать деньги единственным способом, которым это можно было сделать, — то есть путем работорговли. Следует также помнить, что в этот период *Маранхам* и *Пара* были отделены от португальских поселений на юге *Бразилии* присутствием голландцев в промежуточных провинциях, прилегающих к *Пернамбуку*.

В старых президентствах запасы индейцев, доступных для продажи рабов, к этому времени были настолько исчерпаны, что на рынок рабов приходилось завозить товары из *Анголы*; но в *Маранхаме* коренное население, недавно вступившее в контакт с португальцами, предоставляло широкое поле для проявления энергии работорговца и тех, кто был заинтересован в его операциях, к последней категории относились чиновники всех рангов. Фактически, Виейра нашел *Маранхам* огромной авгиевой конюшней, пропорции которой заставили бы менее энергичного человека застыть в отчаянии.

Португальская раса, несомненно, заняла самое выдающееся место в мире. В период, о котором мы пишем, она славно восстановила свою национальную независимость и была одинаково известна своей великолепной литературой, своими знаменитыми географическими открытиями, — особенно открытиями Бартоломью Диаса, Васко де Гамы, Кабрала и Магальяны, — и своими великолепными колониальными владениями как на востоке, так и на западе; и то, что раса не утратила всей своей энергии, доказывается такими подвигами наших дней, как подвиги Серпы Пинто и других. Но в двух отношениях, как и сегодня, так и два столетия назад, та же раса менее примечательна, а именно, в пристрастии к более суеверным дополнениям католицизма, таким как поклонение образам, вера в повседневные чудеса и т.д., и в пристрастии ко всем формам работорговли. Первое можно считать признаком ребяческого невежества; второе - национальным позором.

Кажется, в португальской расе действительно укоренилось нечто особенное, что заставляет их заниматься работорговлей и охотой на рабов так же естественно, как борзых охотиться на зайцев; и это наблюдение применимо не только к одной части расы, но и к португальцам везде, где они находятся вне досягаемости европейского законодательства. Ни одна современная раса не может быть названа охотниками за рабами на расстоянии, близком к португальцам. Их подвиги в этом отношении занесены в летописи не только всего побережья *Бразилии* от *Пара* до *Уругвая*, но и вдоль *миссий Паравая*, не только на побережье *Анголы*, но и по всей внутренней Африке. Мы можем просматривать дневники одного путешественника за другим, Бертон, Ливингстона, Стэнли или Камерона, и, в каком бы отношении ни расходились их рассказы и мнения, в одном они все полностью согласны, а именно в том, что касается пагубной и безжалостной деятельности вездесущего португальского работорговца.

На темном континенте не заканчивается и выдающееся положение португальской расы как поставщиков на невольничий рынок. В Индии, это правда, их активность в этом отношении сдерживается присутствием высшей власти; но дальше на восток их национальный характер нашел широкий простор для своего развития. В девятнадцатом веке христианская страна Европы показала пример таким народам, как Китай и Япония, содержа в *Макао* торговую лавку кули, предназначенных для *Перу* и других мест и отправляемых в условиях, отличающихся от условий рабства только по названию, и отчеты о торговле которыми являются *дополнением* к отчетам о “среднем проходе”. Наконец, одна из ветвей португальской расы в настоящее время обладает незавидной привилегией владения единственной цивилизованной страной, в которой рабство признано законом.

Возвращаясь к *Бразилии*: короли Португалии, это правда, каждый в отдельности всегда стремились смягчить условия рабства, которым подвергались их индейские подданные в Южной Америке; но обстоятельства всегда были для них слишком суровыми. Богатство *Бразилии* можно было добыть только сельскохозяйственным трудом; и до тех пор, пока

индейцев нужно было захватывать в плен или выращивать для этой цели, алчность колонистов направляла на достижение этой цели своих индийских братьев-подданных. Местные расы, однако, не были привычны к такому тяжелому труду, который был им навязан, и они постепенно опустились и вымерли под его тяжестью. Затем их сменили африканцы, потомки которых теперь являются источником богатства *Бразилии* по производству сахара, кофе и табака. Время от времени правительство в Лиссабоне принимало различные законодательные акты, чтобы ограничить своих колониальных подданных в их отношениях с туземцами; но все они были безрезультатны. В первом случае колонистам разрешалось бесконтрольно обращать их в рабство; но король Себастьян принял закон, объявляющий, что никакие индейцы не должны считаться рабами, за исключением тех, кто должен быть взят в плен на войне по приказу короля или губернатора, или тех, кто был агрессивными каннибалами; но это правило неизменно принималось для каждого отдельного случая.

Вторым законом было предусмотрено, что индейцы, работающие на португальцев, должны рассматриваться не как рабы, а как свободные работники. Король Филипп II. постановил, что никто не должен считаться рабом, за исключением тех, кто был захвачен в военных действиях, в отношении которых он должен был отдать приказ. Филипп III. запрещал обращать в рабство каких-либо индейцев; но зло зашло слишком далеко, чтобы его указ привел к каким-либо хорошим результатам, и он был вынужден отменить его и разрешить порабощение индейцев, захваченных на войне. Короче говоря, интерес всех классов португальцев в *Бразилии* к поощрению рабства был настолько общим, что все благонамеренные указы и постановления португальской короны были обойдены вниманием. Тот же закон предусматривал, что в каждой деревне “сокращенных” индейцев должен быть капитан, который должен занимать свой пост в течение трех лет. Индейцев должны были расселить по деревням примерно из трехсот домов. Для их использования должны были быть выделены земли и в каждой деревне построена церковь. Эти индейцы должны были считаться свободными, и им платили за их труд.

Жоам IV. возобновил закон Филиппа III, и Соуза Перейра, отправившись в отставку в качестве губернатора *Маранхама*, увез с собой приказы об освобождении всех индейцев, находившихся тогда в рабстве. Эти приказы вызвали восстание, которое было подавлено только обещанием губернатора не приводить закон в исполнение до тех пор, пока не будет подана апелляция к королю. То же самое произошло и в *Пара*, когда там был объявлен закон. Таково было положение вещей в Северной *Бразилии* на момент прихода Виейры.

Как бы ни был шокирован отец-иезуит по своему прибытии в *Маранхам* низким религиозным и моральным состоянием этой зависимости, его убеждения по этому поводу значительно усилились по мере того, как расширились его возможности наблюдения. Многие колонисты не утруждали себя ни посещением мессы, ни посещением церкви в течение всего года, и среди них было обычным делом умереть без исповеди. Во всем капитанстве было всего две церкви с постоянными священниками: одна на острове, другая на материке. Португальцы из *Маранхама* и *Пара* придерживались того же курса по отношению к индейцам, который привел к истреблению ими на морском побережье других капитанств. Закон разрешал обращать в рабство индейцев, захваченных на войне, и точно так же отдавать в рабство тех пленных, которые были спасены португальцами от других племен и которые таким образом были спасены от съедения. Эти два постановления были приняты для того, чтобы охватить наиболее незаконные сделки. Каждый капитан форта мог в любой момент спровоцировать своих соседей-индейцев на войну; в то время как пленным индейцам обычно угрожали или пытали,

добиваясь признания в том, что они были спасены или куплены португальцами у других индейцев.

В общей системе угнетения индейцы, добровольно подчинившиеся португальцам, несли полную ответственность. Действительно, они были, возможно, в худшем положении, чем их собратья. Капитан на данный момент, занимавший свой пост всего три года, смотрел на них как на множество животных, из которых он должен был извлечь как можно больше пользы для себя за этот период. В основном они были заняты выращиванием и заготовкой табака, в то время как их семьи были оставлены голодать. Некоторые индейцы сочли за лучшее отказаться от этого “свободного” состояния и добровольно стать домашними рабами. Другие предпочли умереть.

Неудивительно, что такое положение вещей должно было довести негодование Виейры до точки кипения. Вскоре ему представилась возможность излить свой самый праведный гнев с кафедры. Это было время Великого поста, и поскольку его репутация красноречивца предшествовала ему, церковь, по крайней мере на этот раз, была заполнена до отказа. В речи, которая сохранилась, он действовал по повелению, данному пророку Исае: “Взывай громко, не щади, возвысь голос твой, как труба, и укажи народу Моему на его беззакония”. В отрывке, который, возможно, можно было бы адресовать с кафедры сегодняшним бразильцам, он замечает: “Но вы скажете мне, что это государство не может существовать без индейцев. Кто посадит нашу мандиоку? Должны ли это делать наши жены? Должны ли это делать наши дети? Если этого требуют необходимость и совесть, я отвечаю: “Да”, ибо лучше быть поддержанным собственным потом, чем кровью другого”. Ему не составило труда затронуть своим страстным красноречием совесть, если не сердца, даже закаленной паствы, к которой он обращался; и в тот же день днем было проведено собрание, на котором было решено углубиться в историю каждого отдельного индейца, содержавшегося в состоянии рабства, и оставить каждый случай на усмотрение Сената. Акт, выражающий согласие народа на это соглашение, был немедленно составлен и подписан всеми высокопоставленными лицами этого места.

Теперь Виейра взял на себя задачу инструктировать индейцев каждое воскресенье; и через некоторое время он разработал планы миссионерской экспедиции среди племен. Однако в этом проекте ему пришлось столкнуться с эгоизмом губернатора, который не мог пощадить со своих собственных плантаций индейцев, которых Виейра требовал сопровождать его. Разочаровавшись в этой области, он обратился к другой, но только для того, чтобы встретить такой же отпор. Результаты его усилий убедили его в невозможности дальнейшего обращения индейцев в христианство и цивилизованности до тех пор, пока гражданские власти будут иметь над ними какую-либо власть. Соответственно, он написал королю свое мнение о том, что губернаторы и главные капитаны не должны обладать властью над индейцами, за исключением военного времени, когда определенное количество должно быть выделено для военной службы; что у индейцев должен быть защитник в каждом капитанстве, ежегодно избираемый и независимый от губернатора; что туземцами должны управлять религиозные деятели; что в начале каждого года должны составляться списки индейцев в каждом капитанстве, а также поселенцев, и что первые должны затем распределяться между последними их собственным защитником и настоятелем религиозного ордена; что ни один индеец не должен работать на поселенца более четырех месяцев в году, в пересчете на два месяца, при этом его заработная плата вносится авансом. Он добавил другие замечательные предложения; но дело было настолько срочным, что было сочтено за лучшее, чтобы он сам незамедлительно отправился в Европу, чтобы лично выступить с иском.

Возвращаясь домой, Виейра попал в шторм недалеко от *Азорских островов*, спасением от которого он был обязан команде голландского капера, который снял его с корабля после того, как у него были срублены мачты. Он и его спутники, после того как у них разграбили все, что у них было, высадились на острове *Грасиоза*. Однако кредита Виейры было достаточно, чтобы обеспечить себя и своих сорок спутников средствами к существованию в течение двух месяцев, а также проездом в Лиссабон, который он так красочно описывает:

“Корабль принадлежал владельцам-еретикам, и лоцман, и матросы были еретиками; мы, пассажиры, были верующими разных орденов и большим количеством тех музыкальных островитян, которые приезжают сюда, чтобы составить четырехголосный хор со своими соловьями и щеглами, канарейками и дроздами. Погода была хуже обычного, и эффекты, которые я наблюдал в ней, были поистине восхитительны. Все мы, верующие, были заняты молитвами и литаниями, приносили обеты Небесам и изгоняли нечистую силу из волн, бросали реликвии в море и, прежде всего, совершали акты раскаяния, много раз исповедуясь, словно на пороге смерти. Матросы, подобно еретикам, когда люки лежали у подножий мачт, ели и пили веселее, чем когда-либо, и насмехались над тем, что они называли нашими церемониями. В то же время маленькие птички, услышав звук, который ветер производил в снастях, как будто эти веревки были струнами какого-то музыкального инструмента, напрягли все свои силы в пении. Боже, помоги мне! если бы труд и страх не отвлекали все внимание, кто бы в этой ситуации не восхищался столь разнообразными и противоположными следствиями, причина которых одна и та же? Что, ... все на одном корабле, все в один и тот же шторм, все в одной и той же опасности, и кто-то поет, кто-то насмехается, кто-то молится и причитает?” Интересно наблюдать, как этот великий человек, который, следуя своему долгу, не уклонялся ни от труда, ни от какой-либо опасности, простодушно признается в том, какое воздействие оказал на него шторм на море, как и на других плохих моряков.

Нет необходимости добавлять, что португальское правительство теперь было достоверно и полностью проинформировано о положении дел в северных провинциях *Бразилии*; но хотя король больше всего желал поступать правильно, его власть в этом вопросе была ограничена. Депутаты от *Маранхама* и *Пара* были в Лиссабоне, и от имени рабовладельцев не жалели ни золота, ни лжи.

Король приказал созвать *хунту* богословов и юристов под руководством президента Дворца. После восьмидневного обсуждения, после того как Виейра отстаивал свое дело, *хунта* высказалась в пользу принятия его системы. За этим шагом последовало указание глав других орденов, созданных в *Маранхаме* и *Паре*, о том, что члены их соответствующих общин должны действовать в соответствии с решениями *хунты*. Следующей целью Виейры было создание миссионерского совета, который должен был постоянно следить за интересами миссий. Был издан указ, объявляющий, что все индейские поселения в штате *Маранхам* должны находиться под руководством иезуитов; что Виейра, как настоятель миссии, должен руководить всеми экспедициями в глубь страны и расселять “угнетенных” индейцев так, как он сочтет нужным; что глава каждой партии выкупщиков должен быть утвержден иезуитами, которые должны иметь право голоса при допросе выкупленных индейцев; и что они не должны быть рабами дольше пяти лет. Свободные индейцы не должны были работать на португальцев более шести месяцев в году.

Ресифи теперь снова находился в руках португальцев, и услуги Видаля были в распоряжении короля, и они были надлежащим образом использованы в правительстве *Маранхама*. Его величество запретил бы Виейре возвращаться; но, поскольку он не желал решать столь важный вопрос самостоятельно, он вынес на рассмотрение созываемого раз в три года собрания иезуитов провинции вопрос о том, следует ли посылать человека, чьи заслуги были так важны на родине, миссионером среди дикарей. Виейра потребовал, чтобы его выслушали перед ними. Вполне можно предположить, что у него было много причин настаивать на том, чтобы он не отказывался от выбранной им миссии. Он указал на насмешки, которые были бы произнесены, если бы он подстрекал других отправиться в *Маранхам*, чтобы предпочесть для себя остальную Европу. Что сказали бы индейцы о том, что он покинул их в поисках помощи и забыл о своем обещании скорейшего возвращения? Какой пример показал бы его уход с трудного пути молодежи, которая сейчас растет в колониях? Некоторые из Отцов, будучи в отчаянии от того, что Компания может потерять преимущество талантов Виейры в штаб-квартире, благородно преклонили колени перед Провинциалом и предложили занять место Виейры за границей при условии, что он останется дома. Голосование проводилось тайно, но большинство согласилось с тем, что Виейра должен отправиться на это задание. Король подчинился этому решению; и, пробыв в Португалии всего четыре месяца, Виейра снова отправился в *Маранхам*.

Когда стали известны условия нового закона, возникло такое недовольство, что в народе поднялся бунт; но Видаль сурово подавил его. Вскоре после этого новый губернатор в сопровождении Виейры отправился в *Белем*, чтобы привести в исполнение королевские указы в провинции *Пара*. Крайнее неуважение к закону, проявленное в условиях этой провинции, было поразительным. Было известно, что работорговцы привели с собой не менее тысячи шестисот индейцев; однако после того, как каждый человек поклялся, что он представил всех, кого привел или получил, общее число не дотянуло до восьмисот, остальные были скрыты. Один мужчина представил двадцать восемь индейцев, которые, будучи допрошены, по отдельности ответили, что были спасены от других племен. Соответственно, они были признаны законными рабами. Неделью спустя вожди нескольких союзных индейцев прибыли в *Белем* с просьбой к губернатору освободить некоторых из их людей, похищенных португальцами. Получив указание указать на них, они выбрали двадцать восемь вышеупомянутых. Беднягам, которые были подданными короля Португалии, пригрозили забить до смерти, если они не ответят, что были спасенными военнопленными. Все вышесказанное - всего лишь образцы массового злодейства, которое практиковалось.

Священнослужители, входившие в совет, на который возлагалось определение законности захвата индейцев, при любых обстоятельствах были слишком озабочены тем, чтобы любыми средствами ввести их в черту христианства, чтобы проявлять скрупулезность при принятии решений в пользу работорговцев, когда для этого имелась наименьшая возможность. Виейра тоже очень стремился привлечь под защиту короля и в лоно Церкви как можно больше индейцев, которых можно было побудить приехать честными средствами, но без насилия или несправедливости. Он настаивал на том, что до того, как индейцев вывезут из их собственной страны, следует принять меры, чтобы они не погибли от нужды, как уже погибло так много. Один губернатор хладнокровно ответил, когда ему указали на вероятность большой смертности, что смерть таких людей не имеет значения; но для них было бы лучше умереть среди португальцев, поскольку тогда они приняли бы крещение.

Везде, где Видаль имел на это право, он действовал в духе и в соответствии с буквой инструкций короля; и под его защитой Виейра усердно осуществлял свои планы. Главные поселения “сокращенных” индейцев находились к северу от *Маранхама*, где вдоль побережья было основано пятьдесят деревень. Желание Виейры состояло в том, чтобы аналогичным образом проложить линию станций на юг, до *Сеары*, таким образом соединив иезуитские станции *Маранхама* с иезуитскими станциями Южной *Бразилии*. Он также желал продолжить ту же соединительную систему вверх по великим рекам. Имея в виду последнюю цель, два иезуита с португальским хирургом и сотней индийских лодочников отправились на расстояние трехсот лье вверх по реке к *Токантинсу*. Отцам удалось убедить около тысячи человек последовать за ними по возвращении в *Белен*, где они были приняты Видалем и Виейрой. Многие индейцы также были привезены из других стран, и в течение некоторого времени успех миссионерской работы, которому способствовала сильная рука гражданской власти, был всем, чего можно было желать.

1657.

Но наступил период этого процветания. В 1657 году Видаль был назначен губернатором *Пернамбуку*. Примерно в то же время Виейра понес тяжелую и действительно невозможную утрату в результате смерти принца *Бразилии*, за которой вскоре последовала смерть короля Жоама. Однако у него все еще был могущественный и верный друг в лице епископа *Япони*, который был духовником королевы; и он был назначен Посетителем и настоятелем в этой части Америки. Однако новый губернатор, *дон Педро де Меллу*, сменивший Видаля, сильно отличался от своего предшественника. Он, не теряя времени, вступил в серьезную войну с жителями островов в устье *Амазонки*. Он привез с собой известие о том, что Голландия и Португалия в то время находились в состоянии войны; и было опасение, что голландцы могут возобновить свои операции в этом районе. Поэтому новому губернатору было настоятельно рекомендовано атаковать индейцев всеми своими силами до того, как голландцы смогут прибыть им на помощь. Один только Виейра посоветовал сначала использовать примирительные меры; и он предложил взять на себя задачу ведения переговоров. Получив разрешение попробовать то, что он мог сделать, он написал племенам, сообщив им, что новые законы, за которыми он ездил в Португалию, положили конец несправедливостям, на которые они жаловались. Он дал слово, что старая несправедливая система запрещена, и сказал, что готов либо принять их, либо пойти к ним. Его посланники могли бы дать им полную информацию о действительном положении вещей.

Посланцы отбыли, опасаясь худшего, и сказали Виейре, что, если они не вернутся к следующей луне, он может выдать их как мертвых или попавших в рабство. Взошла следующая луна, и все сочли их потерянными; но, к всеобщему удивлению, гонцы вернулись, приведя с собой отряд индейцев во главе с семьей вождями. Они сказали, что пришли просто на веру в бумагу от Великого Отца, который ради них пересек бездну и получил для них так много благ. Виейра вернулся бы с ними на остров, но они предпочли сначала получить возможность подготовиться к его приему, а затем приехать за ним с большим эскортом. Соответственно, они прибыли в назначенный день на семнадцать каноэ. Они нашли Виейру настолько больным, что он не смог сопровождать их; но он последовал за ними, как только позволило его здоровье, взяв с собой еще одного Отца, вождей всех “сокращенных” индейцев и всего десять португальцев.

На пятый день их путешествия их встретили вожди племени, которые пообещали заключить соглашение, и отцов отвели в церковь, построенную в ожидании их визита. Неподалеку для них также был приготовлен дом. Вожди соседних орд созвали их на собрание, когда они принесли клятву повиновения, которая была произнесена миссионерами с большой церемонией. Справа от церкви стояли вожди обращенных индейцев в своих лучших одеждах. Слева были вожди дикарей, обнаженные, украшенные перьями, с луками в руках. Виейра отслужил мессу, после чего обратился к ним через переводчика; тогда они подчинились королю Португалии и приняли истинную веру. Вожди один за другим подходили к алтарю, складывали оружие и приносили клятву повиновения. Подсчитано, что число островитян, покорившихся португальцам по этому случаю, составило не менее сорока тысяч.

Следующей задачей Виейры было наладить работу миссии среди племени *Ибуапабы*, куда он добрался со стертymi ногами и усталый, после мучительного трехнедельного путешествия из *Маранхама*. Уладив дела этой миссии, он вернулся в *Белем* морем.

До сих пор не предпринималось попыток открытого противодействия законам, по которым миссии добивались таких успехов; но зависть поселенцев к иезуитам набирала силу. Палата *Белема* теперь обратилась с письмом к Палате *Святого Луиса*, предлагая им объединиться с целью лишения иезуитов их мирской власти над индейцами; и, поскольку к этому предложению присоединились, Палата фактически обратилась с протестом к Виейре, представляя бедствия, которым подверглось государство вследствие ограничений на рабство. Они сказали, что королевские десятины настолько уменьшились, что ни один человек не стал бы их обрабатывать. Мужчины благородного происхождения не могли привезти своих детей в город, потому что у них не было рабов, чтобы грести на каноэ; их дочери не могли появиться на мессе из-за отсутствия подходящей одежды; многим жителям *Белема* некому было принести им дров или воды, и они погибали из-за нехватки рабов для обработки их земли. В своем ответе Виейра заметил, что зло, приписываемое нехватке рабов, проистекало из других причин — из природы страны, из-за нехватки зерна и из-за отсутствия взаимопонимания между людьми. Что касается рабов, сказал он, то опыт показал, что, как бы велик ни был их запас, смертность от них превышала норму.

Недовольная сторона получила поддержку от *дона Педро де Мальо*, губернатора *Маранхама*, которому они направили депутатов с копиями переписки. Этот чиновник, боясь народа, тайно разжигал в нем ненависть к иезуитам. Однако его, как и колонистов, держали в узде из-за того, что покровитель Виейры, епископ *Японии*, обладал огромным влиянием на королеву-регентшу. Этот сдерживающий мотив был устранен появившимся известием о смерти епископа. Некоторые письма, написанные Виейрой епископу, попали в руки нищенствующих монахов, которые теперь удовлетворили свою зависть к Виейре, предав их огласке. Не предназначенные для рекламы, они были выдержаны в обычном графическом стиле Виейры; и картина колониальной морали, которую они демонстрировали, теперь подняла бурю против него и его ордена. Поднялся переполох. Толпа выволокла иезуитов из их камер и вынудила их настоятеля передать свою власть над индейцами в руки Палаты. Затем он и его братья были вынуждены подняться на борт корабля, чтобы там дожидаться прибытия иезуитов из других стран, прежде чем всех их депортируют.

Виейра в это время находился на пути из *Белема* в *Маранхам*. Услышав о беспорядках, он вернулся на прежнее место, когда обратился к Палате с мемориалом, требуя от них продолжать

соблюдать законы, напоминая им об услугах, которые иезуиты недавно оказали государству, и указывая на зло, которое могло бы последовать, если бы общественная вера была нарушена по отношению к индейцам. Однако его рассуждения не произвели никакого эффекта. Когда новость о восстании в *Сент-Луисе* стала достоянием общественности, жители *Белема* поднялись и окружили колледж. Сам Виейра был схвачен и оскорблен и был заключен в часовню Святого Иоанна Крестителя, где его снабжала едой преданная индианка. Его отправили в *Сент-Луис*, где он содержался в тесном заключении, а его депеши в Лиссабон были изъяты. Жилой дом и церковь иезуитов были разрушены, а их имущество конфисковано. Из двух судов, на которых были депортированы иезуиты, одно было захвачено капером; другое, с Виейрой на борту, благополучно добралось до Лиссабона.

1662.

Королева-регентша восприняла известие о восстании с негодованием. Новый губернатор собирался отправиться в *Маранхам*, которому было поручено восстановить, по возможности, утраченную власть без применения силы. Секейра умело выполнил его инструкции. Сначала он приложил все усилия, чтобы восстановить муниципальное управление и завоевать доверие солдат. Когда он почувствовал, что его власть достаточно окрепла, он запретил всем людям брать на службу индейцев из деревень. Постепенно он повлиял на умы людей в пользу иезуитов и, наконец, созвал собрание, чтобы рассмотреть вопрос об их восстановлении. Как ни странно, подавляющее большинство проголосовало "за", после чего Секейра приказал звонить в колокола и салютовать, после чего губернатор объявил всеобщее помилование.

ГЛАВА VI.

БРАЗИЛИЯ; УТВЕРЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ.

1657-1696гг.

1657.

По окончании войны, в результате которой был освобожден *Пернамбуку*, Баррето, который, как помнится, вместе с Фернандешем и Видалем командовал португальскими войсками, был награжден должностью генерал-губернатора *Бразилии*; и на него легла задача увеличить долю ежегодной суммы, которая, согласно договору, должна была выплачиваться голландцам. Сумма, которая должна была взиматься с *Бразилии* для этой цели, составляла 120 000 *крузадо* [4] ежегодно, в течение шестнадцати лет, что составляло почти половину всего взноса. С этой целью Баррето созвал сенаторов, которые ответили, что внесут этот вопрос на рассмотрение Палаты, которая с готовностью согласилась с оценкой. Из суммы, которая должна была быть собрана, провинция *Баия* взяла на себя более половины.

1660.

Примерно в это же время *Рио-де-Жанейро* вместе с провинциями к югу от этого города, как и *Маранхам*, были отделены от общего правительства и переданы Сальвадору Корреа, который отвоевал *Анголу* у голландцев. Он был членом выдающейся семьи, с помощью которой французы были изгнаны из города, который сейчас является столицей *Бразилии*. Корреа был по

семейным связям привязан к иезуитам и, таким образом, стал объектом неприязни жителей *Сантоса* и *Сан-Паулу*, из общин которых отцы-иезуиты были изгнаны. Успешно приложив усилия для их восстановления, его поведение вызвало такое сильное возмущение *Паулистов*, что, когда он отправился в экспедицию на поиски рудников, во время его отсутствия было поднято восстание.

Корреа получил, находясь в *Сантосе*, известие о произволе своих врагов; после чего он издал прокламацию, содержащую предложения о помиловании, с одной стороны, и угрозы наказания - с другой. Затем он направился в *Сан-Паулу*, где за короткое время настолько завоевал расположение народа, что вскоре в его распоряжении оказалось достаточно сил, чтобы вернуть себе власть.

1665.

После шестилетнего срока полномочий Баррето сменил граф Обьедос, при котором кармелиты Сан-^{та}. Тереза приехала, чтобы обосноваться в *Бразилии*, где в провинции *Баия* вскоре они возвели один из самых роскошных монастырей во владении своего ордена. Срок полномочий того же губернатора также был отмечен ужасной вспышкой оспы вдоль побережья, от *Пернамбуку* до *Рио-де-Жанейро*, что дало повод для проявления самой героической преданности со стороны членов Римской церкви, среди которых особенно упоминаются Братья из *Мизерикордии*. Смертность была настолько велика, что не осталось достаточного количества рабочих рук для ведения сельского хозяйства; и таким образом, за эпидемией последовал голод.

Упоминалось, что Видаль, бывший коллега Жоама Фернандеша, был переведен из правительства *Маранхама* в правительство *Пернамбуку*; однако на этом посту у него был недостаток в том, что он не был независимым, подчиняясь приказам генерал-губернатора *Баии*. Его прямое, беспристрастное поведение нажило ему много врагов, которые не преминули настроить Баррето против него. Таким образом, он был помещен под арест, но впоследствии ему было разрешено сохранить за собой власть до истечения срока ее действия. У жителей *Пернамбуку*, однако, не было причин поздравлять себя с губернатором, которого послали ему на смену и чей жадный нрав сделал его настолько невыносимым, что в конце концов он был схвачен хитростью и отправлен пленником в Лиссабон, где по прибытии был приговорен к вечному заключению в крепости в Индии.

1668.

1673.

Борьба с Испанией была прекращена договором, признавшим независимость Португалии; но *Бразилия*, хотя и не имела причин опасаться внешних врагов, была обеспокоена врагами внутри своих собственных границ, которые нападали на внутренние поселения *Баии* и островов. Целые семьи были отрезаны прежде, чем к ним могла прийти помощь; в то время как многие рабы были убиты на своих полевых работах. В качестве средства к отдаленным колонистам была приставлена охрана из солдат; но, хотя солдаты часто попадали под стрелы невидимых врагов, у них в течение многих лет ни разу не было возможности нанести ответный удар. Те поселенцы, которые не нашли убежища на островах, были вынуждены превратить свои поселения в небольшие крепости. Наконец, смерть от рук дикарей Манозеля Барбозы, командовавшего

гарнизона в *Кайру*, побудила губернатора *Баии* завершить завоевание внутренних районов страны, что было поручено отряду *Паулистов* под командованием Жоама Амаро.

Поскольку эта война была объявлена справедливой и законной, все пленные, взятые в ее ходе, стали рабами. Говорят, что экспедиция под командованием Амаро состояла из таких опытных охотников на людей, каких, к счастью, не могла предоставить никакая другая местность в мире, поскольку многие из его людей были обученными индейцами. Они направились на запад, к реке *Сан-Франциско*, затем повернули на север. Захваченных пленников отправляли в столицу в таком количестве, что их цена упала до двадцати *крузадо* каждое; [5] но большее количество было настолько недолговечным, что их считали дорогими даже по такой цене. Амаро тщательно проделал свою работу, исследовав страну во всех частях и так очистив ее от дикарей, что о них больше не было слышно в течение многих лет. Он был вознагражден властью над городом, который он основал и который получил его имя.

Именно в это время впервые стала известна плодородная провинция *Пиауки*. Его открытие произошло благодаря владельцу пастбищного поместья к северу от *Сан-Франциско*, названного в честь Домингоса Афонсо. Поскольку внутренние районы *Пернамбуку* подвержены засухам, этот поселенец отправил своих людей исследовать более привлекательные для выпаса районы в глубине страны. В *Пиауки* он нашел территорию, изобилующую богатейшими пастбищами и не подлежащую подобному посещению. Исследуя внутренние районы страны, Афонсо встретился с отрядом *Паулистов*, которые вместе с ним завершили завоевание страны, которая имела настолько привлекательный характер, что вскоре была заселена поселенцами.

16676.

Растущее значение *Бразилии* теперь было продемонстрировано возведением *Баии* в ранг митрополии, которая должна включать в себя три епископства: *Пернамбуку*, *Рио-де-Жанейро* и *Маранхам*. В следующем году в *Баии* был основан францисканский монастырь - движение, которое не преминуло вызвать неодобрение мыслящей части общества; поскольку очевидно, что в новой стране такой огромной протяженности любое учреждение, рассчитанное на уменьшение распространения правящей расы, противоречило первым принципам политической экономии. Учреждение итальянских монахов-капуцинов в *Баии* также относится к этому периоду.

1682.

Город *Баия* в 1682 году был охвачен сильными волнениями из-за убийства Франсиско Теллеса де Менезеса, *Алькаиде Мар*, который использовал свое положение настолько тираническим образом, что навлек всеобщую ненависть. Убийца Брито де Кастро, который должен был отомстить за покушение на свою жизнь, нашел убежище в колледже иезуитов. Губернатор, разгневанный тем, что произошло, приказал бросить в тюрьму государственного секретаря Бернардо де Виейру, брата знаменитого миссионера. Тщетно его почтенный родственник умолял освободить его. Колледж иезуитов по приказу губернатора был окружен *кордоном* солдат; и положение вещей было настолько невыносимым, что один из знатных жителей *Баии* был отправлен в Португалию для представления короне, результатом чего стало то, что на смену престарелому губернатору был отправлен *Маркес Дас Минас*. Государственный секретарь был

признан невиновным, а его брат, которому сейчас было от семидесяти до восьмидесяти лет, был назначен гостем провинции.

1686.

В этом году Баию посетила страшная эпидемия, настолько опасная, что из двухсот человек, подвергшихся нападению за один день, выздоровели только двое. Отмечается, что разрушительные последствия этой болезни были исключительно среди португальцев, туземцы спаслись невредимыми. Это дало возможность проявить большую доброжелательность одной богатой вдове, *донне Франциске де Сауде*, которая открыла свой дом как больницу, когда *Мизерикордия* больше не могла содержать больных, и обеспечивала пациентов за свой счет. Поскольку все лекарства оказались бессильными, пришлось прибегнуть к посредничеству святого, и *Франциску Ксавьеру* приписывается прекращение эпидемии чумы.

Обратимся к северу: Иезуиты действительно были снова допущены в *Маранхам*, но только для выполнения своих духовных функций. Партия рабовладельцев и духовенство, примкнувшее к ним, имели достаточное влияние, чтобы лишить иезуитов мирской власти над индейцами, в то время как их духовное управление должно было быть разделено между различными орденами. Виейре было категорически запрещено проживать в провинции. Охота на рабов снова приобрела массовый характер и даже продолжалась под эгидой губернатора под видом миссионерских экспедиций. *Паулиста*, поскольку в это время они не могли продолжать свои атаки на “редуцированных” в *Парагвае*, вследствие того, что последний находился в состоянии обороны, обратили свое внимание на север, вынудив племена на *Токантинсе* обратиться за защитой к *Белему*. Посланный с этой целью офицер получил от лидера *Паулисты* ответ, в котором говорилось, что, если кто-либо воспротивится его планам, он встретит вооруженное сопротивление, после чего офицер счел за лучшее вернуться в *Белем*.

Масштабы, до которых развилась работорговля, и полное пренебрежение, с которым относились к ограничениям в этой области, не ускользнули от внимания в Лиссабоне; и в 1680 году были обнародованы некоторые новые указы по этому вопросу. Согласно одному из них, губернаторам было запрещено заниматься торговлей и выращивать продукты; также не разрешалось делать это и их слугам. Другим указом было отменено индийское рабство, которое, как показал опыт, не могло быть изменено или ограничено никакими правилами и жестокости, связанные с которым, пользовались столь дурной славой. Было постановлено, что любое лицо, впредь нарушающее этот закон, должно быть отправлено домой первым же судом, брошено в тюрьму и подвергнуто судебному преследованию. Руководство *альдеями*, или индейскими общинами, должно быть снова передано иезуитам.

Нет нужды говорить, что эти законы были крайне непопулярны. Было заявлено, что срок труда свободных индейцев в *Алдеасе*, который должен был быть ограничен двумя месяцами единовременно, был настолько коротким, что был бесполезен; и Палата *Белема* направила прокурора в Лиссабон, чтобы потребовать поправки, в частности, к этому закону, и сделать все возможное, чтобы добиться отмены других. Португальское министерство предоставило некоторым купцам Лиссабона исключительную привилегию торговать с *Маранхамом* и *Парой* сроком на двадцать лет — мера, которая вызвала сильное возмущение жителей *Белена*. Среди условий, к которым были привязаны подрядчики, было одно, требующее от них ввозить пятьсот негров ежегодно; но в течение первого года негры не ввозились. Большое недовольство возникло как в *Белеме*, так и в *Маранхаме*.

Португальцы в *Бразилии*, хотя и предпочитали поручать свою рабочую силу рабам, проявили желание заниматься торговлей — губернаторы провинций и даже многие представители духовенства приступили к таким операциям. Естественно, из этого последовал большой протест против введенной монополии, поскольку все стороны были заинтересованы в раздувании пламени. Недовольные нашли лидера и выразителя своих заблуждений в лице некоего Мануэля Бекмана, уроженца Лиссабона, но иностранного происхождения. Это был крик против монополии и против иезуитов, восстановление которых совпало с ней по времени. Бекман, пригласив нескольких единомышленников в свой *Энгенхо*, указал им, что, если они хотят добиться своих прав, они должны действовать вопреки губернатору. Был составлен заговор, главой которого был назначен Бекман, и ему помогал монах, проповедовавший в соборе против монополии. Вскоре число заговорщиков достигло шестидесяти, и люди были созваны на тайное собрание в помещении францисканского монастыря в *Сан-Луис*. Перед ними выступил Бекман, который указал, что для блага государства необходимы две вещи, а именно отмена монополии и изгнание иезуитов, и добавил, что если присутствующие будут руководствоваться соображениями собственной безопасности, не говоря уже о своих интересах, они немедленно примут эти меры.

Один из ведущих заговорщиков обнажил меч и убедил своих слушателей, что их единственная безопасность - продолжать свое предприятие. Соответственно, собрание поспешило в город, где, естественно, было совершено несколько убийств и других безобразий, поскольку власти не смогли остановить поток насилия. *Капитану Мору* было приказано считать себя пленником в своем доме, в то время как солдаты подчинились приказам Бекмана, который вслед за этим созвал *хунту* из трех сословий, а именно духовенства, знати и народа. Были приняты резолюции о смещении губернатора и *Capitam Mor*, отмене монополии и изгнании иезуитов. Палата ратифицировала принятые резолюции. Поскольку покойные власти были заключены под стражу, Бекман теперь уведомил иезуитов об их изгнании из государства и о том, что до тех пор, пока не будут предоставлены средства для их транспортировки, они должны оставаться заключенными в своем колледже. Толпа под предводительством своего самопровозглашенного лидера затем направилась в собор, где в честь их подвигов был исполнен *Te Deum*.

Для управления правительством были назначены три человека в ожидании ссылки в Лиссабон. Следующим шагом было направить агентов в *Белем*, чтобы пригласить жителей этого места присоединиться к повстанческому движению; но единственным человеком, которого можно было убедить принять это служение, был монах. В *Белеме* его приняли так, что это полностью оправдывало нежелание его коллег сопровождать его. Палата отнесла его бумаги губернатору, предлагая свои услуги по наказанию мятежников. Франсиско де Са был в растерянности, как действовать, не зная, насколько он может зависеть от своего собственного народа, и все же чувствуя, что обязан принять какие-то меры для подавления восстания. Тем временем Палата *Белема* направила лидерам повстанцев ответ, призывающий их к подчинению. Бекман, однако, не выказывал ни малейшего желания отступать от занятой им позиции; и Вербное воскресенье отличилось изгнанием иезуитов из их колледжа; каждый из них, неся эмблему праздника, сел под охраной на два судна. Один из двух достиг *Пернамбуку*; другой попал в руки пиратов.

Антонио де Альбукерке, доставившему ответ из *Белема*, было отказано в разрешении обратиться к народу. Следует отметить, что это восстание в *Сан-Луисе* в определенной степени сдерживалось; в это время прибыли два судна, принадлежащие компании-монополисту, с товарами и неграми, продажа которых осуществлялась от имени Компании ее агентами. Теперь губернатор счел нужным предложить полное помилование всем лицам, замешанным в мятеже, вместе с большим вознаграждением Бекману; последний, однако, отклонил это предложение, заявив при этом о своей готовности подчиниться приказам своего государя, когда они поступят; и агенты губернатора вернулись в *Белем*, чтобы доложить о безрезультатных результатах своего поручения.

Бекман, однако, отнюдь не находился в завидном положении. Желание народа вынудило его послать своего брата в Лиссабон в качестве их представителя; и поскольку те, кто прибегал к его помощи, постепенно отделялись от него, чтобы заняться своими собственными делами, он увидел, что у него нет средств поддерживать узурпированную власть. На самом деле он сохранил свое положение только благодаря слабости Франсиско де Са. У Бекмана были свои претензии к местным властям, которые, возможно, изначально побудили его стать выразителем законного общественного протеста против монополии. Возможно, его также подстегивала безнаказанность, которая сопровождала действия жителей *Маранхема* по случаю изгнания иезуитов. Однако опрометчиво, чтобы кто-либо, возглавляющий восстание против официальных властей, столкнулся с прецедентом. В этом случае лидер повстанцев вскоре перешел границы, которые были достигнуты в предыдущем случае. Действительно, он начал с заключения в тюрьму *Capitam Mor* и смещения губернатора. Возможно, он также не предвидел, что, поскольку предыдущему восстанию было позволено безнаказанно пройти его лидерам и за ним последовало другое, лиссабонский суд сочтет более необходимым проявить суровость в этом случае.

Лидер восстания избрал необычный курс с целью укрепить свое положение. Это было сделано для того, чтобы он вступил в союз с Жоамом де Лимой, португальцем благородного происхождения, командовавшим пиратской эскадрой. Этот пират получил предложение от повстанцев использовать порт *Маранхам* в качестве убежища, из которого он и они могли бы бросить вызов португальским властям.

Тем временем в Лиссабоне с беспокойством восприняли известие о восстании. В случае с первой вспышкой португальское правительство понимало, насколько трудно им будет восстановить королевскую власть в такой отдаленной и обширной провинции, как *Маранхам*, силой оружия, и поэтому прибегло к политике. Они также опасались, что французы из *Кайенны* *Amazons and revive their claims on Maranham*,. Было крайне важно найти подходящего человека для подавления восстания в *Маранхаме*, и королевский выбор пал на Гомеса Фрейре, офицера, чьи качества в высшей степени подходили для выполнения стоявшей перед ним задачи.

1685.

Столкнувшись с немалыми трудностями на пути подготовки к успешному выполнению своей миссии, Гомес Фрейре отправился в путешествие, король сопровождал его на борту корабля для прощания, и 15 мая он прибыл на побережье *Бразилии*. Томас Бекман, которого отправили в Португалию, был отправлен обратно в *Маранхам* в качестве заключенного. Новый губернатор был принят с должным почтением со стороны Сената и народа. Бекман, действительно, пытался убедить народ воспротивиться его высадке; но меры Фрейре были настолько решительными,

что у него не было времени привести свои злые намерения в исполнение. Придя к власти без сопротивления, он издал прокламацию о помиловании всех лиц, за исключением тех, кто спровоцировал восстание или принял в нем руководящее участие. Бекман укрылся в своем поместье в шестидесяти лигах от города, в то время как его брат был заключен в тюрьму. Награда, предложенная за первое, побудила молодого человека совершить его поимку, и он был вероломно задержан.

С поимкой главаря восстанию пришел конец; но губернатор с крайней неохотой смог заставить себя приговорить его к наказанию, которое он понес. Его нежелание, без сомнения, усилилось из-за обстоятельств подлого предательства Бекмана молодым человеком, с которым он подружился; и только после того, как была раскрыта попытка побега из тюрьмы, Гомес Фрейре уступил заявлениям, которые ему были сделаны, о том, что его долг перед обществом - подписать себе смертный приговор. Поступая таким образом, вместе с другим главарем, он в то же время взял на себя заботу о содержании двух своих незамужних дочерей. Брат Бекмана получил более мягкое наказание в виде изгнания на десять лет, в то время как монах, подстрекавший народ к восстанию, был приговорен к заключению в своем монастыре.

Первой мерой Гомеса Фрейре после ареста главарей восстания было восстановление в должности всех лиц, которые были лишены своих должностей. Он также временно восстановил монополию, одновременно отозвав изгнанных иезуитов. Созвав палаты *Белена* и *Сен-Луиса* и выслушав их представления о состоянии страны, он пришел к выводу, что монополия должна быть отменена. В своих отчетах в Португалию он находил серьезные недостатки в поведении части духовенства, которое посвятило себя торговле и было главным в разжигании недовольства. Положение людей он представлял как плачевное; и он выступал, ссылаясь на необходимость, за привлечение негров к сельскохозяйственному труду. Индейцев он хотел одомашнить, насколько это было возможно, чтобы они могли показать своим соотечественникам пример покорности. Но в то же время он указал, что тот же принцип, который разрешал португальцам покупать негров в Африке, применим и к дикарям *тапуя*, которые не давали пощады на войне.

Чтобы облегчить бедствие в *Сан-Луисе*, он забрал у его населения материалы для нового поселения между реками *Итаку* и *Мони*. Два рассматриваемых ручья настолько близко подходят друг к другу в одном месте внутри страны, что считалось, что двух фортов может быть достаточно для защиты образовавшейся таким образом дельты от индейцев. В развитие этого плана была отправлена экспедиция против дикарей *мири*, которые уничтожили *энгенхо*, ранее существовавших в этом районе. Губернатор, соответственно воздвигнув форт на *Мери*, счел важным установить сообщение по суше с *Баией*; и предприимчивый португалец по имени Жоам ду Валле смело взялся отправиться туда по суше. Эта попытка ему удалась, но переутомление, которому он подвергся, оказалось фатальным для его жизни.

Гомес Фрейре счел необходимым отправить еще одну экспедицию под командованием Сузы против дикарей *амазонок*. После тяжелой кампании, длившейся более шести месяцев, этот офицер выполнил порученную ему задачу. Нижняя долина великой реки была умиротворена; несколько опасных вождей вместе с более чем тысячей индейцев пали; половину из этого числа привели обратно в цепях.

В этот период положение французов на севере *Бразилии* стало предметом беспокойства властей *Пара*. Хотя в силу демаркационной линии, проведенной папой Александром VI, Португалия претендовала на все побережье Бразилии, от *Платы* на юге до *Ояпока* на севере, морские державы отказались признать ее титул. Еще в 1608 году страна между *Амазонками* и *Ориноко* перешла во владение Роберта Харкорта от имени Джеймса I. от имени Англии этот король пожаловал ему территорию, лежащую между бывшей рекой и *Эссекибо*, которая впадает в море примерно в центре нынешней британской *Гуаяны*. План, однако, был сорван, как и все попытки авантюристов разных наций обосноваться в районе *Кабо-ду-Норти* и вверх по *Амазонкам*. Именно во время одной из экспедиций Роли впервые была замечена гавань *Кайенны*, и впоследствии она привлекла внимание Харкорта. Несколько французских авантюристов поселились в этой местности примерно в 1631 году. У них не было поручений ни от короны, ни от какой-либо другой компании; и, будучи предоставлены сами себе, те из них, кто выжил во время военных действий между местными племенами, в которых они принимали участие, постепенно смешались с дикарями.

Однако некоторым из них удалось бежать во Францию; и именно по их заявлениям была отправлена экспедиция под командованием Шарля Понсе, который был назначен генерал-лейтенантом страны *Кабо-ду-Норти*, района, который не был определен слишком точно и который, по его толкованию, в целом включал все побережье между *Амазонкой* и *Ориноко*. Этот офицер взял с собой около четырехсот человек, с которыми он попытался основать поселения в *Кайенне*, *Суринаме* и *Бербисе*, которые в настоящее время образуют поселения во французской, голландской и британской *Гуаяне* соответственно. Однако из-за своей жестокости он сам пал жертвой мести дикарей, в то время как различные поселения подверглись нападению и были вырезаны. Около сорока выживших бежали в *Сент-Китс*.

Однако бедствия *месье* Понсе *де Бретињи* не помешали компании в Руане продолжить начатое предприятие; и они продолжали в течение восьми лет после его смерти поддерживать форт в *Кайенне*. В этот день была создана новая компания под предлогом того, что предыдущая не выполнила свои условия перед Короной. Начальником следующей экспедиции, состоявшей из семисот человек, был *сьер де Руайвиль*. Но *де Руайвилью* повезло не больше, чем его предшественнику, который был убит во время обратного путешествия. Двенадцать сопровождавших его товарищей, прибыв на место, не теряя времени, переругались между собой и обезглавили одного из них, в то время как трое других были депортированы на остров, где вскоре стали жертвами дикарей. Колония не добилась успеха; некоторые из ее членов погибли от болезней, другие - от голода; в то время как другие снова были доставлены в *букан*. [6] Выжившие были рады обратиться за защитой к англичанам, которые к этому времени обосновались в *Суринаме*.

1656.

1676.

Через несколько лет после этого голландцы, обнаружив, что *Кайенна* заброшена, оккупировали ее от имени Вест-Индской компании. Это поселение сулило благоприятные перспективы; его командующий по имени Герен Шпрангер выполнил все условия, необходимые для образования прибыльной колонии; но Людовик XIV в этот период передал новой французской компании территорию между двумя великими реками, назначив *м. ле Эвра де ла Барре* губернатором *Кайенны*. Были отправлены пять судов с тысячей человек на борту, и у Шпрангера не было иного

выбора, кроме как подчиниться. Его страна тогда не находилась в состоянии войны с Францией, но деспотичные действия были в порядке вещей. Французам повезло настолько, что они оказались во владении готовой колонией. Два года спустя англичане разорили ее; но она была немедленно вновь оккупирована французами. В войне, последовавшей за Бредским миром, *Кайенна* снова была взята голландцами; но в 1676 году она снова была захвачена французами под командованием *графа д'Эстре*.

Кайенна, вновь ставшая французским поселением, не теряла времени даром, направляя свое внимание на владения своих соседей. Их попытка проникнуть к *Амазонкам* была запрещена капитаном *Курупы*, в то время как иезуиты обнаружили пятерых французов, торговавших рабами во внутренних районах страны.

1687.

Примерно в 1687 году провинция *Сеара* была настолько наводнена соседними дикарями, что война с ними была объявлена законной и необходимой; и военные действия велись с такой энергией, чтобы освободить провинцию от их присутствия на будущее.

1688.

1694.

В доказательство того, что торговля *Бразилии* неуклонно росла, утверждается, что в 1688 году флот, отплывший из *Баии*, был самым большим из когда-либо покидавших этот порт, и все же его тоннаж не был достаточным для перевозки продуктов. Между *Буэнос-Айресом* и *Бразилией* завязалась торговля, и когда она была запрещена как испанским, так и португальским правительствами, товары на сумму в триста тысяч *крузадо* остались на руках у торговцев в *Новой Колонии* в два раза большую сумму в *Рио-де-Жанейро*. Правительство продемонстрировало свое понимание важности *Баии*, приведя ее форты в надлежащее состояние обороны. Три дополнительных поселения в *Реконкаве* теперь были достаточно большими, чтобы образоваться в города; и денежная единица в *Бразилии* теперь была переведена на надлежащую основу благодаря постановлению, которое разрешало пропускать только отфрезерованные монеты, поскольку до сих пор была распространена практика отсечения.

Беглые негры, нашедшие убежище в *Пальмаресе*, или пальмовых лесах, в глубине *Пернамбуку*, уже упоминались. В течение шестидесяти лет они приобрели силу и отвагу. Не довольные тем, что их не трогают, они наводнили несколько португальских поселений; одной из их главных причин было похищение женщин. Они находились под властью избранного вождя, который прислушивался к тем, чей опыт давал им право давать ему советы. Ему повиновались беспрекословно. Его народ не отказался от крестного знамения. У них были свои чиновники и магистраты, а более тяжкие преступления карались смертью. Поскольку они вели регулярные сношения с португальскими поселениями посредством своих рабов, зло, исходившее от них как от места убежища, стало настолько велико, что необходимо было приложить усилия, чтобы положить ему конец.

Негритянское поселение в *Пальмаресе* считалось настолько сильным, что власти *Пернамбуку* долго не решались напасть на него; но в конце концов Каэтано де Мелло решил предпринять энергичные усилия с целью уничтожения этой грозной организации. С этой целью он обратился

к генерал-губернатору за помощью к начальнику лагеря полка *Паулиста*, и этому офицеру было соответственно приказано присоединиться к нему. Однако по пути во главе тысячи человек он неосторожно решил разведать *Пальмареси* оказался перед двойным частоколом из твердого дерева, огораживающим круг протяженностью четыре или пять миль, внутри которого находилось около двадцати тысяч человек. В ограде находилась скала, служившая наблюдательным пунктом; и она была окружена рядом небольших поселений, в которых были размещены отборные люди.

1665.

Перед этой сильной позицией лидер *Паулиста* разбил свой лагерь. На третий день негры совершили вылазку, и завязался такой ожесточенный бой, что более восьмисот человек были убиты или ранены, в результате чего нападавшие были рады отступить в *Порто-Кальво*. К этому моменту были собраны силы численностью в шесть тысяч человек, которые были собраны из *Олинды*, *Ресифии* других мест. Отступление дало неграм время подготовиться к атаке, которой они ждали. Говорят, что их боевая мощь составляла десять тысяч человек. Португальская армия без промедления двинулась вперед и расположилась лагерем перед укреплениями. Негры, не ожидавшие атаки такого рода, не были обеспечены достаточным количеством пороха. С другой стороны, португальцы забыли взять с собой артиллерию.

В этих обстоятельствах борьба между двумя партиями превратилась в борьбу на выносливость. Любая попытка прорубить путь через частокол была легко пресечена, но негры испытывали нехватку не только оружия, но и провизии. Португальцам тоже некоторое время не хватало довольствия; но они были подкреплены большими караванами скота из *Сан-Франциско*, и отчаяние, которое это зрелище вселило в осажденных, лишило их мужества противостоять предпринятой одновременно атаке. Ворота были срублены, и вождь и несколько его последователей, предпочтя смерть новому рабству, бросились вниз со скалы. Выжившие всех возрастов были угнаны в рабство.

Примерно в это же время был официально поднят вопрос о границах территории, на которую претендовали французы и португальцы соответственно, *м. де Ферроль*, губернатор *Кайенны*, претендовавший на Францию на всю территорию к северу от *Амазонок*. Вместо ответа он получил, что долг португальского губернатора - сохранить владение тем, что было доверено его предшественникам и ему самому, и что включало оба берега реки вместе со всей внутренней территорией. *М. де Ферроль* через некоторое время послал экспедицию против форта *Макапа*, который недавно был возведен в *Кабо-ду-Норти*, и который сдался ему. В письме губернатору *Маранхема*, *М. де Ферроль* оправдал эту экспедицию тем, что это место находилось в пределах французской колонии. Триста человек были немедленно отправлены для восстановления форта, который после этого был переведен в состояние обороны в ожидании отправки в Европу; но из-за осложнений в европейской политике ему было разрешено остаться в руках Португалии без дальнейших возражений со стороны Франции.

1696.

Тем временем положение индейцев по всей *Бразилии* постепенно улучшалось. Этим они были обязаны главным образом ввозу негров, но отчасти также и законодательству. Во всех старых капитанствах, за исключением *Сент-Паулу*, чистокровный индеец — то есть человек без негритянской крови — объявлялся свободным, требуя своей свободы. Это завершение, должно

быть, обрадовало последние дни жизни Виейры. Его незабываемое существование продлилось до девяностолетнего возраста; он был членом Ордена Иисуса в течение семидесяти пяти лет. Его брат Гонсало пережил его на один день.

ГЛАВА VII.

БРАЗИЛИЯ; СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.

1600-1700гг.

В конце семнадцатого века португальская раса утвердилась на всем протяжении побережья обширной области, которая ныне образует Бразильскую империю, — от *Пара* на севере до *Риу-Гранди-ду-Сул* на другом конце. Внутренние области этих необъятных провинций на обширных пространствах, действительно равных размерам европейских королевств, были тогда и остаются до сих пор необитаемыми. Облака, гонимые на запад периодическими ветрами, которые преобладают в определенные сезоны в Южной Атлантике, встречаясь с огромным и непреодолимым барьером *Анд*, вынуждены сбрасывать свое содержимое непрерывными потопами по всей территории Центральной *Бразилии*, давая таким образом начало самым обширным водным системам, которые только есть в мире. Но это не единственный результат почти непрекращающегося спада уровня воды, который наблюдается на восточных склонах *Анд*. Другой результат заключается в том, что избыточная влага, попадающая на почву под воздействием палящего солнца, создает такую обширную и пышную тропическую растительность, какой больше нигде нельзя увидеть на поверхности земли. Эта растительность до сих пор, на протяжении всех веков, сводила на нет усилия человека бороться с ней; и пройдут века, прежде чем рост населения земли заставит человечество приложить огромные усилия по покорению этого изобилующего девственного леса.

Дать сколько-нибудь ясное представление о простой протяженности региона, который сейчас образует империю *Бразилии*, - задача не из легких. Легко сказать, что он простирается от четвертого градуса северной широты примерно до тридцать четвертого градуса южной широты и что в самом широком месте он охватывает пространство между тридцать четвертым и семьдесят третьим градусами западной долготы. Но это даст гораздо более точную оценку поверхности *Бразилии*, если мы сравним ее площадь с чем-то, что мы можем себе представить. Его площадь оценивается в 8 515 848 географических квадратных километров, или 3 275 326 английских квадратных миль, при этом площадь Британской Индии составляет 899 341 английскую квадратную милю; то есть, *Бразилия* имеет протяженность, равную примерно трем с двумя третями территории Британской Индии. Площадь Франции составляет 208 865 английских квадратных миль, что значительно меньше одной пятнадцатой площади *Бразилии*. Но, возможно, лучший способ оценить протяженность бразильских провинций - это развернуть карту Южной Америки и сравнить их общую массу с площадью одной из соседних стран даже этого колоссального континента. Сопредельное государство *Уругвай*, например, занимает 73 500 английских квадратных миль, что вдвое превышает площадь Португалии; и все же Уругвай, по-видимому, едва ли существенно увеличивает площадь прилегающей империи, площадь которой он составляет менее сорок четвертой части. Таким образом, маленькое королевство Португалия аннексировало в одной только Америке империю, почти в девяносто раз превышающую его самое.

Возможно, будет интересно дать общее представление о прогрессе, которого добилась португальская раса в осуществлении завоевания и цивилизации регионов, лежащих вдоль обширной береговой линии, указанной выше, в течение семнадцатого века. *Маранхам* находился в их бесспорном владении уже семьдесят лет, резиденция его правительства находилась на одноименном острове. Столица могла похвастаться тремя церквями и четырьмя монастырями; европейское население государства оценивалось в середине века примерно в четыреста человек, и за десять лет это число увеличилось до семисот, в то время как в 1685 году только в городе *Сан-Луис* проживало более тысячи португальцев. Звание и привилегии дворян были присвоены всем, кто хотя бы несколько месяцев служил в местном ополчении; действительно, в одном месте братство *Мизерикордии*, состоявшее из людей низшего ранга, не могло найти рекрутов, поскольку, за их исключением, все население облагородилось.

Чтобы вознаградить за услуги жителей *Маранхама* и *Пара*, было постановлено, что никто из них не должен подвергаться пыткам, за исключением тех случаев, когда пытки применялись к *Фидалго*; они также не должны были быть заключены в тюрьму; но должны были содержаться условно-досрочно. Они получали привилегии граждан Лиссабона и не подлежали принуждению ни к службе на суше, ни к службе на море.

Выручка состояла по большей части из десятых долей, которые примерно в середине века составляли в среднем пять тысяч *крузадо*. [7] На вино была введена пошлина; но ввозилось мало, поскольку местные жители готовили спирт, добываемый из кукурузы и сахарного тростника. Пятая часть рабов, захваченных в ходе законной войны, принадлежала короне. Некоторое представление о обширности этих провинций можно составить из того факта, что путешествие от *Сан-Луиса* до *Белена* заняло тридцать дней. В 1685 году в последнем городе проживало около пятисот человек, причем количество духовных и монашеских учреждений было несоизмеримо с его численностью. Десятые доли *Пара* и подчиненных ей капитанств составляли около четырех тысяч *крузадос*; в то время как солеварни производили на две тысячи больше, а рыбные промыслы - столько же.

Жалованье генерал-губернатора составляло три тысячи *крузадос*; но в целом жалованье различных государственных служащих было настолько маленьким, что почти вынуждало их искать другие средства к существованию. Говорили, что священники принадлежали к самому низшему сословию и были заняты главным образом получением прибыли и возбуждением недовольства против иезуитов, чьи умственные способности и образ жизни были в равной степени порицанием для их низших братьев. Уроженцы *Бразилии* с величайшим ужасом и отвращением относились к участи рабства, наследниками которой стали столь многие из них. Говорят даже, что многие пленники предпочли смерть выкупу с целью быть брошенными в вечный плен; и известны случаи, когда охотники за рабами напрасно поджигали жилища индейцев с целью заставить их выйти и сдаться в плен.

Охота на рабов в *Бразилии*, независимо от жалкой участи захваченных жертв, сопровождалась огромной потерей жизни. Почти все рабы были похищены, и огромное количество погибло, не добравшись до португальских поселений. После поимки их загоняли в загон, как крупный рогатый скот, до тех пор, пока не набиралось достаточное количество, запирая на несколько месяцев и подвергая различным воздействиям стихии. В таком случае неудивительно, что часто лишь половина их числа прибывала в пункт назначения. Индейцы, также принимавшие участие в охоте на службе у работорговцев, сильно пострадали во время экспедиций; в то время как

сами португальцы вернулись в плачевном состоянии после того, как проникли более чем на две тысячи миль вглубь страны, неся перед собой опустошение. Целью всех этих нечеловеческих усилий была, конечно, выгода — выгода, которая должна была быть получена в первую очередь от продажи рабов, которые должны были стать средством наживы для других. Единственным предложением, который можно было привести в защиту охоты на рабов, было то, что это было неизбежное зло, если такое выражение можно использовать по отношению к тому, чего можно было избежать, поскольку европейцы не могли выполнять работу по обработке земли в таком климате; но, как очень справедливо замечает Саути, то, что люди европейского происхождения вполне способны выполнять любой труд, который в таком климате требуется для благополучия человека, с избытком доказывается неимоверными трудозатратами, которым португальцы подвергались, разыскивая рабов для выполнения за них этой “необходимой” работы.

В *Маранхаме* и *Паре* колонисты занимали по одному из многочисленных островов на семью, причем местность была настолько пересечена всевозможными реками, что они стали естественными и удобными ориентирами. Связь между народами осуществлялась по воде, и каждая семья полагалась на свои собственные средства к существованию. Поскольку растительность была слишком пышной, чтобы выделить землю для пастбищ, дичь стала единственной животной пищей в пределах досягаемости колонистов, и ее, так же как и рыбу, добывали их индейцы. Это, однако, составляло лишь малую часть занятий рабов, и утверждается, что в этот период рабы в *Маранхаме* и *Пара* были буквально забиты работой до смерти, — утверждение, которое подтверждается фактом сокращения населения.

Помимо охоты на рабов, во внутренних районах страны у торговцев были и другие стимулы. Сарсапарилла и другие наркотики были найдены в изобилии, так же как корица и мускатный орех, ваниль и индиго. Какао росло в изобилии. Из выращиваемых продуктов хлопок был самым важным; хлопок из *Маранхема* в то время считался лучшим в Америке. Мандиок снабжал жителей удовлетворительным заменителем пшеничной муки. Табак с самого начала был одной из отраслей сельского хозяйства, в основном культивируемых в *Бразилии*. В то время, о котором идет речь, эта отрасль в *Маранхеме* вышла из употребления из-за нехватки рабочих рук. Поскольку те люди, у которых не было ремесла, могли добывать средства к существованию только с помощью рабов, многие семьи в *Маранхаме* оказались в бедственном положении из-за того, что не могли добыть последних. Португальцы настолько привыкли зависеть от рабского труда, что скорее позволили себе впасть в нищету, чем работать на свои семьи; считалось бесчестным для свободных людей обрабатывать землю.

Странным контрастом апатии португальцев по отношению к занятию сельским хозяйством было рвение, с которым они занялись торговлей. Было признано необходимым сдерживать гражданских и судебных чиновников с помощью закона, в то время как духовенство проявляло равную готовность участвовать в спекуляциях. Тем не менее, несмотря на все неблагоприятные условия, провинции *Пара* и *Маранхам* постепенно, хотя и медленно, приобретали население и значение. Однако этого нельзя было сказать о соседнем капитанстве *Сеара*, которое не имеет ни реки, ни гавани и является наименее плодородной частью *Бразилии*, подверженной смертельным засухам. Тем не менее, из-за неблагоприятных условий колонизации, которыми обладало это капитанство, его коренные жители были свободны от притеснений, которым подвергались жители *Маранхама* и *Пара*.

Поселение соседнего капитанства *Риу-Гранди-ду-Норти* датируется началом семнадцатого века. В этой провинции, пока она находилась под властью голландцев, были приложены огромные усилия для изучения страны, цивилизования *тапуйя* и улучшения общего состояния людей. Дворец Мориса Нассауского, вместе со зданиями и общественными сооружениями, возведенными под его эгидой, являются надежными памятниками о его правлении, которое до сих пор увековечено в истории *Барлеуса*. Во время правления этого вице-короля была предпринята попытка обнаружить остатки некоторых людей, которые владели страной до появления существовавшей тогда расы дикарей, попытка, которая сделала данную расу предметом любопытных размышлений для сведущих в таких вопросах людей. [8]

Во время правления графа Мориса были приложены большие усилия для продвижения реформированной религии на всех территориях, находящихся под его управлением. Говорят, что Виейра и его братья относились к протестантским миссионерам с большой завистью. Считается, что они в значительной степени преуспели в обучении индейцев искусствам цивилизации; но усилия голландцев по цивилизовыванию и очеловечиванию туземцев и негров были полностью ограничены правительством и духовенством. Ничто не могло сравниться с варварством этих захватчиков в целом по отношению к обеим расам. Их каперы свободно захватывали тех индейцев, которых им удавалось поймать в ловушку на реках или на побережьях, и продавали их как рабов; в то время как чрезмерная смертность привезенных ими негров была приписана самим Нассау нездоровой пище и физическим страданиям. Для этих рабов не было ничего необычного в том, что они совершали самоубийство после тщетной попытки убить своих хозяев.

Голландские завоеватели ввели в своих бразильских провинциях ту почти чрезмерную чистоту в быту, которой отличается их страна; в то же время они увеличили удовольствие от жизни благодаря вниманию, которое они, в соответствии со своими национальными привычками, не преминули уделить садоводству. Они с большим успехом выращивали виноградные лозы, из которых производилось вино, пользовавшееся большим уважением. Привыкнув к равнинам и болотам, они не воспользовались преимуществами возвышенностей при создании своих поселений; но малярия и сырость имели менее пагубные последствия, чем можно было ожидать, исходя из того факта, что люди были пристрастны к бесплатному употреблению вина и табака. Голландские женщины, однако, не имевшие этих противовоспалительных средств, сильно страдали от климата. Территория, которой владела Голландия, была возделана лишь на расстоянии примерно двенадцати-пятнадцати миль от берега. У местной промышленности голландцев не было достаточно времени, чтобы проявить себя, а почти непрерывные военные действия препятствовали развитию рыболовства. Хотя захватчики из Голландии пробыли в *Бразилии* двадцать пять лет, между ними и португальцами было очень мало смешения рас; разница в религии была почти непреодолимым барьером; и когда они ушли, они практически не оставили после себя следов ни в религии, ни в языке, ни в манерах.

Население *Баии* и прилегающего побережья, как говорят, насчитывало в середине семнадцатого века около трех тысяч пятисот душ, не включая гарнизон в две тысячи пятьсот человек. Однако несколько лет спустя *Баия* описывается как город с прекрасными улицами, величественными площадями, хорошо построенными домами и великолепными церквями. Говорят, что в конце века здесь было две тысячи домов, построенных из камня. Своим процветанием он был обязан, среди прочих причин, тому, что был безопасным местом для новохристиан, которых с такой жестокостью преследовали в Португалии и Испании. Какими бы

суеверными ни были бразильцы, даже они успешно сопротивлялись установлению среди них инквизиции. Если бы новые христиане были в *Бразилии* презираемой расой, они, во всяком случае, могли рассчитывать на возможность разбогатеть и сохранить его, когда добудут. *Баия* обладала богатыми источниками богатства; среди прочего, здесь велся китобойный промысел, который когда-то считался самым важным в мире. В конце века он был арендован Короной за тридцать тысяч долларов. Основным товаром был сахар.

В общем, скудное население было рассеяно по берегам и на островах; кое-где мы читаем о таком месте, как *Порто-Сегуру*, где проживало пятьдесят человек. Численность, в целом, настолько мизерна, что кажется странным, что португальцы могли одновременно успешно бороться с иноземным захватчиком и с враждебными племенами во внутренних районах страны. В округе *Эспириту-Санту* насчитывалось пятьсот португальцев; в то время как население *Рио-де-Жанейро* оценивалось в пять раз больше, не считая гарнизона в шестьсот человек. Как город он уступал *Баии*; однако его благосостояние быстро росло. Известностью, которой он вскоре достиг и которую сохраняет среди городов *Бразилии*, он был обязан своему положению относительно рудников, которые вскоре должны были быть открыты.

Илья-Гранде и остров *Сан-Себастьян* в середине столетия имели не более ста пятидесяти жителей каждый; население *Сантоса* было несколько больше. *Сан-Паулу* насчитывал около семисот жителей; однако в его окрестностях, должно быть, проживало значительное число, среди которых были завербованы ужасные банды флибустьеров, которые несли опустошение и разрушения до границ *Парагвая*, а одна банда из них проникла даже в провинцию *Кито*, где, столкнувшись с испанцами, они сбежали вниз по реке *Амазонки* на плотах. Самое раннее золото, найденное в *Бразилии*, было собрано в *Сан-Висенте* в 1655 году, где и была отчеканена монета. В *Сан-Висенте* в то время проживало две тысячи человек. К югу от этого места находилось небольшое поселение в *Кананеи* еще одно, поменьше, в *Санта-Каталине*.

Обычно сообщалось, что индийские специи были местными в *Бразилии*, и что их выращивание было запрещено правительством, чтобы это не мешало индийской торговле. Так это было или нет, но Жоам IV отдал соответствующий приказ. что каждое судно, заходящее в *Бразилию* по пути из Индии, должно привозить с собой пряные растения. Их поместили в саду иезуитов в *Баии*, а из *Гоа* привезли двух человек, которые разбирались в уходе за растениями корицы и перца. Но, хотя попытка обещала успех, она не была продолжена, а последующее открытие рудников отвлекло внимание от этого возможного источника богатства. До обнаружения драгоценных металлов производство сахара было основным занятием жителей побережья.

Производство сахара в *энгенхо* подразумевало наличие различных ремесленников, необходимых для непрерывной работы принадлежащего ему оборудования. Иными словами, это была деревня-община сама по себе, более густонаселенная, чем многие из существовавших тогда так называемых городов. В целом он занимал площадь около восьми квадратных миль, условием владения этой землей было заселение и выращивание необходимых тростников, которые должны были продаваться по справедливой цене. В каждом *энгенхо* было занято от пятидесяти до ста негров; обстоятельство, которое, благодаря обширному выращиванию сахара в провинции, оказало заметное влияние на население *Баии*. Французский путешественник [9] оценил долю негров в белом населении как двадцать к одному; но это, вероятно, самая высокая пропорция, которую он принял в *Бразилии*. Негры, по его словам, выставлялись на продажу точно так же, как животные на наших собственных

ярмарках крупного рогатого скота: их выставляли совершенно голыми, с ними обращались, как с животными, чтобы испытать их мускулы, и их заставляли показать, на что они способны.

Костюм жителей *цивилизированной Бразилии* того периода, о котором мы рассказываем, включал в себя все мыслимые разновидности, от костюма почти полностью обнаженной рабыни до костюма дамы, одетой по последней лиссабонской моде. В более процветающих поселениях, таких как *Олинда* и *Баия*, ничто не могло сравниться с роскошью женского костюма, жены плантаторов были одеты в шелка и атлас, покрытые богатейшей вышивкой, жемчугом, рубинами и изумрудами. Преобладающим цветом был черный, а использование золотых и серебряных кружев было запрещено законом о роскоши. Описывая результаты содержания рабынь, историку необходимо с некоторой неохотой заявить, что дамы *Баии*, даже самые выдающиеся среди них и считавшиеся самыми добродетельными, не стеснялись, согласно прямому заявлению упомянутого выше французского путешественника, до предела украшать своих рабынь с целью получения вместе с ними прибыли от их проституции. Эта особая форма разврата знатных людей, насколько мне известно, характерна для *Бразилии*, вошедшей в анналы истории. Дамы из *Баии* были настолько ленивы по привычке, что, отправляясь за границу, им приходилось опираться на свои страницы, чтобы они не упали. Даже мужчины, — если их можно было назвать мужчинами, — не смогли спуститься по склону, на котором *стоит* Баия, и их спустили на приспособлении, называемом серпантинном, то есть на гамаке, подвешенном к шесту, а раб, который тем временем прислуживал им с зонтиком. Каждую даму, выходящую из дома, сопровождали две негритянки.

Португальцы в *Бразилии* были чрезвычайно склонны к ревности, и был сделан вывод, что, поскольку наказанием за признанную неверность была гарантированная смерть, невозможно поверить часто повторяемому утверждению о том, что супружеская неверность со стороны женщин была удивительно распространенным явлением; но опыт многих стран показал, что ни на определенность наказания, ни на вероятность раскрытия нельзя полагаться как на средства предотвращения нарушения закона о браке; хотя также не менее очевидно, что понесенный риск может придать преступлению пикантности.

Как и следовало ожидать, исходя из того факта, что преступников с самого начала отправляли в *Бразилию* для пополнения рядов поселенцев, полицейские отчеты различных поселений не доставляют удовольствия. Во-первых, суды в определенных кругах были заведомо коррумпированы; грабежи совершались под открытым небом, а ссоры нередко заканчивались смертью. Короче говоря, жизнь христианских поселенцев, безусловно, в целом была противоположна той, которая была рассчитана на то, чтобы служить примером для язычников, обращением которых занимались их миссионеры. Те самые корабли, которые доставляли Отцов, слишком часто перевозили преступников, чьи жизни служили практическим противоядием от их доктрин.

Много было написано, и, вероятно, справедливо, об апатии, коррупции, крайних суевериях и распутном характере жизни духовенства в *Бразилии*; но, принимая их такими, какие они были, несколько трудно представить картину того, во что превратились бы португальские трансатлантические владения, если бы в них не было церковного учреждения. Португальцы того времени, от короля до последнего крестьянина, были глубоко проникнуты верой в доктрины христианства; и, как бы сильно они ни расходились в своей практике с его предписаниями, они всегда были готовы искупить свои грехи щедрыми пожертвованиями Церкви и

благотворительным учреждениям. Церковь, со своей стороны, какой бы нерегулярной ни была жизнь духовенства в целом, была обязана поддерживать определенную степень внешней дисциплины и внимания к добрым делам, на которые она искала пожертвования; в то время как время от времени в ее рядах появлялись такие светила, как Нобрега и Виейра, побуждающие к добрым делам.

На предыдущих страницах мы постарались добросовестно описать, насколько позволяли наши возможности, преданность и выдающиеся достижения таких людей, как Нобрега, Анчиета и Виейра: вполне уместно дополнить картину выдающихся священнослужителей века, взяв одного из противоположной категории. Отец Жоам де Алмейда, сидевший у ног Анчиеты, как говорят, первоначально носил имя Джон Мартин и был подданным королевы Елизаветы; но на семнадцатом году жизни он оказался под опекой иезуитов в *Бразилии*. Нам рассказывают об одном пленном индейце, который не только не проявлял нетерпения к пыткам, которым подвергали его похитители, но и который, когда ему предложили избавиться от них, ответил, что хотел бы, чтобы они были более жестокими, чтобы его враги могли видеть, как глубоко он их презирает. В чем-то схожем духе Джон Мартин, или Алмейда, казался не только равнодушным к боли, но и почти упивающимся ею. Такой персонаж не чужд португальским церковным анналам. Те, кто бывал в Цинтре, наверняка помнят пещеру отшельника Гонория, в которой он прожил четырнадцать лет и которая была таких размеров, что не позволяла ему стоять прямо. [10] Несчастный Алмейда, учитывая его умственные способности, рассматривался им как естественный враг, которого можно было держать в повиновении только с помощью бесконечных бичеваний, которым подвергался широкий ассортимент орудий; но, несмотря на это, он дожил до восьмидесяти двух лет. Из этого факта не следует делать вывод, что в его самобичевании было что-то уклончивое. Его организм привык к той форме страданий, которую делал возможной его воздержанный образ жизни и которая снискала ему благоговение суеверного населения, среди которого он жил. После его кончины все, так или иначе связанное с ним, стало необычайно ценным. Обладание фрагментами его автографа было почти такой же удачей, какая могла выпасть на долю кого бы то ни было; но привратник его монастыря получил возможность приносить пользу себе и другим, раздавая капли своей крови и другие предметы, которые могли соприкасаться с телом умирающего святого. Нобреге и Виейре, выполнившему свою работу, было позволено погрузиться в покой сравнительно незаметно; но смерть аскета Мартина вызвала такое волнение, какое могло бы вызвать землетрясение. На его похоронах присутствовало все население, начиная с губернатора, и толпу не удалось убедить разойтись, пока каждый из них не поцеловал и не обнял труп. На этом можно было бы подумать, что его поклонению положен конец; но было даже сочтено необходимым приставить к нему охрану по ночам, чтобы защитить его останки от разграбления его благочестивыми приверженцами. Однако стражи, по-видимому, было недостаточно для этой цели, поскольку утром было установлено, что одной из туфель отшельника больше не найти, в то время как его подушка также исчезла.

Когда тело Мартина было положено в гроб и приковано к могиле, можно было бы разумно надеяться, что ему позволят упокоиться с миром или, по крайней мере, что преданность его поклонников перестанет выражаться агрессивными действиями. Такая идея, однако, выдала бы незнание изобретательности суеверий; поскольку ночью могилу вскрыли, и после того, как тело было извлечено, драгоценные волосы были сбиты бритвой, в то время как оставшиеся туфли и чулки были закреплены.

ГЛАВА VIII.

ПЕРУ; РАЗВИТИЕ ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВА.

1551-1774.

Несмотря на мудрые инструкции Гаски, спокойствие в *Перу* продлилось недолго. Было невозможно, чтобы страна, где так долго царила анархия и в которой жило так много недовольных авантюристов, сразу же спокойно установила мир. Несколько последовательных восстаний на несколько лет опустошили страну. Однако эти жестокие, но скоротечные бури, вызванные личными амбициями, не должны привлекать внимания. Достаточно сказать, что в этих сражениях погибло немало первых завоевателей. Действительно, как уже было сказано, из людей, чьи имена наиболее заметны в этом гнусном завоевании, вряд ли кто-то закончил свои дни в мире.

Поскольку испанская власть, наконец, укрепились в *Перу*, желательно показать, насколько это возможно, характер правления, пришедшего на смену правительству *инков*. Первым видимым следствием испанского господства было уменьшение численности *перуанцев*, скорее прискорбное, чем удивительное. Какой бы большой ни была смертность среди них в результате войны, она была незначительной по сравнению с тем, что произошло, когда было восстановлено спокойствие. Теперь все были вынуждены трудиться, причем их задачи были несоразмерны их силам, но, тем не менее, выполнялись с неизменной суровостью. Многие из них были доведены отчаянием до того, что покончили со своей собственной жизнью; в то время как усталость и голод погубили многих других. Когда *Перу* было разделено между завоевателями, каждый из последних стремился получить немедленное вознаграждение за свои услуги. У людей, привыкших к беспечности военной жизни, не было ни трудолюбия, чтобы выполнять какой-либо план регулярного совершенствования, ни терпения, чтобы ждать медленных результатов. Пренебрегая некоторыми результатами земледелия в плодородных долинах, они избрали для своего обитания горные районы, изобиловавшие драгоценными рудниками. Для их разработки требовалось много рабочих рук, и поэтому туземцев толпами гнали в горы. Внезапный переход от знойных долин к пронизывающему воздуху больших высот в сочетании с непосильным трудом и скудным питанием вызвал у них непривычное уныние, которое быстро рассеялось. В дополнение к этому, большое количество людей было унесено этим бедствием Нового Света - оспой. Этих объединенных действий было более чем достаточно, чтобы сорвать такие благонамеренные постановления о защите индейцев, которые были обнародованы испанским правительством и которые неизменно поддерживались, если не инициировались, Церковью.

Тем не менее, значительное число представителей местной расы оставалось в *Перу*, особенно в более отдаленных регионах. Фундаментальный принцип испанской юриспруденции в отношении ее колоний состоял в том, чтобы рассматривать эти приобретения как принадлежащие короне, а не государству. Знаменитой Буллой Александра VI, на которой Испания обосновала свои права в Новом Свете, регионы, которые были открыты или должны были быть открыты, были безвозмездно переданы Фердинанду и Изабелле. Следовательно, их преемники считались собственниками территорий, завоеванных оружием их подданных. Все

субсидии исходили от них, и только от них исходила вся власть, за исключением, так сказать, местных муниципальных властей.

По завершении испанских завоеваний в Америке они были разделены на два обширных правительства; северное подчинялось вице-королю *Новой Испании* [*Мексики*]; южное - вице-королю *Перу*. Первый, которого эта работа не касается, включал все провинции к северу от *Панамского перешейка*. Под последним понимались все испанские владения в Южной Америке. Он был настолько неудобно обширен, что некоторые из его районов были отделены более чем двумя тысячами миль от *Лимы*. Из-за удаленности от Испании, на которой находились эти соответствующие правительства, и трудностей связи внутри них неизбежно возникало много неудобств. Однако со временем это неудобство стало невыносимым. Население провинций, удаленных от резиденции правительства, жаловалось на то, что они подчинялись правителю, резиденция которого была расположена так далеко, что для практических целей была недоступна; в то время как власть вице-короля над такими округами неизбежно была слабой и плохо управляемой.

В качестве частичного средства от этого зла позже, в 1718 году, было учреждено третье вице-королевство в *Санта-Фе-де-Богота*, столице *Новой Гранады*, юрисдикция которого включала провинции *Кито*, *Попаян*, *Чоко* и регион под названием *Твердая Земля*. Вице-короли не только представляли личность Суверена, но также обладали всеми королевскими prerogativaми в пределах своих соответствующих правительств. Внешняя пышность, которой они были окружены, соответствовала их реальному достоинству и власти, их дворы были сформированы по образцу мадридских. У вице-короля были свои конные и пешие гвардейцы; его дом был постоянно укомплектован; большое количество слуг; и в целом такое великолепие, что едва ли сохраняло видимость делегированной власти.

Вице-королям помогали в выполнении функций, соответствующих их рангу, офицеры и трибуналы, аналогичные испанским, некоторые из которых назначались королем, а другие вице-королем, но все они подчинялись последнему и подпадали под его юрисдикцию. Отправление правосудия осуществлялось трибуналами, называемыми *Аудиториями*, сформированными по образцу Канцлерского суда в Испании. Во всех испанских владениях Америки было одиннадцать *аудиенций*, из которых семь были организованы в южной части континента, а именно в *Лиме*, *Панаме*, *Санта—Фе-де-Богота*, *Ла-Плате* или *Чаркасе*, *Кито*, *Сан-Яго-де-Чили* и *Буэнос-Айресе*. Количество судей в каждом зале заседаний варьировалось в зависимости от обстоятельств. Должность была не менее почетной, чем прибыльной, и по большей части ее занимали люди, чьи заслуги и способности вызывали у трибунала большое уважение. В его ведении находились как гражданские, так и уголовные дела, и для каждого из них были назначены особые судьи.

Расстояние, на которое они были отделены от метрополии, нередко приводило испанских вице-королей к искушению присвоить себе власть, которой не был чужд даже их повелитель, а именно право вторгаться в обитель правосудия. Чтобы пресечь подобную узурпацию, неоднократно принимались законы, запрещающие вице-королям в самых недвусмысленных выражениях вмешиваться в судебные разбирательства Судов аудиенции или высказывать мнение или высказываться по любому пункту рассматриваемого ими судебного разбирательства. В некоторых особых случаях, когда затрагивался какой-либо вопрос о гражданских правах, даже политические постановления вице-короля могли быть переданы на

рассмотрение Суда аудиенции, который в таких случаях мог рассматриваться как промежуточная власть, установленная между ним и народом в качестве конституционного барьера для ограничения его юрисдикции. Однако та сдержанность, которую Суд мог проявлять в отношении личности вице-короля, ограничивалась советами и увещеваниями; в случае прямого столкновения между их мнением и его волей то, что он определил, должно было быть приведено в исполнение; они могли лишь передать этот вопрос королю и Совету Индии. Однако простое разрешение делать замечания и докладывать о том, кто представлял суверена, придавало большое достоинство лицам, составлявшим *Аудиенцию*. Более того, после смерти вице-короля, без предоставления преемника, верховная власть переходила к *Аудитории*, проживающей в столице вице-королевства. Решения этих судов по делам, затрагивающим суммы, превышающие шесть тысяч *песо*, могут быть обжалованы в Совете Индии.

Этот верховный совет был учрежден королем Фердинандом в 1511 году и усовершенствован Карлом V. Тринадцать лет спустя. Его юрисдикция распространялась на все ведомства, будь то церковные, гражданские, военные или коммерческие. С его подачи были изданы все законы и распоряжения, касающиеся правительства и полиции колоний. Им были предоставлены все должности, назначение на которые было зарезервировано за короной; и перед ним был подотчетен каждый *служащий* в Америке, начиная с вице-королей. Оно принимало во внимание все разведданные, поступавшие из американских колоний, и все планы по улучшению их управления. Неизменной целью королей Испании было поддержание авторитета этого великого Совета, чьи меры и контроль были, как правило, мудрыми и бдительными. Заседания Совета Индии проводились по месту жительства монарха. Фактически, этот орган более или менее переписывался с нашим собственным государственным секретарем по делам Индии в Совете. Кроме того, существовал трибунал или коллегия для особого регулирования коммерческих вопросов. Это называлось *Casa de la Contratacion*, или Дом торговли, и было основано в Севилье, порт которой поглотил торговлю с Новым Светом еще в 1501 году. Он принимал к сведению все вопросы, связанные с ежегодными рейсами флота в Испанскую Америку и обратно, и его решения подлежали пересмотру только Советом Индии.

Политика Испании в отношении своих колоний по отношению к другим национальностям была политикой ревности и отчуждения, которые усиливались пропорционально их возросшему размаху. Создавая свои американские поселения, говорит историк Робертсон, испанские монархи переняли систему, заимствованную частично из колониационного принципа Греции, а частично из принципа Рима. Ранние эллинские миграции позволили государству избавиться от своих лишних граждан; римские колонии, с другой стороны, были военными подразделениями, размещенными в качестве гарнизонов в завоеванной провинции. Испанские поселения в Америке переняли природу и того, и другого. Хотя вскоре они стали полунезависимыми, их связь с метрополией была сохранена благодаря законодательным правам и полномочиям назначать лиц, которые должны были заполнить каждый департамент исполнительной власти.

Испанские авантюристы, заложившие основы южноамериканских республик, были гораздо более успешны в разрушении, чем в созидании. Из-за множества причин, среди которых болезни, войны, голод, выполнение невыполнимых задач, бремя непосильных налогов, транспортировка из долин в горы, труд на шахтах и использование вьючных животных в экспедициях — из-за всего этого местное население сокращалось с огромной скоростью. С другой стороны, из-за ревниво-ограничительной политики Испании, вынуждавшей своих

подданных в Новом Свете обращаться к метрополии за многими предметами первой необходимости, которые можно было приобрести только по чрезмерной цене, численность испанцев не увеличилась *всоотношении*, которого можно было ожидать. Этому способствовали и другие причины, главной из которых было землевладение, что крайне неблагоприятно сказывалось на увеличении численности населения. Многие завоеватели получили разрешение преобразовать свои *энкомьенды*, или поместья с прикрепленными к ним крепостными, в *майорасгос*, разновидность феода, который нельзя ни разделить, ни отчуждать. Таким образом, значительная часть земельной собственности при этой жесткой форме наследования была изъята из обращения и переходила от отца к сыну без улучшения и не представляла большой ценности ни для собственника, ни для общества. В некоторых случаях огромные участки страны находились во владении одного человека, причина заключалась в том, что только обширные районы могли позволить себе количество рабочих, необходимое для разработки шахт с какой-либо перспективой получения прибыли. Пагубные последствия, вытекающие из этих причин, были очень очевидны; но мы должны колебаться, соглашаться ли с вычислениями Бенцони [11], что в 1550 году все испанское население в Новом Свете не превышало пятнадцати тысяч.

Также считается, что чрезвычайно дорогостоящее церковное учреждение в испанских колониях сильно замедлило их прогресс. Уплата десятины соблюдалась в полном объеме, даже в случае изделий, требующих искусственного производства. Однако такие плодородные и богатые регионы, которые выпали на долю Испании в Новом Свете благодаря предприимчивости ее сыновей, в конечном счете не могли не выйти из массы пут, наложенных на них невежеством законодателей, силой обстоятельств и властью суеверий. Постепенно возникло новое общество, составные элементы которого можно классифицировать следующим образом:—

На первое место вышли *шапетоны*, то есть испанцы, прибывшие из Европы. Испанский двор, ревностно стремившийся обеспечить зависимость колоний от метрополии, взял за правило заполнять все департаменты государства испанцами по рождению. От каждого *сотрудника* требовалось предоставить доказательства явного происхождения из семьи старых христиан, незапятнанного еврейской или мавританской кровью и незапятнанного тем, что он фигурировал в записях инквизиции.

Следующими по порядку идут *креолы*, или потомки европейцев, поселившихся в Америке. Этот класс очень скоро начал проявлять вырождение, которое неизменно приводило к тому, что часть энергичной расы, населявшей бодрящий климат, мигрировала в климат ослабляющий. Это привело, например, в заметной степени к португальцам в Индии; и если это не привело к такому же результату с англичанами, то это следует полностью отнести на счет того факта, что почти во всех случаях англоиндийцы отправляют своих детей в раннем возрасте на воспитание и образование в Европу, и что их самих постоянно вербуют из метрополии. В случае с теми англичанами, которые родились и выросли в Индии, которых, к счастью, слишком мало, чтобы их можно было причислить к *креолам*, действует неизменное правило природы, как и среди итальянцев и французов, которые со времен крестовых походов в большем или меньшем количестве жили в Леванте, причем слово “левантийский” является синонимом морального и физического вырождения.

Таким образом, *креолы*, хотя многие из них происходили от завоевателей Нового Света; хотя другие могли вести свою родословную от знатнейших семей Испании; хотя некоторые обладали преимуществом большого родового богатства, все же, в силу моральных и физических причин, а также особого законодательства, естественным образом опустились до положения второго сорта. Их умственная энергия была в значительной степени утрачена, и та ее часть, которая оставалась, была посвящена потворству удовольствиям и суевериям. Даже торговые операции, в дополнение к функциям правительства, выпали на долю *шалетонов*, или уроженцев Испании.

Третий класс испанских колонистов возник из потомства либо европейцев с неграми, либо европейцев с исконными уроженцами Америки. Их называли, соответственно, *мулатами* и *метисами*, и они размножились так сильно, что составили очень значительную часть населения во всех заокеанских владениях Испании. Несколько стадий нисхождения в этой расе были отмечены своеобразным названием. В третьем поколении оттенок индейца исчез, а в пятом кровь *мулата* стала настолько неразличимой, что его потомство получило все привилегии европейца. Эта крепкая и выносливая раса была неоценима в испанских поселениях в плане занятий механическим искусством.

Среди жителей испанских колоний четвертое место было присвоено *неграм* в чистом виде. Они были в нескольких поселениях, занятых в основном домашней прислужгой. Их превосходящая физическая сила, а также расположение к ним хозяев давали им преимущество над туземцами, с которыми они имели обыкновение обращаться с такой дерзостью и презрением, что между двумя расами возникла непримиримая антипатия. Эта антипатия, возникавшая по случайным причинам, была замечена не раньше, чем ее усердно разжигали, принимая большие меры предосторожности, чтобы предотвратить что-либо, что могло бы сформировать узы союза между двумя расами.

Последними в общественном строе стояли несчастные коренные индейцы, которых так безжалостно лишили всех их естественных прав. Соответствующие правила определяли характер и объем услуг, которые они должны были выполнять, а также размер ежегодного налога, взимаемого со всех мужчин в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет. Когда туземец был непосредственным вассалом короны, три четверти налога, который в среднем составлял около четырех шиллингов с человека, поступали в королевскую казну. Когда он был частью *энкомьенды*, такая же доля принадлежала обладателю гранта. Поскольку первоначальные *энкомьенды* предоставлялись только на две жизни, затем они возвращались суверену. Польза от труда туземцев аналогичным образом принадлежала либо короне, либо обладателю гранта. Они были вынуждены помогать в работах по необходимости, таких как выращивание кукурузы, уход за скотом, строительство дорог, мостов и т.д.; Но их нельзя было принуждать к труду ради достижения целей личного удовлетворения или коммерческой прибыли. Для службы в шахтах они были распределены по последовательным подразделениям, называемым *mitas*, в которых каждый человек проходил свою очередь. В Перу каждый *мита* не мог превышать седьмой части любого жителя округа и был задержан на работе в шахтах на шесть месяцев кряду. Однако во время выполнения этой работы каждому рабочему должным образом платили, получая от двух до четырех шиллингов в день; и через некоторое время были введены гуманные правила, запрещавшие депортацию уроженцев равнин в возвышенные районы. Ни один индеец, проживающий более чем в тридцати милях от шахты, не может быть приписан к *мите* работающим на ней.

Туземцы, живущие в городе, подчинялись испанским законам и магистратам; но те, кто населял их собственные деревни, были оставлены на попечение своих *касику*, которые регулировали их дела в соответствии с традиционными обычаями. Это достоинство во многих случаях сохранялось по наследству, и для дальнейшей защиты туземцев испанский суд со временем назначил в каждом округе офицера, который именовался “Защитником индейцев”. В обязанности этого чиновника входило отстаивать их права и представлять их интересы в судах. Из зарезервированной четвертой части дани индейцев часть предназначалась в качестве жалованья протектору *икасику*, остальная часть предназначалась для удовлетворения их религиозных потребностей или для их собственной поддержки в годы голода или другого подобного бедствия. Несмотря на то, что так много приходится упоминать о жестокости и неправильном управлении со стороны испанцев по отношению к туземцам Южной Америки, отрадно иметь возможность заявить, что в *Лиме*, *Куско* и в других местах для нужд неимущих и немощных были построены больницы, где к туземцам относились со всей гуманностью.

При общем обзоре испанского законодательства в отношении обращения с уроженцами Нового Света все стороны признают, что, при условии, что Испания вообще обладала какими-либо правами на них, ее правительство, начиная со времен Изабеллы, больше всего заботилось об их духовном и материальном благополучии. Однако, как уже было отмечено, несколько причин способствовали срыву мудрого и гуманного законодательства метрополии. Главными из них были удаленность колоний от Испании и личные интересы тех лиц, чьей обязанностью было следить за введением в действие законов и постановлений. Утверждается, что в *Перу* особенно сильно притеснялись индейцы, закон, запрещающий им наниматься на работу более чем в тридцати милях от их домов, часто нарушался. Однако в нескольких провинциях местным жителям было позволено наслаждаться не только комфортом, но и достатком — владеть хорошо укомплектованными фермами, быть обеспеченными всем необходимым и многими предметами роскоши.

Важной чертой в истории испанских колоний является состояние Церкви в последних и ее связь с государством. Фердинанд “католик” был также Фердинандом политиком; и в своих отношениях со Святым Престолом он бдительно следил за интересами своей короны. Заранее приняв меры предосторожности против введения папского владычества в Америке, он запросил и добился от папы Александра VI предоставления его короне десятины во всех новооткрытых странах при условии обеспечения религиозного обучения местных жителей. Юлий II. аналогичным образом предоставил ему и его преемникам право церковного покровительства и распоряжения всеми бенефициями в колониях. Это правда, что эти понтифики были в полном неведении относительно ценности того, что требовалось; и когда этот факт стал более известен, их преемники имели случай пожаловаться на свою бесцеремонную щедрость. Но о грантах не было и речи, и их следствием стало то, что испанские монархи стали главами Американской церкви. На них было возложено управление его доходами, и их назначения в бенефиции были немедленно утверждены папой. Таким образом, удалось избежать всякого столкновения между духовной и светской юрисдикцией. Это ограничение папской власти становится еще более странным, когда мы рассматриваем характер нации и монарха, которым оно было придумано.

Иерархия Испанской Америки была устроена аналогично иерархии Испании. Низшее духовенство было разделено на три класса: *курасы*, *Доктринеры* и *миссионеры*. Из них первые были приходскими священниками; вторые отвечали за районы, населенные покоренными

индейцами; третьи были заняты обращением в веру и обучением независимых племен. Доходы Церкви были огромны, ее здания и монастыри великолепны, а демонстрация богатства - показной. Ничто не могло быть менее подходящим для учреждений, расположенных в таком месте, какими были испанские колонии в Южной Америке, чем введение монашеской системы; и все же вскоре эта система достигла там наибольшего расцвета. В новом поселении, где есть место для распространения, главной целью должно быть поощрение населения; но испанцы, со свойственной им слепотой, с самого начала начали возводить монастыри, где лица обоего пола в большом количестве заключались под обет безбрачия. Те, кто толпился в этих обителях суеверия и беззаботной легкости, были совершенно потеряны для общества; и последствия этого были тем серьезнее, что в монастыри допускались только лица испанского происхождения.

Значительная часть светского духовенства в Америке были уроженцами Испании, по большей части такими, у которых было мало перспектив продвинуться в своей собственной стране. Как группа, они не отличались достижениями ни в науке, ни в литературе. Но большая часть священнослужителей в Испанской Америке были постоянными посетителями. Миссионеры четырех нищенствующих орденов имели разрешение папы римского принимать приходские обязанности в Америке, не подпадая под юрисдикцию епископа епархии. Только им одним из испанских священнослужителей мы обязаны нашими рассказами о гражданской и естественной истории различных провинций. Среди них можно упомянуть "Историю Нового Света" иезуита Акосты, а также "естественную и гражданскую историю *Чили*" аббата Молины, чью работу я процитировал и который, хотя и чилиец, на редкость справедлив к заклятым врагам своей страны, арауканцам. Общий смысл католических свидетельств дает лишь слабое представление о моральном облике южноамериканского регулярного духовенства, многие из которых, как говорят, были лишены не только добродетелей, в соблюдении которых они поклялись, но даже обычных приличий. К обету бедности относились с презрением, некоторые священнослужители стали одними из главных угнетателей туземцев, защищать которых было их долгом. Обет целомудрия получил столь же мало внимания.

1757.

Эти нарушения не ускользнули от внимания властей, и один вице-король *Перу* принял эффективные меры по сдерживанию постоянных посетителей. Однако они прибегли к такому влиянию в Мадриде, что вскоре к их древним обычаям снова стали относиться терпимо. Будучи, таким образом, освобожденными от всех ограничений, они в конце концов вызвали такой скандал и отвращение, что Фердинанд VI. был вынужден издать указ, запрещающий постоянным членам любой конфессии руководить приходами; и объявляющий, что после кончины нынешних должностных лиц никто, кроме светских священников, находящихся под надлежащей юрисдикцией, не должен быть представлен на вакантные должности.

Первые миссионеры принимали уроженцев Америки в Церковь с такой поспешностью, что для них было совершенно невозможно понять доктрины, которые, по их словам, они приняли; хотя бы по той причине, что ни священники, ни новообращенные не были более чем поверхностно знакомы с языком друг друга. Иногда случалось, что из желания угодить своим победителям или по какой-то другой причине, совершенно не связанной с убеждениями, люди внезапно спешили получить допуск в Церковь. Однако в целом следует опасаться, что испанские

священнослужители добились лишь незначительного прогресса в привитии местным жителям истинных доктрин христианства. Даже по прошествии двух столетий мало кто из местных жителей обладал такой духовной проницательностью, чтобы быть допущенным к Святому Причастию. Когда Филиппом II была учреждена инквизиция, в его трансатлантических владениях в 1570 году местные жители были освобождены от юрисдикции этого трибунала.

1545.

Новый импульс эмиграции в *Перу* придало случайное открытие индейцем, когда он взбирался на гору в погоне за *ламой*, серебряных рудников *Потоси*, которые изливают свои сокровища в таком изобилии, что поражают человечество. Некоторое представление о минеральном богатстве испанских владений в Новом Свете можно получить из расчета, что с 1492 года в Испанию ежегодно поступало золота и серебра на сумму в четыре миллиона фунтов стерлингов. В эту цифру, которая регулярно учитывалась, не включены сокровища, обманным путем ввезенные беспошлинно, и которые, возможно, могли бы составить почти столько же больше. Эти рудники разрабатывались не короной, а частными авантюристами, что, естественно, привело к тому, что очень скоро возник дух азартных игр, что самым пагубным образом сказалось на колониальном характере.

Но хотя рудники *Перу* были главной достопримечательностью страны, к счастью, они были не единственным источником богатства. Этой стране мир обязан многими продуктами, по меньшей мере такими же ценными, как серебро и золото. Уже упоминалось, что самое раннее упоминание о картофеле, которое мы имеем, относится к первой исследовательской экспедиции Писарро. Этот авантюрист улыбнулся бы, если бы кто-нибудь предположил ему, что корень, к которому прибегали его изголодавшиеся последователи, чтобы утолить свой голод, может оказаться большим благом для человечества, чем даже *выкуп* инки. *Перу* мы также обязаны, исключительно, *Квинквине*, или коре иезуитов, которая, возможно, смягчила больше страданий, чем вызвал даже Писарро. *Какаои* различные другие ценные продукты, в том числе *ртуть*, также происходят из того же квартала.

1568.

Дон Франсиско де Толедо прибыл в *Перу* в качестве вице-короля в 1568 году. Он был человеком далеко продвинувшимся в жизни и с большим опытом, но придерживался политической морали, которую нельзя защищать в соответствии с нашей этикой, хотя это могло бы привести к многочисленным прецедентам в римской истории. С единственной целью повышения общественной безопасности и без малейшего намека на какое-либо преступление со стороны прославленной жертвы, за исключением того, что она представляла живую политическую опасность, он предал смерти последнего из *инков*, молодого *Тупака Амару*.

Однако этот вице-король был очень добросовестен в своем стремлении к благополучию людей, вверенных его попечению. Он был неутомим, а также осмотрителен в законотворчестве; и он посвятил пять лет путешествию по всем округам своего вице-королевства с таким успехом, что перуанцы признали, что их страна не управлялась так хорошо со времен доброго *Тупака Юпанки*. Именно этому губернатору Университет Святого Марка в *Лиме* в основном обязан своим существованием; и у него хватило здравого смысла понять, что двумя основными источниками богатства *Перу* были кукуруза и шерсть, а не серебро и золото. Именно тому факту, что *дон Франсиско де Толедо*, который оставался в *Перу* до 1579 года, сопровождался в своих

путешествиях иезуитом Д'Акостой, мы обязаны ценной естественной историей *Перу*, составленной этим писателем, результатом пятнадцатилетнего литературного труда.

1611.

Торговая политика Испании, запрещавшая всякую торговлю между ее колониями и другими нациями, со временем оказала на нее исключительно пагубное воздействие. Из-за различных причин, среди которых было изгнание Филиппом III. что касается мавров, то ее промышленное население сократилось настолько, что эта страна была сразу же вынуждена сократить свои военные и мирные операции. Из-за нехватки людей ее флот пришел в упадок, и по той же причине ее мануфактуры пришли в упадок; даже ее сельского хозяйства было недостаточно для национального потребления. Закон, касающийся колониальной торговли, все еще соблюдался, и минеральные богатства *Анд* все еще поступали в Испанию; но потребности спроса и предложения были выше закона, и ее купцам приходилось искать поставки в других странах, которые взамен должны были быть отправлены в Америку, и, таким образом, золото и серебро просто проходили через Испанию по пути в Англию или Голландию, во Францию и Италию. От имени испанских фирм эти вышеупомянутые страны отправляли свои товары в Америку, и в конце концов было подсчитано, что из европейских товаров, поставляемых в испаноамериканские провинции, не более двадцатой части составляли испанские ткани. Кульминация такого положения вещей была достигнута, когда владелец рудников *Потоси* был вынужден издать указ, повышающий стоимость медных денег до валюты, почти равной стоимости серебра.

Флоты, снабжавшие трансатлантические колонии, назывались *Галеонами* и *Флотилиями*, соответственно, и снаряжались ежегодно, отправляясь из Севильи, а затем и из Кадиса. Галеоны причалили сначала к *Картахене*, а затем к *Порто-Белло*. В первый порт прибывали торговцы из *Санта-Марты*, *Карачаса*, *Новой Гранады* и других провинций; второй порт был торговым центром, снабжавшим *Перу* и *Чили*. В нужное время года продукция этих стран доставлялась морем в *Панаму*; откуда, как только объявлялось о появлении флота, ее переправляли через перешеек на мулах и вниз по реке *Чагре* в *Порто-Белло*, вредный климат которого придавал деревне незавидную репутацию самого нездорового места в мире. Большую часть года здесь жили негры и мулаты, но в течение шести недель ярмарки это был *Нижний Новгород*, через который осуществлялся самый богатый трафик двух полушарий. *Флот* направился в *Вера-Крус* для снабжения *Мексики*.

Ограничительное регулирование Испании, в результате которого ее огромная колониальная торговля была ограничена одним портом, имело, конечно, своим результатом передачу торговли в руки нескольких домов, которые могли регулировать свои собственные цены, что привело к сдерживанию предприимчивости и сокращению производства. Целью монополистов было не поставлять колониям столько товаров, сколько последние могли потребить и могли позволить себе покупать по ценам, выгодным как производителям, так и торговцам; но выбрасывать на рынки такое умеренное количество товаров, которое могло обеспечить непомерные цены. Испанские государственные деятели и политэкономисты не испытывали недостатка в том, чтобы разглядеть разрушительные последствия такого положения вещей; и были предложены самые экстравагантные меры, чтобы остановить их. Однако потребовались потрясения, вызванные гражданской войной, и соприкосновение, в которое Испания была

таким образом ввергнута с иностранными государствами, чтобы побудить ее к энергичным действиям.

Монархи династии Бурбонов приняли меры по пресечению положения вещей, которое перевернуло систему торговли Испании с Америкой. Торговля с *Перу* теперь была открыта для Франции, чей король предоставил привилегию купцам Сен-Мало, которые, в отличие от своих алчных конкурентов из Кадиса, поставляли тихоокеанскому вице-королевству европейские товары в большом количестве и по умеренной цене. Результатом было то, что торговля Испании с ее собственной главной колонией была на грани прекращения. Соответственно, еще раз были изданы императивные инструкции, запрещающие допуск иностранных судов в любые порты *Чили* или *Перу*.

Но, избежав этой опасности, Испания обнаружила, что навлекла на себя другую. Утрехтский мирный договор передал Великобритании *Асиенто* для снабжения испанских колоний неграми и, кроме того, предоставил этой стране привилегию ежегодно отправлять на ярмарку в *Порто-Белло* судно водоизмещением в пятьсот тонн с европейскими товарами. Британские фабрики вскоре возникли в *Картахене* и *Панаме*; и агенты располагали достаточными средствами для ознакомления с состоянием американских провинций, в результате чего контрабандная торговля значительно процветала. Таким образом, с помощью системы массового подкупа налоговых инспекторов почти вся торговля Испанской Америки попала в руки иностранцев. *Эскадра галеонов* была сокращена с пятнадцати тысяч до двух тысяч тонн.

1739.

Нельзя было ожидать, что Испания покорно смиритсся с таким положением вещей. Ее первой мерой, предпринятой с целью улучшения положения, было создание вдоль своих колониальных берегов системы сторожевых кораблей с целью предотвращения контрабанды. Британская колониальная торговля с испанскими поселениями была, однако, настолько прочно налажена, что ее было не остановить; а испанские побережья были настолько обширны, что никакая система сторожевых кораблей не могла нести достаточно бдительного дозора. Следствием были, в первую очередь, жалобы, а затем акты насилия; которые привели к новой войне между Великобританией и Испанией, следствием чего стало то, что последняя страна была освобождена от условий *Асиенто*, предоставленных Утрехтским мирным договором.

Предоставленная Испании самой регулировать свою колониальную торговлю, Испания теперь извлекла пользу из накопленного опыта настолько, что была вынуждена разрешить осуществлять значительную часть своей торговли с Америкой на *зарегистрированных* судах; которые были оборудованы в промежутках между указанными периодами для плавания *галеонов* и *флотилии* торговцами в Севилье и Кадисе, получившими лицензию для этой цели. Преимущество такого регулярного удовлетворения спроса в колониях вскоре стало настолько велико, что в 1748 году *галеоны*, которые существовали в течение двух столетий, были упразднены; в то время как отдельные суда больше не ходили в *Порто-Белло*; но, огибая *мыс Горн*, доставляли продукцию Европы непосредственно в порты Чили и Перу.

1764.

Поколению, привыкшему изо дня в день читать уведомления о событиях, происходящих в самых отдаленных уголках земного шара, почти сразу после того, как они произошли, может показаться странным, что такая нация, как Испания, обладающая огромными иностранными

владениями, могла довольствоваться получением новостей об их успехах только один раз в течение каждого года. Так, однако, было почти всегда, примерно до 1740 года, когда была разрешена регистрация судов. Ранее, до этой даты, ежегодный флот *галеонов* был единственным средством почтовой связи между метрополией и ее южноамериканскими владениями. Это правда, что известия о происходящих заокеанских событиях иногда доходили до Испании через другие страны, чьи сношения со своими колониями она постоянно пресекала. Только в 1764 году было назначено отправление пакетботов в первый день каждого месяца из *Ла-Коруньи* в *Гавану* или *Порто-Рико*; оттуда письма на небольших судах отправлялись в *Веракрус* и *Порто-Белло*, чтобы оттуда пересылаться на север или на юг, в зависимости от обстоятельств. Пакетбот отправлялся раз в два месяца по реке *Плата*, чтобы снабжать районы на восточной стороне *Анд*. Поскольку этим пакетботам было разрешено вывозить и привозить домой определенное количество продукции, Корунья с этого времени делила с Кадисом прибыль от колониальной торговли.

1774.

1774 год знаменует собой дальнейший прогресс в испанском либеральном колониальном законодательстве, вице-королевству или провинциям *Новой Испании*, *Гватемалы*, *Перу* и *Новой Гранады*, соответственно, была предоставлена привилегия свободной торговли друг с другом. За этим, четыре года спустя, последовало обнародование совершенно нового торгового кодекса Индии, рассмотрение которого более естественно относится к главе, касающейся вице-королевства *Буэнос-Айреса*. Я могу завершить это *резюме* вице-королевства *Перу* заявлением о фактической прибыли в денежной форме, которую, по оценкам, метрополия получила от этого владения.

Лучшие испанские власти согласны с тем, что Суверен в силу различных причин, главной из которых были казнокрадство и контрабанда, был лишен обманом примерно половины колониальных доходов, которые законно принадлежали ему. Но, несмотря на коррупцию и незаконный импорт, доходы, получаемые испанским монархом от его американских владений, все еще были очень значительными. Они поступали от налогов, которые можно разделить на три части. Первая включает в себя то, что выплачивалось королю как настоятелю Нового Света, а именно пошлину на продукцию рудников и дань, взимаемую с местных жителей. Вторая ветвь включала пошлины на торговлю. Третий включал в себя те взносы, которые поступали к королю в его качестве временного главы колониальной церкви и распорядителя ее средствами. Подсчитано, что *Перу* принесло короне доход в размере около миллиона фунтов стерлингов, половина из которых, возможно, была израсходована на содержание провинциальных заведений. Следует помнить, что эта сумма, или что бы это ни было, поступила в пользу испанской короны из этой важной колонии, *в дополнение* к богатству, полученному от нее метрополией посредством ее исключительной торговли.

ГЛАВА IX.

ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВО НОВАЯ ГРАНАДА; ГЕНЕРАЛ-КАПИТАН ВЕНЕСУЭЛЫ.

1535-1790.

На некоторое время после катастрофического провала попытки Лас Касаса основать колонию на *Жемчужном побережье Кумана*, северная часть испанской Южной Америки, от *Ориноко* к западу, была почти потеряна для истории. Силы, работающие во имя добра, явно потерпели неудачу, а силы зла, казалось, почти во всем поступали по-своему. Регионы, открытые испанцами, были настолько обширны по сравнению с числом первооткрывателей, что многие из них надолго исчезли из поля зрения и, вероятно, из памяти. Такова была судьба территории, граничащей с *Ориноко*, великой рекой, вытекающей из *Кордильер*, которая сорока впадениями в океан впадает сама и ее многочисленные притоки.

Именно в 1535 году испанцы впервые попытались подняться вверх по этому ручью; но, не найдя рудников, которые они искали, они отнеслись к этому с безразличием. Тем не менее, те немногие европейцы, которые там сеяли, с такой энергией занимались выращиванием табака, что им удавалось ежегодно поставлять некоторое количество этого растения иностранным судам, которые приходили за ним. Но метрополия запретила эту торговлю; в то время как некоторые предприимчивые корсары дважды грабили это заведение, которое не могло себя защитить. Эти бедствия привели к тому, что о нем забыли.

За этими обширными берегами на западе, в глубине страны, находится регион, которому испанцы дали название королевство *Новая Гранада*, название было применено из-за обнаруженного сходства между равниной вокруг *Санта-Фе-де-Богота* и королевской *Вегой*, которая примыкает к исторической столице мавров. *Новая Гранада* была самым обширным регионом, включавшим в себя всю страну от моря до моря на севере, лежащую между 60° и 78° долготы и от 6° до 15° широты.

1526.

Богота была атакована с юга Беналькасаром, губернатором *Кито*; в то время как Хименес де Кесада, высадившийся в *Санта-Марте*, выступил против нее с севера. Они не преминули встретить сопротивление, которое, однако, не шло ни в какое сравнение с испанской дисциплиной, оружием и доблестью; и вышеназванные лидеры прославились тем, что добавили еще одно крупное владение к южноамериканским владениям своих суверенов. Со временем более отдаленные провинции, центром которых была *Богота*, стали подчиняться его правительству. Было, однако, несколько жителей этого обширного и разнообразного горного региона, которые либо сохраняли на протяжении всего времени свою варварскую независимость, либо время от времени возвращали ее.

1535.

Хименес де Кесада прибыл в Америку примерно в 1535 году в свите губернатора *Санта-Марты*, которым он был выбран для руководства экспедицией против *чибча*, которые обитали на

равнине *Боготы* и вокруг верховьев реки *Магдалена*. Отправившись в путь в апреле 1536 года с восемью сотнями человек, он преуспел в прокладывании пути через лес и через бесчисленные ручьи. Ему удалось продержаться восемь месяцев, в течение которых он преодолел четыреста пятьдесят миль, перенося при этом самые большие усилия и лишения, какие только могла вынести человеческая природа. Этому вождю не суждено было встретиться с противником, достаточно могущественным или богатым, чтобы своим пленением придать ему величие, которое связано с именами победителей *Монтазумы* и *Атауальпы*; но можно усомниться в том, что, насколько можно судить по рассказам об их нескольких подвигах, тому или иному из этих авантюристов пришлось преодолеть больше трудностей, чем Хименесу де Кесаде.

Когда он и его люди наконец добрались до *Барранки*, их остановил проливной дождь, который буквально покрыл всю местность; но, несмотря на такие обескураживающие обстоятельства, Хименес упорствовал в продолжении пути. Отправив отряд из двенадцати человек под командованием капитана Сан-Мартина, он остался с остальной частью своего отряда, ночуя на верхушках деревьев и ежедневно питаясь небольшим количеством маиса и конины.

По возвращении из Сан-Мартина с благоприятным сообщением о возделанной стране за его пределами Хименес смело решил перевалить через горы *Опон*, и в этой попытке он потерял двадцать одного человека, набирая высоту в пять тысяч пятьсот футов над морем. Ему пришлось прибегнуть к веревкам, чтобы подтянуть своих лошадей наверх. На вершине его ждала изобильная земля; и поскольку, подобно другим испанским завоевателям Нового Света, он придерживался удобной веры в то, что язычники были даны ему в наследство, он не испытывал никаких угрызений совести из-за того факта, что регион, который он и его последователи намеревались присвоить, предоставлял средства к существованию многочисленному населению, которое пришлось бы лишиться собственности.

Когда он преодолел естественные трудности на своем пути, его оставшиеся силы насчитывали всего сто шестьдесят шесть человек и шестьдесят лошадей. 2 марта 1537 года он возобновил свое наступление; и, как это обычно бывало, один только вид его всадников поверг индейцев в ужас, заставив их подчиниться. В *Тунхе*, согласно испанским историкам, на него вероломно напали, когда он отдыхал во дворце одного из своих вождей. То, что он мог быть таким, конечно, возможно; но этот факт с большей готовностью убедил бы нас, если бы он был передан писателем из племени *чибча*. Как бы то ни было, вождь был схвачен, и после большой резни Хименес оказался абсолютным обладателем огромных богатств, один только золотой фонарь оценивался в шесть тысяч *дукатов*.

Из *Тунхи* Хименес двинулся на священный город *Ирака*, где два испанских солдата случайно подожгли великий Храм Солнца. В результате после пожара, длившегося несколько дней, и город, и храм были полностью разрушены.

Но обитатели этого нового региона почитателей Солнца еще не были полностью покорены, и по возвращении в *Тунджу* Хименесу пришлось столкнуться с силами двенадцати тысяч отчаявшихся туземцев. Его оружие и лошади снова увенчались успехом; и после победы при *Борхе* он получил в подчинение нескольких *касигов* и получил возможность разделить между своими солдатами добычу не менее чем в сорок тысяч фунтов золотом и тысячу восемьсот изумрудов.

Хименес де Кесада был не более и не менее разборчив, чем Кортес или Писарро, в средствах, которые он использовал для достижения своей цели. В настоящее время его целью было получить информацию об убежище вождя, чью собственность он намеревался присвоить. С этой целью он схватил двух молодых людей, которых приказал подвергнуть пыткам. Один из них погиб во время операции; но другой, который был либо сильнее, либо менее отважен, отвел Хименеса к отступлению вождя, который был убит в последовавшей стычке. Его народ отчаянно боролся за свою независимость, но был побежден захватчиками с помощью союза с претендентом на престолонаследие.

Этого предателя своей страны и дела своей расы вскоре постигла участь, которую он заслуживал. Подражая римской политике щадить слабых и сражаться с сильными, испанцы в Америке всегда были настороже, чтобы воспользоваться местной завистью; этой причине они были обязаны своим завоеванием *Мексики* и многими своими успехами на южном континенте от *Перу* до *Араукании*. По этому случаю претендент на корону *Чибча* поклялся в верности королю Испании, и доказательством его искренности было то, что он должен был отдать сокровища своих предшественников. В обычном хвастливом стиле варварского короля он пообещал в течение шести недель наполнить золотом и изумрудами целую комнату. То, что он не смог этого сделать, вероятно, было неизбежно; но то, что его неудача произошла из-за недобросовестного отношения к испанцам, было явно абсурдным обвинением. Однако он пробудил в них жажду грабежа, и его вина не подлежала прощению. Соответственно, он был предан смерти с той изощренностью жестокости, в которой испанцы были такими мастерами.

9 августа 1538 года был основан город *Богота*. Вскоре к Хименесу здесь присоединился Фредерман, подданный императора Карла V. Со ста шестьюдесятью солдатами, с которыми он участвовал в завоевании *Венесуэлы*; а также Беналькасар, завоеватель *Кито*. Этот последний воин с триумфом пересек континент во главе ста пятидесяти испанцев вместе с множеством местных последователей.

При таком совершенно беспрецедентном положении дел не стоит удивляться тому, что эти испанские капитаны, по отдельности возведенные из скромного положения в ранг независимых генералов и губернаторов, отказались от всякой субординации и взяли за основу принцип "кто сильнее, тот и прав". Соответственно, это была первая идея Беналькасара объединиться с Фредерманом, чтобы изгнать Хименеса из его завоеваний. Но, как он, возможно, мог предвидеть, та же идея уже пришла в голову другому, и авантюристы из *Венесуэлы* были, в обмен на выплату Фредерману десяти тысяч *долларов*, зачислены в войска Кесады.

Беналькасар, в свою очередь, заключил соглашение с двумя другими о назначении губернатора всех их территорий на время их отсутствия в Америке с целью предъявления своих претензий Карлу V. В этом представлении не все они были одинаково успешны. Беналькасар был объявлен независимым от *Писарро* и назначен губернатором *Покаяна*; Хименес де Кесада был оштрафован на сумму в тысячу *дукатов*; был изгнан на один год и отстранен на пять лет от должности; в то время как Фредерман был признан нарушителем и ничего не получил. Однако вскоре после этого император смягчил наказание в отношении Хименеса и назначил его маршалом королевства *Новой Гранады*. По возвращении в *Боготу* в 1551 году он, к его чести, проявил энергию, защищая народ страны от захватчиков, равную той, которую он проявил, осуществляя их завоевание.

Десять лет спустя он командовал войсками, организованными для отражения нападения правителя *Венесуэлы*; вскоре после этого он был назначен *Аделантадо* королевства *Новая Гранада*. Он посвятил три года и огромное количество тяжелого труда и денег абсурдной экспедиции в поисках легендарного *Эльдорадо*. На поиски этого мифа было направлено триста испанцев, две тысячи индейцев и тысяча двести лошадей; из этого боевого отряда вернулись только двадцать четыре человека и тридцать два четвероногих, безмолвно поведавших историю о величайшем безумии своего вождя.

В жизни человека, который показал, что обладает такими замечательными качествами, каким бы способом они ни применялись, как у Хименеса де Кесады, интересны все выдающиеся детали. Поэтому можно отметить, что после основания в 1572 году города *Санта-Агуэда* этот завоеватель и странствующий рыцарь умер от проказы, оставив после себя долги в размере шестидесяти тысяч *дукатов*, и это обстоятельство, по-видимому, сделало для него несколько излишним включать в свое завещание свое желание, чтобы на его могиле не устанавливался дорогостоящий памятник. Его тело было перевезено в *Боготу*.

Важность *Новой Гранады* в глазах испанцев заключалась в том, что она была источником, откуда добывались лучшие изумруды. Многие из них попали в *Перу*, но грубые завоеватели, у которых сложилось впечатление, что изумруды такие же твердые, как алмазы, подвергли их испытанию молотком и пришли к выводу, что они не представляют ценности. Таким образом, многие из них были уничтожены; и потери стали еще больше из-за того, что было невозможно обнаружить рудник, из которого *инки* добывали их. Открытие *Новой Гранады*, к счастью, удовлетворило эту важную потребность. Провинции *Попаян* и *Чоко* имели еще одно преимущество в поставках золота, которое находили на поверхности земли и которое, следовательно, можно было легко добыть простым способом промывки.

1718.

Мадридский двор был недоволен тем, что регион, который восхвалялся как обладающий большими природными преимуществами, поставлял ему так мало товаров, и притом в столь небольших количествах. Из этого был сделан вывод, что страна, находящаяся под управлением вице-короля *Перу*, слишком обширна, чтобы всем ее частям уделялось должное внимание, и что развитие северного региона было бы лучше обеспечено при отдельном правительстве. Соответственно, в 1718 году вице-королевство *Перу* было разделено на две части: северный регион, от границ *Мексики* до *Ориноко*, и на Южном побережье моря от *Верагуа* до *Тумбеса*, образовав вице-королевство *Новая Гранада*, столицей которого была *Богота*. К этому региону также была отнесена внутренняя провинция *Кито*. Вице-королевство *Новой Гранады*, фактически, включало в себя то, что сейчас образует Республику *Венесуэла*, Соединенные Штаты *Колумбии* и Республику *Эквадор*.

Хотя это, несомненно, был шаг в правильном направлении, его хорошие результаты были очевидны не сразу. Можно было бы предвидеть, что потребуется некоторое время и для формирования способных администраторов, и для наведения порядка в беспорядке, и для привития навыков трудолюбия людям, давно привыкшим к праздности и свободной жизни. Тем не менее, изменение ситуации не прошло бесследно, и хорошие результаты постепенно стали очевидны в Испании. Здесь, как и везде в этих плохо контролируемых регионах, контрабанда была правилом; и говорят, что половина золота, накопленного колонией, была обманным путем отправлена за границу, главным образом через реки *Аtrato* и *Хаче*. Чтобы остановить это

движение, на этих реках были возведены форты, которые, однако, оказались неэффективными для достижения поставленной цели.

Сообщение между одной провинцией и другой, даже между одним городом или деревней и другим, было трудным или невыполнимым. Каждый путешественник в большей или меньшей степени подвергался ограблению или был убит независимыми индейцами; но эти враги, прежде свирепые и неумолимые, мало-помалу уступали усилиям миссионеров и актам доброй воли со стороны пришельцев, которые пришли на смену варварству более дикой эпохи. Несмотря на щедрость природы этого региона, многие из его провинций получали средства к существованию из Европы или Северной Америки. Стоимость транспортировки с места на место запрещала выращивать зерно во внутренних районах сверх суммы, необходимой для каждого отдельного населенного пункта.

1774.

Город *Санта-Фе-де-Богота* расположен у подножия холма у входа в обширную равнину. В 1774 году в нем проживало три тысячи двести пятьдесят семей, или около шестнадцати тысяч жителей. Это была резиденция архиепископа с огромной юрисдикцией, который, как митрополит, был инспектором епархий *Кито*, *Панамы*, *Каракаса*, *Санта-Марты* и *Картахены*. Именно через последнее по названию место, хотя оно и находилось на расстоянии трехсот миль, и по реке *Магдалена*, *Санта-Фе-де-Богота* сообщалась с Европой; в то время как тот же маршрут вел в *Кито*.

Провинция *Кито* также имела огромную протяженность, но была по большей части покрыта лесами или состояла из болот или пустынь, населенных тут и там кочующими дикарями. С полным основанием можно сказать, что испанцы заняли и управляли долиной примерно в восемьдесят лиг в длину и пятнадцать в ширину, образованной двумя ответвлениями *Кордильер*.

Кито - один из самых красивых регионов в мире. Находясь в центре Жаркой зоны, здесь царит вечная весна. Природа собрала здесь воедино все влияния, которые могут изменить жару тропиков: соседние горы на своей огромной протяженности покрыты снегом; в то время как постоянные бризы освежают равнины в течение всего года. Но, как и следовало ожидать, регион с такой возвышенностью и атмосферой, столь насыщенной электричеством, часто является ареной самых жестоких тропических гроз, к ужасам которых нередко добавляются землетрясения. Чрезмерная влажность в одно и то же время часто губительна для выращивания зерновых; в то время как, с другой стороны, контрастные сезоны жары вызывают опасные заболевания. Тем не менее, в целом климат здесь очень здоровый. Воздух здесь совершенно чистый и свободен от присутствия неприятных насекомых, столь распространенных в других частях континента.

Влажность атмосферы и действие солнца, сменяющие друг друга в постоянном чередовании и всегда достаточные для развития растений, приводят к почти непрерывной смене растительности; ибо как только одно растение исчезает, на его месте начинает возникать другое. Деревья постоянно покрыты зелеными листьями, украшены сладко пахнущими цветами или усыпаны тропическими фруктами на всех стадиях развития. Говорили, что эта провинция самая густонаселенная в Америке. В нем было несколько городов с населением от десяти до тридцати тысяч человек. Жители *Кито*, к счастью для себя, избежали участи работать на

шахтах, поскольку те, что были в этом районе, были слишком бедны, чтобы оплачивать расходы на их разработку. Должно быть, они действительно были бедны, раз испанцы согласились отказаться от способа приобретения богатств, который не стоил им ничего, кроме крови их рабов. Освобожденные от этого источника труда, жители *Кито* были с большей пользой заняты на мануфактурах, продукция которых обменивалась на вино, масло и другие товары, которые были чужды этому высокогорному региону. Однако, несмотря на свои природные преимущества, *Китово* второй половине прошлого века погрузился в крайнюю степень бедности.

В этой провинции имелся хинин, производство которого с момента его открытия представляло наивысшую ценность для человечества и которое в колониальный период составляло единственную статью экспорта. Единственной ценной частью дерева *квинквина* является его кора, которая для употребления не требует никакой другой подготовки, кроме сушки. Когда-то считалось, что *квинквина* производится исключительно на территории *Локсы*, а самое высокое качество - на горе *Каганума*. Более поздние исследования, однако, доказали, что одно и то же дерево существует в *Риобамбе*, в *Куэнке* и в *Боготе*. Появлением этого ценнейшего изделия Европа обязана иезуитам, которые прославили его бесценные качества в Риме в 1639 году. В следующем году Хуан де Вега, врач вице-королевы *Перу*, наладил его использование в Испании. Цена на него составляла сто крон за фунт. Цена, которую требовал и заслуживал бесценный продукт, привела, как само собой разумеющееся, к фальсификации; и даже отдаленные жители *Локсы*, будучи не в состоянии удовлетворить спрос на настоящую *квинквину*, заполнили образовавшуюся пустоту смесью коры других деревьев. Однако это решение обернулось против них самих, поскольку лишило их особый продукт его уникальной репутации; в то же время это привело к более тщательным поискам того же растения в других местах. Уроженцы региона, где поставлялась *квинквина*, имели обыкновение использовать простой настой коры в случаях лихорадки, прежде чем месье Жозеф де Жюссье научил их производить экстракт.

1728.

1731.

В 1728 году группа купцов из *Гипускоа* получила исключительное право на торговлю с *Каракасом* и *Куманой* при условии, что они очистят эти побережья от незваных гостей, то есть от голландцев, которые со своего острова *Кюрасао* монополизировали прибыльную торговлю орехами какао-дерева, тем самым вынуждая испанцев получать из-за границы продукцию одной из их собственных колоний. Новая компания, которая столкнулась с необходимостью выгружать свои грузы в Кадисе, вела свои операции с таким успехом, что вышеупомянутый упрек вскоре был снят; в то время как жители *Каракаса* получили такой импульс к своей промышленной жизни, что, прежде чем компания просуществовала три года, было сочтено целесообразным отделить от вице-королевства *Новой Гранады* провинции *Венесуэла*, *Маракайбо*, *Варинас*, *Кумана* и испанскую *Гайану*, и сформировать из них отдельное генерал-капитанское управление с резиденцией правителя в *Каракасе* в *Венесуэле*.

1771.

В 1771 году на берегах *Ориноко* было разбросано тринадцать деревень, в которых проживало четыре тысячи двести испанцев, полукровок или негров, владевших значительной

собственностью внутри страны, помимо двенадцати или тринадцати тысяч голов крупного рогатого скота, мулов или лошадей. В тот же период индейцы, оторвавшиеся от дикой жизни, были распределены по сорока девяти деревням. Всего насчитывалось шестьдесят два населенных пункта, в которых проживало шестнадцать тысяч шестьсот человек, имелось три тысячи сто сорок объектов недвижимости и семьдесят две тысячи голов крупного рогатого скота.

До этого периода голландцы с *Кюрасао* монополизировали торговлю с этим заведением. В обмен на товары, которые они поставляли, они получали плату табаком, шкурами и стадами скота; все дела были завершены в *Сент-Томасе*. Европейцы и негры осуществляли свои сделки самостоятельно, но те, которые затрагивали индейцев, проводились миссионерами.

Провинция *Венесуэла* не пользуется большим авторитетом в плане управления даже среди штатов Южной Америки; но, оценивая испанскую цивилизацию в этой части, единственно правильным будет учитывать положение вещей, которое она вытеснила. Нам говорят, что тирания, которой пользовались дикари на берегах *Ориноко* по отношению к своим женщинам, была такова, что детоубийство их детей женского пола стало обычной практикой со стороны последних; чтобы их потомство могло быть избавлено от повторения их собственной ужасной участи, которую так описывает миссионеру один из них:

“Если бы моя мать задушила меня при рождении! Тогда я был бы мертв, но не почувствовал бы смерти и избежал бы самой жалкой участи. Сколько я претерпела, и кто знает, какие страдания мне уготованы! Представь себе, отец, какие невзгоды приходится претерпевать индийской женщине среди индейцев. Они сопровождают нас в поля со своими луками и стрелами: мы идем туда с одним младенцем, которого несем в корзинке, и другим у груди. Они отправляются на охоту или рыбалку, в то время как мы копаем землю; и, после того как мы прошли через все трудности культуры, мы должны взяться за сбор урожая. Вечером они возвращаются без груза: мы приносим им коренья для еды и кукурузу для питья. Оказавшись дома, они радуются вместе со своими друзьями, пока мы ходим за дровами и приносим воду, чтобы приготовить им ужин. Поев, они ложатся спать: большую часть ночи мы проводим, перемалывая кукурузу и готовя их *чику*. И какова наша награда за наши бдения? Они пьют, и пока они в своих чашках, они таскают нас за волосы и пинают.

“ Ты знаешь, отец, обоснованны ли наши жалобы. То, что я тебе говорю, ты сам видишь каждый день; но самое большое наше несчастье - то, которое тебе неизвестно. Печальная участь для бедной индианки - служить своему мужу, как рабыня, изнемогая от труда в поле и лишенная покоя дома. Но еще хуже видеть, как по прошествии двадцати лет он берет другую жену, молодую и безмозглую. Он привязывается к ней, и она бьет наших детей, командует нами и обращается с нами как со слугами; а если мы издаем малейший жалобный ропот, нас бьют веткой дерева.... Что может быть лучше для индийской женщины, чем забрать своего ребенка из рабства, которое в тысячу раз хуже смерти! Повторяю, отец, если бы моя мать любила меня настолько, чтобы похоронить при моем рождении!”

.....

В 1670 году отряд пиратов под командованием Моргана разрушил замок *Сан-Лоренцо* в *Чагресе*, а также захватил и сжег город *Панама*; по этой причине место этого поселения было перенесено на то место, которое оно занимает в настоящее время, на расстояние шести миль от

старой *Панамы*. В 1680 году те же флибустьеры под командованием других предводителей, перейдя перешеек, взяли город *Санта-Мария*; что привело пять лет спустя к закрытию рудников *Каны*. В 1698 году некто Уильям Патерсон предпринял попытку основать шотландскую колонию в *Пуэрто-Эскасес* в заливе *Каледония*. В начале прошлого века католические миссионеры основали несколько городов на Атлантическом побережье, а также на реках, впадающих в залив *Сан-Мигель*; но, к сожалению, все они были разрушены индейцами, с которыми в 1790 году был заключен мирный договор, в силу условий которого испанцы оставили все свои форты в *Дариене*.

Note.—Chapter IX. is chiefly founded on “*Historia del descubrimiento y colonizacion de la Nueva Granada*” (Paris, 1849), by J. Acosta; and “*Memorias para la historia de la Nueva Granada*” (Bogotá, 1850), by Antonio de Plaza.

ГЛАВА X.

ПРОГРЕСС КОЛОНИИ.

1604-1792гг.

1604.

Дон Гарсия Раймон был вновь назначен в правительство *Чили* и получил тысячу солдат из Европы и четвертую часть от этого числа из *Мексики*. Таким образом, он оказался во главе трех тысяч регулярных войск, не считая вспомогательных. Имея в своем распоряжении такие силы, было естественно, что он еще раз вторгся в *Арауко*, на территории которого он воздвиг форт; существование которого, однако, было недолгим, поскольку оно было оставлено арауканцам. Раймонд разделил свои силы на две части, обе из которых были последовательно атакованы и разгромлены новым *токи*, *Уэнекур*ой, причем разгром был настолько полным, что каждый человек был убит или взят в плен. Арауканцы были настолько напуганы, что в 1608 году из Испании был отдан приказ постоянно держать на границе двухтысячную регулярную армию. Для этой цели из казны *Перу* was to be paid annually from the treasury of *Peru*.

1610.

В следующем году Двор королевских аудиенций был восстановлен в *Св. Яго*. Капитан-генерал Раймон, который снова вышел на поле боя, закончил свои дни в *Консепсьоне*, о чем очень сожалели не только те, кем он командовал и управлял, но также арауканцы, с которыми, будучи пленными, он неизменно обращался гуманно. В результате заявлений миссионера-иезуита по имени Луи Вальдивия, уважающего пагубное влияние длительной борьбы на прогресс обращения, благочестивый Филипп III. отдал приказ правительству *Чили* прекратить войну и установить мир, взяв *Био-био* в качестве границы. Луис Вальдивия вернулся в *Чили* в 1612 году с письмом короля арауканскому конгрессу, с которым он поспешил к границе. В присутствии пятидесяти вождей он изложил цель своего поручения. Его поблагодарили за усилия и пообещали дать положительный отчет *Toqui*.

Король Филипп был настолько ревностен в обращении арауканцев, что, желая лучше осуществить это, предложил не только возвысить миссионера Вальдивию до епископского сана, но и назначить его губернатором *Чили*. Но у Вальдивии не было мирских амбиций. Он отклонил предложения короля; в то же время он добился назначения губернатора, который, вероятно, разделял его взгляды. Это был не кто иной, как Ривера, которого перевели из *Сент-Яго* в *Тукуман*. Теперь Ривера умолял *токи* встретиться с ним в *Пайкави*, чтобы заключить уважительный мир. *Токи* привел с собой в назначенное место нескольких своих испанских пленников, которых он освободил без выкупа: губернатор принял его условия, и все они обещали быстрый результат; когда переговоры были прерваны непредвиденным происшествием.

Анканамон был вынужден, прежде чем заключить мир, посоветоваться с четырьмя своими вождями. Он был уже на пути к ним, когда узнал, что его жена-испанка воспользовалась его отъездом, чтобы сбежать и найти убежище у губернатора со своими двумя детьми. Она привела с собой еще двух его жен, а также двух его дочерей, трое из четырех стали христианками. Этот инцидент, естественно, изменил цель *Токи*, который сразу же вернулся в испанские кварталы, чтобы добиваться восстановления своей семьи. Однако в этом ему было отказано на основании заботы об их религиозном благополучии, хотя из-за отказа цель короля Испании в переговорах с арауканцами была поставлена под угрозу. Все, чего смог добиться Анканамон, - это восстановления одной из своих дочерей, которая еще не была крещена.

Теперь на сцене появилось новое действующее лицо в лице *архиулмена*, *Утифлами*, который из благодарности Вальдивии за освобождение одного из его сыновей взялся вести переговоры. С этой целью он направился в жилище *токи*, взяв с собой трех миссионеров. Однако при их появлении Анканамон был настолько разгневан, что, не слушая их доводов, приказал предать их смерти вместе с Антифлами. Таким образом, из заботы о душах беженцев переговоры о мире и обращение в свою веру были прекращены, и война возобновилась с еще большей яростью, чем когда-либо. Анканамон, желая отомстить за нанесенное ему оскорбление, не переставал преследовать испанские провинции; и у Риверы вплоть до своей смерти в 1617 году не было другой возможности осуществить особую цель, с которой он был вновь назначен губернатором *Чили*.

1618.

Преемнику Риверы, Лопе де Уллоа, пришлось столкнуться с отважным противником в *Токи Лиентуре*, который неизменно добивался успеха в своих столкновениях с испанцами, пока, измученный возрастом и переутомлением, он не передал свое командование в 1625 году Путапичьону, который придерживался столь же отважного курса. Война продолжалась, со случайными успехами с обеих сторон, еще много лет. В *Чили* был назначен новый губернатор в лице *дона Франсиско Ласо*, который, не сумев добиться мира, продолжал военные действия непрерывно, пока, наконец, в 1632 году Путапичион не был убит в бою.

Лазо очень дорожил выполнением обещания, данного им своему королю, положить конец войне. Судя по его талантам и опыту, никто не был более способен на это; но он имел дело с непобедимым народом. Их любовь к своей стране, вероятно, никогда не была безграничной и была настолько сильной, что жизнь за пределами *Араукании* не имела для них никакого

очарования. Все заключенные были через некоторое время депортированы Ласо в *Перу*. Когда они увидели сушу, они бросились за борт в надежде доплыть до берега вплавь, и многим удалось таким образом спастись. Даже из *Калья* многие бежали, преодолевая с невероятной усталостью огромную береговую линию, отделявшую их от родной страны.

1641.

Испанский двор из-за продолжительной войны и больших потерь с их стороны отказался больше удерживать Ласо у власти и назначил его преемником *дона Франсиско Сунигу*, за которым была закреплена честь заключения мира. Сунига прибыл в *Чили* в 1630 году и добивался личной встречи с Линкопичионом, *токи* арауканцев. 6 января следующего года был заключен торжественный мирный договор, положивший конец войне, длившейся девяносто лет. Маркиза де Байдеса сопровождали десять тысяч человек в деревне *Куиллин* в *Пурене*, месте, назначенном для ратификации; в то время как Линкопичион прибыл во главе четырех наследственных *токви* и большого числа *ульменов*. Ратификация была отмечена трехдневным праздником с обеих сторон, все заключенные были освобождены.

1643.

Среди пунктов договора был один, по которому арауканцы обязывались не разрешать высадку каких-либо чужеземцев на своем побережье и не снабжать их припасами, и благоразумие этого пункта вскоре стало очевидным. Тремя годами ранее голландцы предприняли вторую бесплодную попытку заключить союз с арауканцами. Их эскадра, состоявшая из четырех кораблей, была рассеяна штормом, а экипажи двух лодок погибли. В 1643 году голландцы предприняли последнюю попытку завладеть *Чили*. Отправившись из *Бразилии* с многочисленным флотом, они овладели пустынной гаванью *Вальдивии* и начали укреплять вход в реку. Арауканцы были приглашены к союзу; но они с честью выполнили условия своего договора с испанцами, тем самым вынудив голландцев отступить из-за голода. При отступлении флот под командованием маркиза де Манкура, сына вице-короля *Перу*, прибыл с десятью военными кораблями и укрепил гавань и остров, носящий имя его семьи.

1665.

По какой-то причине, которая не зафиксирована, после пятнадцатилетнего перерыва вновь вспыхнули военные действия между чилийцами и их соседями. Они продолжались с большим насилием в течение десяти лет, но были прекращены в 1665 году более прочным миром; и с этого времени записи об этой части Южной Америки носят менее волнующий характер. В результате войны за испанское наследство французы получили на некоторое время всю внешнюю торговлю *Чили*, порты которого были переполнены их судами в период с 1707 по 1717 год. В этот период многие представители этой нации поселились в стране, в которой, как следствие, есть доля французской крови.

1722.

Мир продолжительностью более пятидесяти лет, естественно, дал простор для развития страны, обладающей такими богатыми природными преимуществами, как *Чили*. Его прерывание было вызвано миссионерами, которые были посланы к арауканцам, и офицерами, которые были назначены для их защиты, чье присутствие и притязания арауканцы возмущали; и в 1722 году было решено прибегнуть к оружию. *Токи*, Вилумилья, даже в этот поздний период приняли такой

масштабный проект, как изгнание испанцев из *Чили*. Убив трех или четырех защитников миссионеров, он отправил гонцов к чилийцам в испанские провинции, приглашая их подняться при появлении сигнальных костров. Коренные чилийцы, однако, отказались откликнуться на *приглашение* Токи. Токи, ничуть не обескураженный, отправился во главе своих войск атаковать испанские поселения; но он был осторожен и сообщал миссионерам информацию, чтобы, удалившись из страны, они могли избежать жестокого обращения. Нет необходимости приводить подробности этой короткой войны, которая завершилась *Негрететским* миром, по которому *Квилинский* мирный договор был еще раз подтвержден, а титул Капитана друзей или защитника миссионеров упразднен.

1742.

Чили в течение пятнадцати лет мудро и гуманно правил дон Габриэль Кано; и его преемник получил инструкции объединить испанских жителей в более компактные общества. С этой целью он основал в 1742 году города *Копьяпо*, *Аконкагуа*, *Мелипиля*, *Ранкагуа*, *Сан-Фернандо*, *Курико*, *Талька*, *Тутубен* и *Анхелеси* был награжден званием вице-короля *Перу*. С 1753 года датируются *Санта-Роза*, *Гуаско-альто*, *Касабланка*, *Белла-Исла*, *Флорида*, *Кулему* и *Киригуа*; в то же время на острове *Хуан-Фернандес*, который до тех пор был убежищем пиратов, образовалось поселение.

1773.

Дон Антонио Гонзага, в то время губернатор *Чили*, предпринял попытку переселить арауканцев в города, однако единственным результатом стало то, что они заставили этот храбрый народ снова взяться за оружие для защиты своих свобод. Наконец было достигнуто соглашение, в результате которого все вернулось к своему прежнему состоянию: арауканцам, в знак признания их автономии, было предоставлено право содержать священника-резидента в *Сан-Яго*. Таким образом, этот храбрый народ, хотя и незначительный по численности, преуспел в сохранении своей независимости после того, как Испании это стоило больших жертв крови и сокровищ, чем хватило бы на все ее завоевания в Новом Свете.

1792.

Испанцы в *Чили* теперь ограничились укреплением своих поселений в регионе, лежащем между южными границами *Перу* и *Бию-бию*, достаточно обширной территории, поскольку она занимала пространство между 24 и 36½ градусами южной широты. Эта территория была разделена на тринадцать провинций. В состав генерал-капитанства *Чили* также входили крепость *Вальдивия*, архипелаг *Чилоэ* и остров *Хуан-Фернандес*. Генерал-капитан [12] нес ответственность только перед королем, за исключением случаев войны, когда ему приходилось действовать в подчинении вице-короля *Перу*. Соответственно, провинции управлялись префектами, которые обладали юрисдикцией как в гражданских, так и в военных делах. В столице каждой провинции существовала муниципальная магистратура, называемая *Кабиљдо*. Жители были разделены на полки, которые в случае войны были обязаны выступить к границе или к морскому побережью. В 1792 году на королевской службе находилось пятнадцать тысяч восьмьсот пятьдесят отрядов народного ополчения; и помимо этих регулярных сил существовали также городские отряды народного ополчения; и в дополнение к обоим было достаточно сил императорских войск, чтобы обеспечить оборону страны.

Чили была разделена на две епархии *Св . Яго* и *Консепсьон*, епископы, проживающие в этих городах, соответственно, являются суффражистами архиепископа *Лимы*. У инквизиционного суда *Лимы* был комиссар в церкви *Св . Яго*. Первыми священнослужителями в *Чили* были монахи ордена Милосердия, за которыми вскоре последовали доминиканцы и францисканцы, а позже августинцы и госпитальеры Святого Иоанна Божьего. Иезуиты, появившиеся в 1593 году вместе с племянником их основателя, были изгнаны в 1767 году. *Сент-Яго* и *Консепсьон* были единственными городами, в которых в колониальный период содержались монастыри монахинь. Церкви были более примечательны богатством, которое они демонстрировали, чем своей архитектурой.

Население *Чили* представляло собой обычную смесь европейцев, *креолов*, туземцев, негров и *масти*, или метисов. *Креолы*, или колониальные испанцы, проявляли похвальное стремление к образованию, для завершения которого они, во многих случаях, отправлялись в *Лиму*. Крестьяне, хотя по большей части испанского происхождения, носили арауканский костюм. Их судьба была счастливой. Обладая полной свободой и живя в восхитительном климате, они питались плодородной почвой и были крепкими, здоровыми и жизнерадостными. Языком страны был испанский, за исключением пограничных районов, где также говорили на арауканском или чилийском языках. *Лима* была Парижем Южной Америки и определяла моду на *чили*. Можно добавить, что из всех американских провинций только *Чили* могла похвастаться тем, что двое ее граждан были возведены в достоинство *гранда* Испании.

Чилийцы имели репутацию чрезвычайно гостеприимных к чужеземцам людей и были такими хорошими хозяевами для своих негритянских рабов, что величайшим наказанием, которое могло быть применено к этим последним, было лишение их защиты; и утверждается, что во многих случаях они отказывались воспользоваться предоставленной им свободой. Учителя пользовались над ними властью, подобной власти римского *отца-семейства* над своей *фамилией*. При исправлении их ошибок степень наказания оставалась на усмотрение мастера, за исключением случаев, когда речь шла о преступлении, караемом смертной казнью. Слово "рабство", столь отвратительное для нашего слуха, может подразумевать совершенно иные условия существования. Домашнее рабство у турок, например, может означать, что с рабами обращаются просто как с детьми, то есть, хотя на их передвижение налагаются определенные ограничения, они получают всяческую доброту и заботу, в то время как как мусульмане они могут апеллировать к законам *Корана* и т.д. Однако совсем иной была участь полевых рабочих в заокеанских колониях или на шахтах в *Перу*. По общему мнению, участь чилийских рабов носила прежний характер и представляет собой приятный контраст с участью туземцев *Мексики* в руках завоевателей.

В заключение этой главы следует упомянуть о местных племенах, которые неоднократно упоминались как принимавшие участие в войне между испанцами и арауканцами. *Пехуэн* населяют ту часть чилийских *Анд* лежащую между 34-м и 37-м градусами южной широты, к востоку от испанских провинций *Кальчагуа*, *Мауле*, *Чиллан* и *Уилкилему*. Платье очень похоже на арауканское, за исключением того, что вместо бриджей они носят вокруг талии кусок ткани по японской моде. Их сапоги, или башмаки, все цельные и сделаны из кожи быка. Эти горцы, хотя и иногда проявляют себя доблестными солдатами, тем не менее любят украшать себя, как женщины. Они носят украшения из стеклянных бусин на руках и в волосах, а вокруг головы подвешивают маленькие колокольчики. Хотя у них есть стада крупного рогатого скота и овец, они, как и татары, предпочитают конину любому другому мясу, но, будучи более деликатными,

чем этот народ, едят ее только приготовленной. Они живут в палатках из шкур, расположенных по кругу, оставляя в центре просторное поле, на котором пасется скот в период цветения травы. Когда это начинает давать сбои, они переходят к другой ситуации и таким образом пересекают долины *Кордильер*.

Каждой деревней или стойбищем управляет *ульмен*. По своему языку и религии они не отличаются от арауканцев. Они любят охоту и часто в погоне за дичью пересекают обширные равнины, лежащие между рекой *Плита* и проливом *Магеллана*. В этих походах, которые иногда доходят до *Буэнос-Айреса*, они грабят местность в окрестностях и часто нападают на караваны с товарами, идущие оттуда в *Чили*, с таким успехом, что, как говорят, торговля из-за этого серьезно пострадала. Их любимое оружие - *лак* или *лассо*, которое они носят пристегнутым к поясу. Несмотря на странствующий и беспокойный нрав, *пехуэн-чи* самые трудолюбивые и коммерческие из всех дикарей. Женщины ткут ткани различных цветов; мужчины занимаются изготовлением корзин и разнообразных красивых изделий из дерева, перьев или кожи, которые высоко ценятся их соседями. Собираясь каждый год на границе с Испанией, они устраивают своего рода ярмарку, которая обычно продолжается пятнадцать-двадцать дней, когда в обмен на ископаемую соль, гипс, смолу, покрывала для кроватей, *пончо*, шкуры, шерсть, уздечки, красиво сделанные из плетеной кожи, корзины, деревянные сосуды, перья, страусиные яйца, лошадей и крупный рогатый скот и т. Д. Они получают пшеницу, вино и изделия европейских производителей. Поскольку они очень искусны в торговле, их с трудом можно перехитрить; и когда они предаются удовольствиям от вина, часть из них отделяется, чтобы охранять свое имущество от разграбления. Как правило, они гуманны, самодовольны, любят справедливость и обладают всеми теми хорошими качествами, которые вырабатываются или совершенствуются коммерцией.

The *Чикильянцы*, которых некоторые ошибочно принимают за часть *пехуэн*, живут к северо-востоку от них, на восточной границе *Анд*, и являются самыми дикими и наименее многочисленными из всех чилийцев. Они ходят почти голыми, просто обернув вокруг себя шкуру *гуанако*. Примечательно, что все чилийцы, населяющие восточные долины *Анд*, а именно *пехуэн-чи*, *пуэльчи*, *уилличи* и *чикильянцы*, гораздо более рыжие, чем их соотечественники, живущие к западу от этих гор. Все горцы одеваются в шкуры и раскрашивают свои лица; и, живя в основном охотой, ведут бродячую и неустроенную жизнь. Они, вообще говоря, высокого роста и обладают огромной силой.

ГЛАВА XI.

БРАЗИЛИЯ: ОТКРЫТИЕ РУДНИКОВ; ПОПЫТКА ФРАНЦУЗОВ ЗАХВАТИТЬ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО.

1702-1720.

Поиск драгоценных металлов долгое время разделял с охотой на рабов усилия *Паулиста* и других. Слухи о существовании серебра и золота долгое время вселяли надежды в португальское правительство, и время от времени из какого-нибудь неизвестного места в глубине страны добывали случайный экземпляр. Но вплоть до конца семнадцатого века на самом деле ничего не было известно о местах, где были спрятаны драгоценные минералы.

Однако с началом восемнадцатого века для *Бразилии* наступила новая эра; и открытиям, которые сейчас предстояло совершить, было суждено определить местоположение ее будущей столицы.

В ожидании обнаружения золота и серебра уже давно был издан свод правил, касающихся рудников. Из рассматриваемых постановлений одно предусматривало, что все лица, облеченные властью, были обязаны оказывать первооткрывателям необходимую помощь; но когда примерно в середине семнадцатого века Маркос де Азеведо и его спутник привезли из *Рио-Досе* образцы серебра и изумрудов, единственным результатом для первооткрывателей стало то, что они были брошены в тюрьму в *Баия* и содержались там пожизненно, потому что они упрямо отказывались сообщить правительству о месте своей находки. После их смерти были возобновлены поиски этих шахт, но тщетно. Ветеран по имени Фернандо Диас, однако, в возрасте восьмидесяти лет получил разрешение на новые поиски; и он исследовал всю страну, ныне входящую в состав капитанства *Минас-Жераес*, где основал несколько поселений.

Лиссабонский двор так часто воодушевлялся надеждами, которые оказывались обманчивыми, и так много поисковых экспедиций потерпели неудачу, что теперь его терпение было исчерпано. Старик в течение четырех лет претерпел ряд лишений и невзгод, которые измотали его более молодых товарищей; но в конце концов он был вознагражден тем, что молодой индеец показал ему место, где были найдены изумруды. Исследователь, однако, не дожидаясь возвращения в *Сан-Паулу*, его настигла лихорадка, которая стоила ему жизни. Первое золото, о котором известно, что оно было добыто в этом районе, было найдено примерно в 1691 году, и в следующем году была сформирована экспедиция для исследования района (ныне называемого *Вилла Рика*), где оно было найдено. Когда было получено еще несколько образцов, они были выставлены в *Рио-де-Жанейро* в 1693 году, и в этом году некоему Карлосу Сильверии было присвоено звание *морского of Taboate and Provedor* королевских пятых с приказом основать в этом городе плавильню.,,

К счастью для коренных жителей *Бразилии*, открытие драгоценных металлов было отложено до эпохи несколько более гуманной, чем та, которая была свидетелем оккупации *Хайти* и завоевания *Перу*. Проповеди гуманистов от Лас Касаса до Виейры не пропали даром; и когда, наконец, настал день, когда *Минас-Жерайс* первым сдал свои сокровища, эффект, с точки зрения положения бразильских индейцев, оказался, вопреки ожиданиям, скорее благотворным, чем иным. Жажда золота вытеснила жажду рабов.

Бразильские исследователи на протяжении долгих лет тратили безграничную энергию на поиски рудников; но работа по добыванию их содержимого была гораздо менее трудоемкой. По большей части это была промывка песка, добываемого из рек, или добыча открытым способом; почва, содержащая руду, была разбита кирками и подвергнута воздействию проточной воды. Естественным ходом вещей вскоре собралось большое количество искателей приключений отовсюду; была открыта дорога в *Рио—де-Жанейро*, и в это время были заложены основы многих значительных городов, среди которых был город *Мариана*. На расстоянии нескольких миль находится *Вилья-Рика*, столица капитанства. В другом направлении были обнаружены рудники *Сабара*; и их открытие привело к первой колонизации в направлении истоков *Сан-Франциско*. Короче говоря, наличие золота придавало его неизменное очарование значительной части людей, мечтающих оказаться среди исключительных личностей, которые добиваются богатства, не подвергаясь медленному процессу длительного труда; и таким

образом, одна из наименее привлекательных частей *Бразилии* была быстро колонизирована. Город, который на протяжении стольких лет в значительной степени снабжал Банк Англии основными продуктами питания, обязан своим основанием Томе Кортесу д'Эль Рею.

1702.

Вскоре было признано необходимым изменить существовавшие в то время законы в отношении добычи полезных ископаемых. После открытия золота влиятельные лица, не теряя времени, добились предоставления земли. С ними они во многих случаях были не в состоянии работать; и поэтому они либо передавали их другим, либо оставляли неиспользованными. Поэтому было постановлено, что ни одному человеку не должно выдаваться второго надела до тех пор, пока он не обработает первый; и если земля оставалась после того, как все претенденты получили наделы, ее следовало разделить между теми, кто владел более чем двенадцатью рабами. С другой стороны, когда заявителей было больше, чем долей в установленном масштабе, пропорции должны были быть уменьшены, чтобы все могли быть удовлетворены. Помимо своих пятых, Корона сохранила за собой земельный надел, который должен был быть выделен после того, как первооткрыватель получит свой первый грант. Если в течение сорока дней исследователь не приступал к работе на своей территории, треть ее, после получения информации, присваивалась информатору, остальные две трети переходили Короне, — если только не приводились достаточные причины для задержки. Земельные участки короны сдавались с аукциона; но если торги считались недостаточно высокими, суперинтендант должен был проследить, чтобы индейцы обработали их для казначейства. Ни одно должностное лицо казначейства или юстиции не может владеть грантом или участвовать в нем ни прямо, ни косвенно.

Зарплата суперинтенданта была установлена в размере трех тысяч пятисот *крузадос*; [13] зарплата главного опекуна составляла две тысячи; в то время как подчиненные опекуны получали по тысяче каждый. Казначей также получил три тысячи *крузадо*. Были также заместители казначея, получавшие каждый по пятьсот *крузадо*. Вышеуказанная заработная плата выплачивалась за счет налогов, взимаемых с тех, кто получал прибыль от рудников. Аналогичным образом были приняты различные другие постановления с целью рассмотрения новых дел по мере их возникновения. Гражданская и военная власть была возложена на суперинтенданта. Не разрешалось привозить рабов на рудники из какой-либо другой местности, кроме *Рио-де-Жанейро*; но было разрешено ввозить скот из *Баии*. Все товары должны были отправляться из *Рио* либо через *Табоате*, либо через *Сан-Паулу*; эти ограничения вводились для предотвращения подпольного вывоза золотого песка.

Страсть к азартным играм нигде так не поглощает, как в шахтерском районе; и это не преминуло произойти в *Бразилии*. Даже губернатор *Рио-де-Жанейро* настолько забыл о своем официальном статусе, что отправился в шахтерский район и с энтузиазмом включился в погоню. Таким образом, недаром в новых законах было предусмотрено, что губернатору запрещено посещать округ без специального распоряжения из Лиссабона или в случае какой-либо непредвиденной чрезвычайной ситуации. Привлекательность рудников вскоре сказалась на *Баии*, из-под владычества которой многие преуспевающие поселенцы перебрались в золотой регион, оставив свои фермы без присмотра. Земледелец, который был уверен в богатстве, проявив немного терпения, не мог упустить шанс завоевать его благодаря возможной удаче. Поскольку негры пользовались большим спросом, владельцы сахарных плантаций не

выдерживали конкуренции с авантюристами-горняками. Такое положение вещей оказалось наиболее пагубным для *Бразилии*, поскольку цена на сахар, естественно, выросла пропорционально затратам на его производство, многие заводы были заброшены, а их владельцы разорены. До сих пор Европа снабжалась этим товаром почти исключительно из бразильских провинций; но, поскольку экспорт быстро сокращался, французы и англичане, которые в то время учились выращивать сахарный тростник на своих островах, воспользовались возможностью занять рынки. Поскольку количество основных товаров, таким образом, сократилось, общая торговля сократилась в соответствующей степени.

Тревожные последствия сокращения численности населения внутренних районов побудили правительство запретить провоз рабов из *Баии* на рудники. Для их перехвата были задействованы войска, и было произведено множество конфискаций. Но, несмотря на все усилия, незаконный ввоз продолжался; и в конце концов правительство отменило запрет и разрешило предприятию идти своим чередом. Лиссабонский суд даже согласился с мнением бразильских колонистов о том, что добыча полезных ископаемых более прибыльна, чем выращивание сахара. *Бразилия* стала самой важной частью португальских владений. Его Церковь до сих пор управлялась Конституцией Лиссабона; но теперь в *Баии* был созван синод, и для Колониальной церкви была составлена конституция, соответствующая условиям страны.

1707.

Нельзя было ожидать, что разношерстная толпа авантюристов всех классов, хлынувшая на рудники, долго будет продолжать жить вместе в той же гармонии, какой можно было ожидать от более оседлого сообщества; и *Минас-Жераэс* вскоре приобрел незавидную славу, которая до сих пор принадлежала *Маранхаму*, как самому беспокойному поселению в *Бразилии*. Его жители были разделены на два класса, называемых, соответственно, *паулистами* и *флорастейросами*, или чужаками. Вскоре неприязнь между ними достигла кульминации в том, что они взялись за оружие. Распространился слух, что *паулисты* объединились с целью истребления всех чужаков на рудниках, и вспыхнула гражданская война, которая носила настолько серьезный характер, что потребовала присутствия губернатора с войсками из *Рио-де-Жанейро*. *Флорастейрос*, однако, повезло с выбором командира по имени Мануэль Муньес, благодаря благоразумию которого вскоре был восстановлен некоторый порядок; и по прибытии нового губернатора была объявлена всеобщая амнистия.

1708.

Губернатор, приведя шахты в наиболее удовлетворительное состояние, отправился восстанавливать хорошее управление в районе *Сан-Паулу*, где он нашел людей в состоянии сильного волнения. *Паулиста*, вернувшиеся домой из *Минас-Жераэса*, подверглись жестоким насмешкам со стороны своих жен, обвинив их в малодушии за то, что они не смогли отомстить за своих павших товарищей; результатом стало формирование сильного отряда, который выступил на арену борьбы и отказался слушать увещевания губернатора. Альбукерке, узнав о намерении схватить его лично, позаботился о своей безопасности, сбежав в *Рио*, откуда, не теряя времени, отправил гонцов к *флорастейрос*, чтобы предупредить их об опасности. Последние, в свою очередь, поспешно приготовились отразить нападение, которое было совершенно неожиданным. Выдержав осаду в течение нескольких дней, они были избавлены от опасности известием о приближающихся к ним на помощь войсках *паулистов*, которые в то же время поспешно отступали. Альбукерке предпринял шаги для обеспечения спокойствия в

округе, и вскоре после этого сам был назначен губернатором *Сан-Паулу* и горнодобывающей страны, которая теперь была отделена от капитанства *Рио-де-Жанейро*.

1710.

Обратимся к более северному региону: после затяжной войны, которая на столько лет опустошила провинцию *Пернамбуку*, легко понять, что восстановить порядок, существовавший до прихода голландцев, было отнюдь не легкой задачей; и говорят, что жителям была предоставлена большая свобода действий из-за преданного патриотизма, который они проявили во время борьбы, и жертв, на которые они с такой радостью пошли. С момента изгнания голландцев прошло уже два поколения, и *Ресифи* стал важным торговым центром, к его влиянию с завистью относились землевладельцы *Пернамбуку*. В *Олинде* и окрестностях потомки героев войны теперь составляли аристократию, которая справедливо гордилась тем фактом, что именно усилиям их предков Португалия обязана этой провинцией. Жители *Ресифине* без оснований требовали, чтобы этому важному месту были предоставлены привилегии города; но этой просьбе долго сопротивлялась ревнивая *Олинда*. Имя *С. Антониу-ду-Ресифи*, или Святой Антоний Риф, был, однако, в конце концов присвоен месту, которое стало третьим или, возможно, вторым по значимости портом в *Бразилии*.

Состояние общественной безопасности в провинции, безусловно, в то время оставляло желать лучшего. Убийство было настолько обычным явлением, что арест двух человек за убийство джентльмена ночью в его доме считался актом притеснения со стороны губернатора. Симпатии народа были не на стороне жертвы или закона, а на стороне преступников, и был составлен заговор с целью убийства неразумного губернатора. Этот чиновник, приказав людям сдать оружие в арсенал, вскоре после этого подвергся нападению трех вооруженных людей в масках и был ранен в четырех местах. Этот инцидент был всего лишь прелюдией ко всеобщему восстанию, и губернатор, позаботившись о своей безопасности, укрылся на судне, которое было готово выйти в море. Он взял с собой в *Баию* тех людей, которые, как считалось, были отмечены народной мстостью, поскольку они были одними из главных жителей *Ресифи*.

Через два дня после его отъезда в этот город вошли повстанцы, когда было объявлено, что его недавно приобретенные привилегии аннулированы. Взломав тюрьму в *Олинде* и освободив заключенных, они приступили к обсуждению того, какие шаги следует предпринять дальше; когда было решено вызвать епископа, который был назначен временным губернатором. Его первым действием было провозглашение полного и повсеместного помилования от имени короля, после чего были составлены процессуальные документы и отправлены свидетельские показания в Лиссабон. Едва ли нужно добавлять, что тем временем общественная безопасность не была значительно усилена. Улицы *Ресифи* стали настолько небезопасными, что жители сочли необходимым запереть свои дома в час *Аве Мария* колокола.

Виейра де Меллу, командовавший экспедицией против негров из *Пальмареса*, в это время появился на сцене; и случай, произошедший в его семье, покажет ужасающее состояние нравов, царившее тогда в провинции. Его сын, справедливо или нет, подозревал в верности свою жену, которая жила на сахарной плантации в глубине страны. Туда муж отправился с многочисленными последователями. Он, не теряя времени, предал смерти человека, которого обвинял. Однако, поскольку дама в то время была заключена в тюрьму, ее отправили на попечение его матери до рождения ее ребенка, когда ей предстояло разделить судьбу своего возлюбленного. Таким образом, целая семья стала участниками этого хладнокровного дела.

Младший Виейра открыто появился в *Ресифи*, не только признавшись в совершенном им преступлении, но и объявив, что его месть еще не завершена. Поскольку дело приобрело дурную славу, достойный монах обратился к епископу-наместнику с просьбой предотвратить задуманное преступление; но осторожный прелат отказался вмешиваться в частные дела дворян, которые, по его словам, не должны жить в опале.

Целью приезда Виейры на данном этапе было стать лидером республиканской партии, которая была многочисленна в провинции. Он предложил вступить во владение фортами и, если новый губернатор, которого ожидали со дня на день, не добьется полного помилования, отказать ему во въезде и провозгласить республику. Жители *Ресифи*, однако, были лояльными подданными. Подозревая о намерениях Бернардо Виейры, они сообщили губернатору *Параибы* о его замыслах и о своей готовности помочь на службе королю. Губернатор *Параибы* написал епископу, призывая его быть настороже. Прелат, по—видимому, не был настроен к нему враждебно; но, поскольку его замыслы были общеизвестны, он был вынужден попросить его уехать из *Ресифи*- просьба, которая была удовлетворена уклончиво.

1711.

Ссора, возникшая между несколькими солдатами *Ресифского* полка и группой людей Бернардо Виейры, стала средством доведения дела до кульминации. *Солдаты* *Ресифи*, выбежавшие из церкви, в которой они нашли убежище, заставили барабанщика отбивать время встречи, а сами подняли крик “Долой предателей!”. Офицеры встали во главе их, епископ удалился в коллегию иезуитов, а Бернардо Виейра был быстро арестован. Теперь форты охранялись надежными людьми. Войска выпустили прокламацию, подтверждающую их собственное поведение и их верность королю. Но тем временем противная сторона собрала свои силы в *Олинде*; и землевладельцы, к которым присоединился епископ, приготовились осадить *Ресифи*, перехватив поставки продовольствия в этот город. В этом критическом положении дел благоразумный епископ счел нужным отправить правительство в отставку.

После этого началась гражданская война. Независимая партия надеялась уничтожить *Ресифи* голодом; но роялисты, как и голландцы до них, контролировали порт. Повстанцы имели превосходство на поле боя; и гарнизону *Ресифи* пришлось отправить судно в *Баию* чтобы представить себе опасность и обратиться за помощью к генерал-губернатору. После того, как осада продолжалась три месяца, к счастью, появился португальский флот с новым губернатором на борту. Власти *Олинды*, не теряя времени, послали на борт сообщение о том, что *Ресифи* находится в руках мятежников; но комендант этого места заранее сопровождал их, лично поднявшись на борт. Мачадо вошел в *Ресифи* и на следующий день вступил во владение своим правительством в *Олинде*. Затем он приступил к проведению справедливого расследования прошлых обстоятельств, беспристрастно выслушав все стороны. Затем главные преступники были арестованы и отправлены в Лиссабон, где двое из них были приговорены к пожизненному изгнанию в Индию, остальным было разрешено вернуться в *Бразилию*. Последствия этой гражданской войны серьезно ощутили на себе многие знатные семьи *Пернамбуку*.

1710.

До сих пор *Рио-де-Жанейро* в течение многих лет избегал своей доли неприятностей, с которыми по очереди сталкивались другие главные центры бразильской колонизации. Однако в

год, предшествовавший вышеупомянутым событиям в *Ресифи*, будущая столица *Бразилии* была ареной войны. Сообщалось, что у мыса *Фриовидели* пять крупных кораблей. Когда они приблизились к берегу, были поданы обычные сигналы, но остались без ответа; и все сомнения относительно их характера рассеялись после захвата ими небольшого судна, находившегося в пределах видимости фортов. Это действительно оказалась французская эскадра под командованием *господина дю Клерка*, целью которой было разграбление города, который когда-то, казалось, должен был принадлежать Франции, а теперь, как предполагалось, содержал большую часть продукции недавно открытых рудников.

В это время в *Рио-де-Жанейро* находилось не менее восьми тысяч военнослужащих, не считая пяти тысяч вооруженных негров и мулатов и шестисот индейцев. Тем не менее, не было предпринято никаких попыток помешать французам высадиться в месте примерно в сорока милях от этого города, хотя их силы насчитывали всего около тысячи двухсот пятидесяти морских пехотинцев. Им было разрешено неторопливо пройти через лес, губернатор удовлетворился тем, что занял укрепленную позицию недалеко от холма *Сан-Антонио*.. Его действия вселили в французов ложную уверенность. Однако они были атакованы одним разведывательным отрядом и потеряли несколько человек. По прибытии в город им разрешили провести ночь без помех на плантации иезуитов. Однако на следующее утро они столкнулись с решительным сопротивлением отряда, возглавляемого монахом по имени Менезес, который сильно отличился в этом случае.

При входе в город французские войска были разделены на две группы, меньшая из которых была отрезана, люди быстро рассеялись и поддались панике. Губернаторский дворец защищался несколькими студентами и подвергся энергичной атаке основных сил французов в надежде захватить губернатора. Последовал острый конфликт, и французский лидер был рад удалиться с остальными своими людьми на большой склад на набережной. Он был уверен, что другой его отряд овладел городом, будучи введен в заблуждение колокольным звоном из-за своего поражения. В этом состоянии у него не было другого выхода, кроме как сдаться по собственному усмотрению. Успех португальцев был омрачен большой жестокостью по отношению к своим пленным. Несколько человек, просивших пощады, были убиты чернью; в то время как около ста пятидесяти были убиты на улицах. Всего было убито около четырехсот французов, двести пятьдесят ранено и шестьсот взято в плен. Из португальцев погибло сто двадцать человек; многие, как говорят, пали от рук своих соотечественников во время беспорядков.

Вся история этого дела не ставит в заслугу ни португальскому губернатору, ни жителям *Рио-де-Жанейро*. Имея в своем распоряжении такие большие силы, первому должно было быть легко привлечь захватчиков к ответственности за гораздо более короткое время и с гораздо меньшими потерями для себя; что касается населения, то французы даже обвиняют его в убийстве врачей, которые были отправлены на берег с французских кораблей, с разрешения губернатора, для оказания помощи своим раненым соотечественникам; в то время как несколько месяцев спустя сам *г-н дю Клерк* был найден убитым в своем доме. Последний акт, вероятно, был результатом личной мести; но большая вина возлагалась на португальские власти за то, что они не провели никакого расследования по этому делу.

Бесчеловечность, с которой обращались с заключенными, а также пассивность провинциальных властей в вопросе смерти *г-на дю Клерка* вызвали, как и следовало ожидать, большое возмущение во Франции. Знаменитый *Дю Ги-Труэн* предложил предпринять экспедицию в *Бразилию*, чтобы утвердить национальную честь. Силы, предоставленные в его распоряжение, состояли всего из пятнадцати судов, два самых больших из которых несли по семьдесят четыре орудия на каждом. Французский адмирал отплыл из *Ла-Рошели* 9 июня 1711 года; но он прибыл из *Баии* только 27 августа следующего года, и только 11 сентября он достиг места назначения.

Подготовка столь обширных военно-морских сил, хотя и проводилась со всей возможной секретностью, не могла быть неизвестна португальскому правительству; и соответственно, отплытие бразильского флота было ускорено под сильным конвоем. Флот достиг *Рио* в начале сентября, и, таким образом, можно было ожидать прибытия французов. Тем не менее, по прошествии нескольких дней португальский адмирал *Да Кошта*, придя к выводу, что тревога была ложной, передислоцировал людей, которых он разместил на борту кораблей для защиты города, и вернулся к ложной безопасности. 10-го стало известно, что неприятельский флот миновал мыс *Фриу*; а утром 12-го, среди густого тумана, на берегу великолепной бухты была слышна их артиллерия. Французы, которых вел офицер, знакомый с портом, сдали форты, потеряв триста человек, и к полудню были вне города. Неспособный адмирал, у которого не хватило терпения настойчиво принимать меры, необходимые для отражения вторжения, о котором он был достаточно предупрежден, теперь потерял присутствие духа. Командиры его кораблей получили приказ перерезать тросы и поджечь свои корабли, когда они подведут их к берегу.

Французский командующий воспользовался наступившей ночью, чтобы произвести свои приготовления; и на следующее утро он овладел островом *Кобрас*, который португальцы готовились покинуть. 14-го он высадил свои войска численностью в три тысячи триста человек, не считая пятисот человек, страдавших цингой, которые вскоре смогли вернуться к своим обязанностям. Губернатор возобновил тактику предыдущего года. Хотя его силы были вдвое больше, чем у французов, он позволил последним продолжать свои действия без малейшего сопротивления. Вероятно, он рассчитывал на аналогичный результат, если бы французский адмирал последовал примеру *Дю Клерка*, позволив своим людям ввязаться в уличную драку; но последнего предупредила судьба его соотечественников.

Установив одну батарею на берегу, а другую на острове *Кобрас*, *Дю Ги-Труэн* призвал губернатора сдаться по собственному усмотрению, заявив, что он был послан своим хозяином отомстить за жестокости, совершенные португальцами в предыдущем году. На это *Де Кастро* ответил, что с предыдущей экспедицией обошлись в соответствии с законами войны, на которые они не имеют права, поскольку вторглись в *Бразилию* как пираты и без разрешения короля. Он спас шестьсот жизней от ярости народа; у него не было недостатка ни в каком уважении к своим пленникам. По его словам, обнаружить убийцу *господина дю Клерка* было невозможно. На призыв сдаться он ответил, что готов до последнего защищать город, доверенный ему его королем.

На следующий день после получения этого ответа французский адмирал обстрелял португальские укрепления и приготовился атаковать их на следующее утро. Случайное обнаружение его ночных передвижений, вызванное яркой молнией, побудило его

предвосхитить свой план; и канонада продолжалась всю ночь. Жители, несмотря на ярость сильной тропической грозы, предпочли найти убежище в сельской местности. Все население бежало, войска также были охвачены паникой; и утром *Рио-де-Жанейро* без сопротивления перешел в руки французов, пятьсот их недавно попавших в плен соотечественников были теперь заняты разграблением города, который был предан всеобщему разграблению. Несмотря на все усилия командира, три четверти домов и складов были взломаны в первые двадцать четыре часа. Замешательство было столь велико, что португальцы, воспользуясь они случаем, могли бы во второй раз хорошенько рассчитаться со своими захватчиками; но с их стороны таких усилий предпринято не было, и форты были сданы с позорной готовностью.

Губернатор тем временем укрепился примерно в лиге от города, послав за помощью к губернатору *Минаса*. Однако французский командующий, прибывший сюда ради репрессий и грабежа, стремился только к тому, чтобы поскорее уехать. Понимая трудность получения запасов провизии, он послал сообщить губернатору, что, если город не будет немедленно выкуплен, он сожжет его дотла. Поскольку ничто не могло помешать французскому адмиралу привести свою угрозу в исполнение, Де Кастро предложил городу выкуп за шестьсот тысяч *крузадос*. Это предложение было сначала отклонено, но в конечном итоге принято с дополнительным условием поставки большого количества крупного рогатого скота; вся сумма должна быть оплачена в течение пятнадцати дней. Де Кастро, как и можно было ожидать от него, проявил в этом вопросе мало осмотрительности, ибо на следующий день после подписания соглашения Альбукерке прибыл из *Минаса* с тысячей пятьюстами всадниками и таким же количеством пеших солдат позади себя; за ними на расстоянии дня или двух следовали шесть тысяч негров. Несколько удивительно, что этот способный и независимый офицер, командующий силами, вдвое превосходящими по численности французов, не напал на них по собственному почину. Условия соглашения, однако, были пунктуально соблюдены, и 4 ноября французы снова погрузились на корабль.

Возможно, будет интересно рассказать о последующей судьбе этой экспедиции, которая, следует отметить, была снаряжена не за счет французской короны, а за счет шести человек, участвовавших в ней в качестве спекулянта; пятеро из них были купцами из Сен-Мало, а шестой - управляющим королевским двором. Расходы на снаряжение были рассчитаны в 1 200 000 *ливров*. Проект был должным образом одобрен правительством, корабли и войска которого были предоставлены в распоряжение командующего. Этот офицер был так воодушевлен своим успехом в *Рио-де-Жанейро*, что отплыл в *Баию* с намерением реквизировать и это место. Его спасли встречные ветры, с которыми Дю Ги-Труэну пришлось бороться в течение шести недель, когда из-за состояния своих припасов он счел необходимым отправиться во Францию. В штормовую погоду, с которой они столкнулись во время возвращения домой, два судна эскадры затонули, одно из них было лучшим кораблем флота под командованием *г-на де Курсерака*, который первым вошел в гавань *Рио*, и на судне которого находилось очень много сокровищ. Третье судно было загнано в *Кайенну* там затонуло. Однако партнерам оставалось получить девяносто два процента прибыли. на их столицу.

Франсиско де Кастро, губернатор *Рио-де-Жанейро*, еще не решил своих проблем с уходом французов. Народ, потерявший так много собственности, а также чести из-за его невезения или неумелого управления, отказался больше подчиняться ему и настаивал на том, чтобы Альбукерке принял власть до тех пор, пока не будет известно о воле короля. Королю было

угодно, чтобы де Кастро был смещен и предан суду; он был унижен и приговорен к вечному заключению в форте в Индии. Два других офицера также были сурово наказаны.

1713.

Успех эскадрильи под командованием Дю Ги-Труэна был настолько значительным, что второе вооружение было укомплектовано за счет частных лиц, но при содействии правительства. Ее целью была *Байя*; но ее командир отличался от того, кем был отлит Дю Ги-Труэн. *Баия* была пощажена, и он удовлетворился высадкой на нескольких небольших сахарных островах. Португальские колонии, однако, вскоре были избавлены от дальнейших тревог благодаря Утрехтскому миру, по которому они получили полный суверенитет над обоими берегами *Амазонки*, а Франция с большой неохотой уступила все притязания на страну между этой рекой и *Ояпоком*. Также было оговорено, что французы не должны торговать с *Маранхемом*.

1720.

Шахтерам была выражена благодарность за оперативность, с которой они оказали помощь для освобождения *Рио*; а *Сан-Паулу*, как столица капитанства, получил звание города. Некоторое представление о величине добычи на рудниках в то время может составить тот факт, что в 1714 году государственные пяты были заменены на сумму, эквивалентную примерно 50 400 фунтам стерлингов. Однако три года спустя размер компенсации был увеличен на одну четверть. В 1720 году страна *Минас-Жерайс* была отделена от *Сан-Паулу* и объявлена отдельным капитанством.

Примечание. Боюсь, читатель заметит в этом произведении недостаток, который никоим образом не ускользнул от внимания автора, но который он считал невозможным полностью восполнить. Почти в каждой главе встречаются уведомления о крупных денежных операциях, при этом котируются монеты, которые в то время были в ходу в Испании и Португалии соответственно. Конечно, можно было бы приблизительно определить относительную стоимость к данному стандарту этих различных монет соответственно в любой отдельный период; но стоимость золотых и серебряных монет того же названия менялась так постоянно и так значительно, что невозможно установить определенный стандарт стоимости всей области, которой посвящена эта работа, на протяжении какой-либо значительной части периода, которому она посвящена. В качестве примера тенденции вводить в заблуждение, принимая любую фиксированную монету за стандарт применительно к денежным операциям Южной Америки, я могу упомянуть, что в *Буэнос-Айресе* в 1866 году я обнаружил, что аргентинский *доллар*, монета, которую большинство английских читателей, естественно, оценили бы как эквивалент четырех шиллингов, стоил ровно два пенса. Это, конечно, относится к бумажному *доллару*; но он будет законным платежным средством при оплате сумм, указанных в *долларах*, если не указано иное.

ГЛАВА XII.

БРАЗИЛИЯ: ОТКРЫТИЕ АЛМАЗНОГО РАЙОНА.

1724-1749.

1724.

Шахтерские районы несколько раз становились ареной серьезного и длительного сопротивления официальным властям из-за правил, касающихся порядка взимания королевской доли, которые были введены с целью предотвращения контрабанды. Было сочтено необходимым подать суровый пример зачинщикам восстания, и с тех пор шахтерское население стало подчиняться закону. Было установлено, что все золото должно было проходить через королевскую плавильню, прежде чем выплачивать королевские пятые, которые теперь были восстановлены. Благодаря своевременному открытию, жители рудников избежали опасности негритянского восстания; и в результате так много негров ушло в леса, что люди опасались того же бедствия, что и в случае с *Пальмарес*. Чтобы предотвратить такую непредвиденную ситуацию, были учреждены капитаны бушей, в обязанности которых входило задерживать бродячих негров, за которых они получали деньги за голову от своих хозяев. Во многих случаях утверждалось, что капитаны бушей, чтобы получить вознаграждение, практиковали арест негров, которые не были беглецами, и что это учреждение причиняло обществу лишь на одну ступень меньше беспокойства, чем зло, которое ему было поручено подавлять - эти люди также имели обыкновение задерживать негров и наживаться на их труде.

Массовый приток негров в *Минас-Жерайс* вызвал опасения, которых не было нигде в *Бразилии*, и, как следствие, был издан приказ, запрещающий формирование свободных чернокожих в отдельные роты и требующий, чтобы они смешивались с белыми солдатами. Ни одно лицо, являющееся мулатом четвертой степени, не могло быть обычным судьей или занимать какую-либо муниципальную должность в *Минас-Гераэсе*. Теперь способ добычи полезных ископаемых претерпел значительные изменения. Вместо того чтобы вскрывать выемки и переносить продукцию насыпью на промывку, вода подавалась на площадку для добычи полезных ископаемых и, смывая плесень, дробила блоки в ямах или деревянных желобах, что значительно экономило трудозатраты. Поскольку энергия воды, таким образом, стала ценным достоянием, те, кто владел водными путями, извлекали из этого большие преимущества. Однако их притязания были настолько экстравагантными, что было сочтено необходимым установить свод законов, регулирующих распределение воды.

Открытие рудников привело к столь значительному увеличению богатства, что строгие ограничения на иммиграцию иностранцев в *Бразилию* были введены более строгими, чем когда-либо. Им был не только запрещен въезд в страну, но и никто не мог отправиться в нее, если только он не был назначен там на какую-либо должность или если он не был слугой португальского происхождения, сопровождающим своего хозяина. Даже португальцы должны были быть обеспечены паспортами; и духовенство также находилось под ограничениями.

The *Паулиста*, которых в *Минас-Гераэсе* было значительно больше, чем незнакомцев, искали и нашли новое поле для своей энергии. Именно предприимчивости одного из представителей

этого класса людей, по имени Паскуаль Кабрал, было обязано открытие рудников в *Куябе* в центре Континента, — рудников, которые более естественно должны были выпасть на долю испанцев из *Парагвая* или из *Санта-Крус-де-ла-Сьерра*. Путешествие туда из *Сан-Паулу* было долгим и трудным, а в дальнейшем сопровождалось немалым риском, поскольку вело путешественника через родную страну свирепых *пуаягуасов*. Эти люди сделали путешествие в *Куябу* настолько опасным, что, когда там была основана колония, оттуда было отправлено хорошо вооруженное судно для ожидания ежегодного каравана торговцев на реке.

Как только стало известно о богатстве местности, скот и припасы были переправлены в *Куябу*, но с бесконечными трудностями и соразмерными затратами. Добыча полезных ископаемых в *Куябе* была сопряжена с опасностью, от которой *Минас-Гераэс* был избавлен, а именно с присутствием враждебных и решительных индейцев. Военная дисциплина была признана необходимой для самосохранения; но отношение дикарей, по крайней мере, привело к хорошему результату, заставив поселенцев подавить свою собственную зависть и разногласия и выступить против них за общее дело. Таким образом, поселение *Куяба* вскоре начало процветать так же, как и поселение в *Минас-Гераэсе*. Поскольку путь туда по воде был таким извилистым и трудным, губернатор *Сан-Паулу* предложил вознаграждение за открытие сообщения по суше; и эта цель была достигнута Мануэлем де Ларой, который основал дом в том месте, где пересекалась *Парана*, чтобы можно было зарегистрировать золото и получить королевские пяты. Но такой способ взимания пошлин оказался неэффективным в стране, где контрабанда была такой легкой; и было сочтено целесообразным прибегнуть к подушному налогу с рабов.

После долгих колебаний аналогичная мера была принята в отношении налогообложения *Минас-Жерайша*, где были применены почти все мыслимые ухищрения, чтобы обмануть корону королевских квинтов, — такие меры, например, как подкуп ювелиров и использование монет. Поэтому было настоятельно рекомендовано увеличить королевскую долю путем обложения налогом продукции в соответствии с количеством занятых рабов; и задача введения этой меры была возложена на нового губернатора Гомеса Фрейре де Андраде, сына выдающегося Гомеса Фрейре, который восстановил порядок в *Маранхаме*.

Когда указ о капитуляции был вывешен в общественных местах по всей территории капитанства, жители двух округов сорвали прокламацию и приготовились сопротивляться взиманию налога; но новый губернатор был настолько миролюбив, что это угрожающее волнение было подавлено; и мир в провинции был счастливо обеспечен открытием в это время нескольких новых рудников, что способствовало всеобщему процветанию, распространявшемуся на все население.

Но не только золоту *Бразилия* была обязана внезапным ростом своего процветания, произошедшим в начале восемнадцатого века. Уже давно ходили слухи о существовании алмазов; и некто Бернардино да Фонсека Лобо нашел образцы этих драгоценных камней в *Серро-ду-Фриу*, которые он отправил домой в Португалию и которые обеспечили ему титул капитана *Вилья-ду-Принсипи* на всю жизнь. Бриллианты были объявлены роялти и облагались теми же пошлинами, что и золото. Однако было трудно взимать эти пошлины таким же образом, поскольку ни по количеству, ни по весу, ни по мере нельзя было разработать какой-либо справедливый план изъятия королевских пятых. Поэтому было принято решение о подушном налоге с нанятых рабов. Алмазы, как и золото, должны были перевозиться только на

королевских кораблях, в размере одного процента. за их стоимость взималась плата за фрахт. Результат этого последнего открытия продукции *Бразилии* был таков, что в течение двух лет цены на алмазы в Европе упали на семьдесят пять процентов. Собственность частных лиц оказалась под настолько серьезной угрозой, что было признано необходимым без промедления принять меры по ограничению количества добываемых алмазов.

Для достижения этой цели, с помощью которой цены на алмазы должны были поддерживаться искусственно, было предложено несколько мер, и их мнение было передано коммерсантам. Совет доктора Жоама Мендеса заключался в том, что алмазная страна должна быть зарезервирована для использования королем; что на нее должны распространяться особые законы; и что алмазы должны добываться за счет короля медленно. После должного обсуждения Суд постановил последовать данному таким образом совету в той мере, в какой необходимо сохранить алмазную страну и ограничить добычу, но не предпринимать это за свой счет. Поэтому офицеру было поручено обозначить границы запретного района, и был наложен столь суровый штраф, что все, кроме нескольких человек, не могли заниматься поисками драгоценных камней. Считалось, что они могут быть выставлены на продажу только по высокой цене.

При правительстве Гомеса Фрейре был заключен контракт на использование шестисот рабов для добычи алмазов, ежегодный подушный налог должен был выплачиваться с рабов двухсот тридцатимилрейсов. Корона должна была иметь возможность приобретать камни выше определенного размера. Когда по истечении четырех лет срок действия этого контракта истек, он оказался настолько выгодным, что капитальная надбавка была увеличена до двухсот семидесятимильрейсов; в то время как Казначейство должно было каждый год предоставлять подрядчику кредит на шестьдесят тысяч милрейсов из двухсот шестидесяти двух тысяч, на которые он был нанят. Эта договоренность соответствовала взглядам всех сторон. Европейские гранильщики придерживали свои запасы до тех пор, пока время не сотрет последствия внезапного избытка; и хотя они утверждали, что бразильские алмазы уступают восточным, они не преминули выдать первые за вторые. Утверждается даже, что они отправляли бразильские камни в *Гоа*, чтобы оттуда найти обратный путь в Европу, пока не была установлена равная стоимость бразильских алмазов с индийскими.

The Серро-ду-Фриу, в котором были найдены эти алмазы, были впервые исследованы двумя бразильцами, вероятно, из городка *Вилья-ду-Принсипи*, который датируется началом века. Границы *Минас-Жераэса* на востоке проходят вдоль соседних провинций *Рио-де-Жанейро*, *Баия* и *Пернамбуку*. К северу и западу простиралась неопределенная протяженность незанятой территории. На юге провинция ограничена провинциями *Сан-Паулу* и *Рио-де-Жанейро*. Все капитанство - это часть огромного горного хребта. Двухмесячная зима начинается в мае, когда средняя температура составляет около 50 ° по *Фаренгейту*; в жаркое время года температура никогда не превышает 80 °. Сезон дождей длится с октября по май, иногда дожди продолжаются несколько дней подряд. Капитанство *Минас Гераэш* было разделено на четыре округа, из которых в *Серро-ду-Фриу*, называемом также запретным районом, находились алмазные месторождения.

Этот район может похвастаться бесчисленными вершинами, некоторые из которых огромной высоты, которые представляют собой картину альпийского величия и запустения — величия,

которое дополняется великолепными водопадами, в которые во многих местах собираются воды региона, прежде чем они впадают в реки, осушающие район.

Португальцы теперь продвигались в нескольких направлениях вглубь *Бразилии*; особенно вверх по *Амазонке* и многочисленным притокам этого потока. *Паулиста* и жители *Минас-Жераеша* расселились по обширному региону, лежащему за капитанствами *Баия* и *Пиауи*, который сейчас образует провинцию *Гояз*; в то время как из *Куябы* поселенцы продолжали продвигаться к миссиям *Чикито* и *Моксо*, а также в направлении западной ветви *Токантинса*. Таким образом, они закрепили за Португалией территорию площадью в двести тысяч квадратных миль, которая сейчас образует провинцию *Матту-Гросу*.

Название *Гояз* происходит от племени *гойя*. Первым первооткрывателем его минеральных богатств был *Паулиста* по имени Мануэль Корреа, который в семнадцатом веке пробрался туда во главе отряда охотников за рабами. Он привез несколько образцов золота, что побудило другого искателя приключений пойти по его стопам. Он тоже нашел золото в одной из рек, впадающих в *Амазонку*. Этого второго искателя приключений, по имени Буэно, сопровождал в другой экспедиции его сын, которому тогда было всего двенадцать лет. Они нашли женщин *Гойи*, одетых в золотые украшения, подобранные со дна ручьев. Это было в 1670 году, еще до наступления эпохи бразильской добычи полезных ископаемых. Пятьдесят лет спустя сын Буэно предложил губернатору *Сан-Паулу* отправиться на поиски места, которое он посетил в детстве и которое после трехлетних поисков снова нашел. Он собирал золото из пяти разных ручьев, где его назначили основать колонию в звании *Capitam Mor*.

Шахты *Гояза* вскоре сравнялись с шахтами *Куябы* и имели преимущество в более коротком и безопасном сообщении со старыми поселениями. Провизия регулярно поступала из *Сан-Паулу*, но не в достаточных количествах, чтобы поспевать за ростом населения. Спрос на продукты питания побудил часть общины посвятить себя разведению крупного рогатого скота и обработке земли - занятиям, которые вскоре оказались даже более прибыльными, чем добыча полезных ископаемых. Через десять лет колония, требующая отдельной юрисдикции, была преобразована в провинцию *Сан-Паулу*; двенадцать лет спустя она была объявлена капитанской. Его столица, *Вилла Боа*, была зафрахтована в 1739 году.

1734.

Рудники были впервые обнаружены в *Матто-Гросу* в 1734 году на берегу реки *Сараре*. Они тоже были найдены *Паулистой*. В первые годы золото находили в большем изобилии, чем в любом другом квартале; но первые искатели приключений испытывали наибольшие трудности из-за нехватки провизии. Даже предметы первой необходимости подорожали до уровня голода. Золота было недостаточно, чтобы уберечь многих от голода из-за нехватки еды. Поселение, наконец, успокоилось с прибытием скота из *Куябы*; но только после того, как первоначальный первооткрыватель, который в то время разбогател, пал жертвой болезни.

1742.

Несомненные богатства региона, однако, не преминули обеспечить должный приток поселенцев; и была открыта дорога в *Куябу* из *Гояза*, по которой был завезен должный запас скота. Среди немногих выживших в первый несчастный год был Манозль Феликс де Лима, которому было суждено совершить замечательный географический подвиг, отыскав путь от рудников *Франсиско Ксавье* в *Матто-Гроссо* до испанских поселений в *Санта-Мария*-

Магдалена. Здесь можно дать краткий очерк этого путешествия, иллюстрирующий огромные природные и другие трудности, с которыми пришлось столкнуться первым исследователям внутренних районов *Бразилии*.

Мануэлю де Лима, уроженцу Португалии, не удалось обогатиться в погоне за золотом; цены были очень высоки; и, устав от оседлой жизни, он уговорил нескольких товарищей присоединиться к нему в путешествии вниз по реке. Группа состояла из пятидесяти человек, включая рабов и индейцев. Все они были либо без гроша в кармане, либо по уши в долгах и были рады любому предлогу, чтобы сбежать от своих кредиторов. Спустившись вниз по *Сараре* на каноэ, они оказались на *Гуапоре*, когда запаслись припасами для предстоящего им путешествия вниз по реке, которая теперь на значительном расстоянии образует границу между *Бразилией* и *Боливией*.

На десятый день путешествия искатели приключений высадились на правом берегу, в устье ручья, где они обнаружили следы недавнего лагеря, разбитого отрядом под командованием некоего Алмейды, который за шесть месяцев до них отправился из поселения на охоту за рабами и вскоре присоединился к ним здесь. Алмейде сообщили, что спускаться вниз по течению будет опасно из-за характера местных жителей; поэтому он предложил подняться вверх по меньшей реке, где он мог бы преследовать свою цель в большей безопасности. Это известие обескуражило большую часть отряда Мануэля, но не самого лидера; он решил продолжать свой путь, несмотря на дезертирство четырнадцати человек из его числа.

Спускаясь вниз по *реке Гуапоре*, на следующий день они обнаружили деревню, из которой индейцы бежали при их приближении. Течение ручья привело их к обширному озеру, где водилось множество крокодилов, и возле которого они поймали индейца и имели некоторое общение, не совсем дружеское, с другими. Возобновив свое путешествие, они добрались до части реки, вдоль которой стояли жилища и было много каноэ; но как только кто-нибудь из людей увидел их, они подняли крик и убежали. Лоцман шел впереди с двумя неграми в небольшом каноэ, и однажды они напали на нескольких индейцев, которым, однако, удалось спастись бегством. На следующее утро, как и следовало ожидать, несколько каноэ пустились в погоню за агрессорами, лидером отряда был молодой человек, на которого напали накануне. Дело, однако, закончилось мирно, индейцы получили подарки. День или два спустя они подстрелили на реке антилопу и, высадившись, нашли кусок ткани и крест, которые были явными признаками обращенных индейцев, некоторых из которых они встретили на следующий день.

Следуя вдоль широкого ручья, Мануэлю посчастливилось встретить еще одно каноэ, полное обращенных индейцев, один из которых взялся проводить его отряд. Теперь этот туземец вошел в ручей, который впадал в *Гуапоре* слева, и на котором к ним вскоре обратились с каноэ по-испански. Теперь искатели приключений оказались посреди лабиринта островов и протоков, по которому они могли бы блуждать бесконечно, если бы у них не было проводника. Однако они были близки к тому, чтобы потерять его, но перед отъездом он заверил их, что они прибудут в *Сан-Мигель* следующим вечером. К их удивлению, их проводник появился снова на следующее утро и провел их по бесконечному количеству запутанных каналов.

Когда они были недалеко от *Сан-Мигеля*, проводника послали вперед с письмом к миссионеру; и когда искатели приключений последовали за ними, их появление возбудило такое любопытство, что люди даже забрались на деревья, чтобы посмотреть на них. В этот момент

товарищей Манозля охватило предчувствие опасности, вызванное мыслью о том, что *Паулиста* не мог рассчитывать на хорошее обращение ни со стороны иезуитов, ни со стороны их учеников. Манозль взял на себя опасную задачу первым представиться. Как только он приземлился, его встретило несколько стариков, которые, к его большому удивлению, приняли его за епископа и, преклонив колени, попросили у него благословения. Миссионер из *Сан-Мигеля* оказался немцем с почти восьмидесятилетним стажем. Это “Сокращение” располагалось на реке *Баурес*, в двадцати милях от ее слияния с *Гуапоре*; это была одна из миссий *Моксо*. Миссионер командовал примерно четырьмя тысячами индейцев, которые убили нескольких его предшественников.

Из *Сан-Мигеля* Мануэль де Лима спустился по ручью к *Гуапоре* и подошел ко второй реке, называемой *Магдалена*, на берегу которой располагалась одноименная миссия. Поднявшись по ней, он и его спутники на десятый день достигли возделанных полей; от индейца они узнали, что немецкий миссионер прислал известие об их прибытии по суше. С наступлением темноты из “Редуцирования” прибыло каноэ, доставившее путешественникам долгожданный подарок в виде двух дюжин кур и кое-какой другой провизии. На следующий день Манозль, нарядившись в потрясающий костюм, отправился с визитом к двум миссионерам, венгру и итальянцу, которые вежливо приняли его и угостили его и его спутников обильной трапезой.

Миссия *Магдалины* была процветающей; церковь представляла собой просторное здание с тремя нефами; каждая колонна была сделана из высокого дерева. Некоторые индийские резчики поразили португальцев красотой работы, которой они украшали кафедру. Золотая икса, присланная из *Лимы*, была оценена в три тысячи пятьсот сребреников; иезуиты показали путешественнику тридцать драпировок из ткани и парчи, присланных из *Лимы* и *Потоси*. Поселение было обнесено квадратной стеной, внутри которой было значительное пространство, чтобы хватило места для складов и садов. Здесь были мастерские для ткачей, плотников и резчиков по дереву; *энгенхо*, где производились ром и сахар; общественные кухни, а также запасы. Плантации, примыкавшие к поселению, простирались на несколько лиг вдоль реки, а лошадей и крупного рогатого скота было очень много.

Но, хотя португальцам было оказано всяческое гостеприимство и внимание, им не разрешили уехать, не получив намека на то, что “сокращение” было достаточно сильным, чтобы быть способными к самообороне в случае слишком частых или нежелательных визитов их соотечественников. На второе утро, после завтрака, восемьдесят всадников устроили тренировку на большой площади. Когда они завершили свои маневры, обе стороны площади были заполнены лучниками, которые выпускали свои стрелы в воздух так, чтобы они попадали в промежуточное пространство. Они так разгорячились в своих упражнениях, что Мануэль де Лима несколько встревожился и из предосторожности выстрелил из своего пистолета в воздух, после чего лучники сочли нужным разойтись. Иезуиты заявили, что миссионеры могли бы вывести на поле боя сорок тысяч таких индейцев.

Некоторые португальцы теперь придерживались мнения, что они зашли достаточно далеко; и они предложили приобрести у миссионеров семьсот пятьдесят голов крупного рогатого скота, с которыми можно было вернуться на рудники. Миссионеры, однако, не имели права распоряжаться каким-либо имуществом, португальцев направили к провинциалу, который в то время находился в *Экзальтационе* на *Маморе*, куда путешественники теперь и решили отправиться, отчасти, возможно, с целью изучения этой пограничной территории. Мануэль и

трое европейцев решили отправиться в путь по суше, в то время как остальные предпочли свои каноэ.

Перед отъездом Мануэля произошёл инцидент, который несколько изменил ситуацию. Это было прибытие гонца с письмом от провинциала, в котором Отцу делали выговор за то, что он развлекал португальцев, чем навлек на себя неудовольствие губернатора *Санта-Круса*, и ему было приказано уволить их без промедления. Таким образом, по прошествии трех дней Мануэль де Лима и трое его спутников были вынуждены покинуть общество иезуитов и продолжить свое путешествие на каноэ. Они расстались со многими слезами с обеих сторон. Вскоре после того, как они достигли *Гуапоре*, они встретили каноэ с крестом; но они не получили никаких известий о своих бывших товарищах, всякой надежде воссоединиться с которыми вскоре пришел конец.

На слиянии *Маморе* с *Гуапоре* две реки соединяются, образуя *Мадейру*, названную так из-за большого количества древесины, которую после сезонов дождей она несет в *Амазонку*. Последней крупной рекой, впадающей в *Мадейру* перед тем, как она поворачивает на северо-запад, является *Бени*. Очень скоро после того, как они миновали место слияния, Мануэль и его спутники наткнулись на водопады *Мадейры* пороги, более грозные, чем все, что им приходилось преодолевать до сих пор. Спускаясь вниз по течению, они подвергались многочисленным нападениям насекомых, в то время как у них было несколько узких путей спасения от того, что их затопило или опрокинуло водоворотами или камнями. Однажды каноэ налетело течением на скалу с такой силой, что людей выбросило за борт; в то время как каноэ понесло вниз по течению, и вскоре оно скрылось из виду.

Положение путешественников теперь было удручающим. Они продвинулись так далеко вниз по течению, что не могли и думать о возвращении; в то же время у них не было возможности определить расстояние до ближайшего поселения в направлении *Пара*, поскольку местность между ними была населена дикими животными. К счастью, у них остались оружие и боеприпасы, и таким образом они смогли добыть средства к существованию. Им ничего не оставалось, как следовать по течению реки по суше, когда, к своей великой радости, они внезапно оказались в конце стремнины и обнаружили, что их каноэ застряло между двумя большими камнями недалеко от острова. Каноэ было возвращено рабом.

Оставив позади последний порог и последний водопад там, где река спускается с гор, они увидели справа от себя землю, расчищенную для поселения жителями *Пара*, которые до сих пор поднимались вверх по *Мадейре* в поисках корицы, сарсапарильи, какао и черепах. Поселенцы были отрезаны *мурасами*, от которых путешественникам едва удалось спастись. Они также страдали от недостатка пищи, но через несколько дней набрели на иезуитскую миссию, где их гостеприимно приняли. Здесь, оставив свое каноэ, они пересели на более крупное судно, предоставленное им иезуитами, и направились вниз по течению к двум другим заведениям того же ордена, ниже последнего из которых они вошли в *Амазонку*.

Мануэль де Лима, хотя и не был первым, кто спустился по *Мадейре*, совершил замечательное путешествие, став первым европейцем, отправившимся из *Матту-Гросу* в *Пара* и доказавшим, что сообщение по воде возможно. Поэтому он был отправлен в Лиссабон, чтобы дать отчет о своих действиях. Он ожидал большого вознаграждения за свои услуги, и португальские министры консультировались с ним относительно шагов, которые следует предпринять в связи с его открытиями. Но его притязания были экстравагантными. Не удовлетворившись предложением возместить расходы на его экспедицию, он настоял на назначении

губернатором открытых им стран; и поскольку это было недопустимо, поскольку они уже принадлежали Испании, он провел оставшиеся шестнадцать лет своей жизни в качестве разочарованного поклонника при португальском дворе. Те из его товарищей, с которыми он расстался в *Магдалене*, вернулись в *Матто-Гросу*.

1749.

В 1749 году было совершено путешествие из *Пара* в *Матту-Гросу*, изменившее маршрут, которым следовал Мануэль де Лима. Это было предпринято по приказу португальского правительства сильной партией, обеспеченной инструментами для определения своего курса. Экспедиции пришлось преодолеть значительные трудности, и она достигла места назначения только по истечении девяти месяцев плавания. Путешествие вниз по течению может быть выполнено за одну шестую часть времени. С указанной выше даты водное сообщение между *Матту-Гросу* и *Парой* было непрерывным; и именно по этому маршруту в прежнее место доставлялись европейские товары, причем этот путь был и дешевле, и менее опасен, чем из *Сан-Паулу*.

Население и процветание новых провинций быстро увеличивались, что было временно прервано засухой между 1744 и 1749 годами. В этот период ручьи пересохли, и из-за сильной жары леса загорелись. Последовала большая смертность; в то время как люди были встревожены в полдень звуком, похожим на раскат грома под их ногами, за которым последовало несколько толчков землетрясения. Это волнение, однако, было лишь временным; и за один год более полутора тысяч человек перешли из *Гояза* в *Матто-Гросу*, приведя с собой стада крупного рогатого скота и лошадей. Было своевременно обнаружено соленое озеро, чтобы устранить бедствие, вызванное отсутствием этого предмета.

Португальцы в *Бразилии* проявили образцовую предприимчивость в продвижении своих поселений вдоль различных рек, образующих притоки *Амазонки*; и, как следствие, возникли некоторые споры с Испанией относительно границ. Они даже вызвали некоторые опасения у испанских властей относительно безопасности *Перу*. Подобным же образом, проводя исследования внутренних районов по воде, они установили, что между *Амазонками* и *Ориноко* существует водное сообщение, поскольку от первой они добрались до испанских миссий на последней реке.

К середине восемнадцатого века на берегах *Амазонки* на всем протяжении этого потока не осталось ни одного враждебного племени; те, кто не подчинился миссионерам, ушли в глубь страны. Некоторые индейцы, опасаясь преследования, не чувствовали себя в безопасности до тех пор, пока не достигли французской территории *Гуаяна*, где их хорошо приняли и поощряли поселиться.

Утверждается, что португальские миссии на *Амазонке* находились в более процветающем состоянии, чем миссии испанцев в верховьях той же реки или ее притоков. Причину следует искать в том факте, что в то время как первые зависели в своих коммуникациях и снабжении от процветающих поселений *Белем* или *Пара*, последним было запрещено поддерживать какие-либо сношения со своими португальскими соседями, и им приходилось снабжаться длинным и трудным сухопутным путем из *Кито*, который сам находился в шести днях горного пути от морского побережья. Сам город *Пара*, по словам французского путешественника, [14], представлял в этот период вид европейского города с правильными улицами, хорошо

построенными каменными домами и великолепными церквями. В течение тридцати лет он постепенно перестраивался; в то время как расчистка местности и превращение лесов в пастбища способствовали соответствующему оздоровлению города. Следует отметить, что примерно в 1730 году среди индейцев была остановлена эпидемия оспы благодаря прививкам, сделанным кармелитским миссионером.

Система иезуитов в *Мараньяме* и *Паре* значительно отличалась от системы их собратьев в *Парагвае*. В последней стране они являются владельцами миссий и получили возможность устанавливать свои собственные законы на своей территории. В миссиях *Чикито* и *Моксо*, хотя они и не приняли принцип общности благ, они были столь же безудержны. Но в *Маранхаме* они были вынуждены основывать свои институты на принципе предоставления своих индейцев в услужение португальским поселенцам. В *Сан-Луисе* и в *Паре* велись реестры, содержащие имена всех индейцев в их деревнях в возрасте от тринадцати до пятидесяти лет, которые были способны служить. Эти реестры должны были заверяться миссионерами под присягой каждые два года; и в соответствии с ними губернатор выделял индейцев сроком на шесть месяцев, отдавая письменные приказы миссионеру доставить их. Индейцы не обязаны были служить в течение оставшихся шести месяцев, и многие предпочли это сделать.

Вследствие разделенной преданности, которой индейцы в этих миссиях были обязаны иезуитам и гражданской власти соответственно, они не относились к первым с той же абсолютной преданностью, которую иезуиты получали от индейцев в *Парагвае*. В то время как *гуарани* всегда были готовы посвятить свою жизнь защите своих учителей, индейцы *Бразилии* покидали своих хозяев при первой тревоге или малейшем недовольстве. Поскольку короли Португалии не разрешали иезуитам выплачивать ежегодное жалованье, подобное тому, которое они получали из Испании, отцам в *Маранхеме*, поскольку колледжи были слишком бедны, чтобы содержать их, было разрешено нанять двадцать пять индейцев на то же время и по той же ставке оплаты, что и любому другому португальцу. Они зарабатывали на своем труде, собирая какао и другие местные продукты, которые вывозились на больших каноэ, по одному из которых принадлежало каждому из двадцати восьми *альдеев*.

По законам Педро II. что касается Португалии, то ни одному португальцу не разрешалось жить в *Альдеасе*, чтобы предотвратить пагубное влияние дурного примера, который они, несомненно, подавали. Но португальцы получили бесплатное разрешение посещать поселения с целью найма индейцев, и миссионеры гостеприимно и безвозмездно принимали их. Эти Отцы много сделали для того, чтобы привить своим подопечным цивилизацию; задача, в выполнении которой они упорствовали, несмотря на обилие клеветы. Было сочтено более целесообразным для них самих выучить *язык тупи*, чем обучать туземцев португальскому языку. Поскольку *тупи* также использовался торговцами, он настолько распространился по всему *Пара*, что использовался исключительно за кафедрами.

В этот период миссионерская сеть была раскинута по всему Южноамериканскому континенту, ее сети простирались во всех направлениях. Как мы видели, испанские миссионеры из *Кито* столкнулись с миссионерами из *Маранхамы* на верхних притоках *Амазонки*. Поселения на *Рио-Негро*, другом притоке этой великой реки, встретились с миссиями на *Ориноко*; в то время как поселения на *Моксо* и *Мадейре* в Верхнем *Перу* и Западной *Бразилии*, соответственно, продолжили связь. Миссии *Моксо* примыкали к миссиям в *Чикитосе*, которые также поддерживали связь с “Сокращениями” в *Парагвае*, откуда иезуиты распространили сеть

на *Гран-Чако* и *Пампасы*. Казалось, что вся Южная Америка была на пути к тому, чтобы стать христианской и цивилизованной; но деятельности иезуитов был нанесен неожиданный удар, и Южная Америка была отброшена в состояние смятения и варварства, из которого многие части континента еще не вышли.

ГЛАВА XIII.

ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БУЭНОС-АЙРЕСА.

1580-1800гг.

1580.

В 1580 году Де Гарай заложил фундамент прочного города в *Буэнос-Айресе* на том же месте, которое было выбрано дважды ранее, а именно Мендосой и Кабесой де Вака соответственно. Тот же лидер до этого основал поселение *Санта-Фе* на *Паране*. Место, выбранное для будущей столицы *Пампасов*, вероятно, одно из худших, когда-либо выбранных для города, — факт, который сразу бросается в глаза каждому, кто посетил это место. То, что одно и то же место должно было быть выбрано три раза подряд, объясняется только присущей человеческой природе тенденцией следовать прецеденту, независимо от того, хорош он или плох. “С изворотливостью суждений, ” говорит мистер Уошберн в отрывке, в котором нет ни слова, подлежащего изменению, - которая, казалось, характеризовала все его действия, Мендоса двинулся вверх по широкому и благородному устью, проходя мимо наиболее подходящих мест для строительства города, пока не добрался до места, сочетавшего в себе все неудобства, которые только могли существовать, на берегах большой судоходной реки. Выбранная таким образом точка, где сейчас находится главный город *Платы*, имеет, вероятно, самую плохую гавань в мире для крупного торгового города. Большие суда всегда должны стоять примерно в двух-трех лигах от берега, а суда с меньшей осадкой, которые выходят на внутренние рейды, могут оказаться высоко поднятыми и сухими на твердом дне, или *тоска*, когда с запада дует *памперо*, или сильный ветер. Но если ветер сильно дует с юго-востока, то они могут утащить свои якоря и быть отнесены так высоко вглубь материка, что, когда ветер снова переменится, от них останется много прутьев из воды, и их можно будет разломать только на дрова. Стоимость облегчения груза на судне намного больше, чем его перевозка из Нью-Йорка или Ливерпуля. Местность в окрестностях, насколько хватал глаз, представляла собой ровную равнину без кустарника или дерева; воздух в жаркое и сухое время года часто был настолько насыщен пылью, что становился почти невыносимым, а почва настолько липкой и глинистой, что небольшой дождь сделал бы ее почти непроходимой для человека или животного. И это место было выбрано Мендосой в качестве места первого испанского поселения в Южной Америке”.

Несмотря на неудобства своей гавани, *Буэнос-Айрес* вскоре *entrepôt of the valley of the Plata*. Урегулирование не было достигнуто без ожесточенных боев между силами Де Гарая и *икерандийцами*. Последние, однако, были успешно подавлены; доказательством этого было их подчинение без дальнейшего сопротивления, которое было разделено между победителями в *репартиментосе*. “До сих пор сохранились списки последователей Де Гарая поименно, среди шестидесяти пяти из которых он разделил по жребию земли, простирающиеся вдоль берега реки от *Буэнос-Айреса* до *Барадери* на *Паране*, а также индейских жителей прилегающих

территорий под властью их соответствующих *каси́ков*”. Границы нового города были проложены примерно на лигу выше по течению реки, чем место поселения Мендосы. Под руководством Де Гарая он вскоре был достаточно укреплен, чтобы обеспечить защиту. Примечательно, что примерно через три года после основания этого поселения в Испанию было отправлено первое судно, груженное продуктами *Ла—Платы*, а именно шкурами и сахаром из *Парагвая*, что свидетельствует об увеличении поголовья крупного рогатого скота по сравнению с первоначальным поголовьем, завезенным из Европы тридцать лет назад.

1620.

Теперь испанцы были номинальными хозяевами *Рио-де-Ла-Плата*, но им все еще приходилось опасаться враждебных действий со стороны местных жителей между их немногочисленными и отдаленными поселениями. В этом отношении сам Де Гарай должен был служить прискорбным примером. На обратном пути в *Асунсьон*, неосторожно высадившись на ночлег возле развалин старого форта *Сан-Эспириту*, он был застигнут врасплох группой туземцев и убит вместе со всеми своими товарищами. Смерть этого отважного бискайца была оплакана всей колонией как большая потеря. Важность основанных им городов вскоре стала очевидной; и в 1620 году все поселения к югу от слияния рек *Парана* и *Парагвай* были сформированы в отдельное независимое правительство под названием *Рио-де-Ла-Плата*, столицей которого был объявлен *Буэнос-Айрес*. Этот город также стал резиденцией епископства.

1658.

Английский путешественник, имя которого утеряно, оставил описание *Буэнос-Айреса* таким, каким он был в 1658 году. В то время только испанцы могли плыть на испанских кораблях в свои индийские владения. Другим народам Европы, однако, время от времени разрешалось торговать с городами на реке Плейт; и в *Буэнос-Айресе* в вышеупомянутом году наш соотечественник обнаружил двадцать голландских и два английских корабля, готовившихся отправиться домой, груженных бычьими шкурами, пластинами и вигонской шерстью, которые они получили в обмен на другие товары. В то время военные ресурсы города *Буэнос-Айрес* были невелики; ибо мы читаем, что по тревоге из-за нападения французской эскадры им пришлось послать за помощью вице-королю в *Лиме*, который с большим трудом и применением силы набрал сотню человек, которые достигли восточного побережья только через восемь или девять месяцев после того, как за ними послали.

Город *Буэнос-Айрес* насчитывал четыреста домов и не был обнесен ни стеной, ни рвом. Его укрепления состояли из бастиона в устье речушки с двумя небольшими железными пушками и небольшого земляного вала, окруженного рвом, возвышавшегося над рекой и на котором были установлены десять железных пушек. В этом форте находился дом местного губернатора, под началом которого находился гарнизон из ста пятидесяти человек, сформированный в три роты, капитаны которых назначались или смещались по его желанию. Солдаты получали жалованье в размере четырех *реалов* в день. Но губернатор имел в своем распоряжении дополнительные средства защиты в виде тысячи двухсот лошадей, на которых, в случае необходимости, он сажал столько горожан, сколько можно было собрать вместе, чтобы действовать как кавалерия. Дома в городе тогда строили из высушенного на солнце кирпича. Они были одноэтажными и крыты тростником и соломой. В них были просторные комнаты, большие дворы и прилегающие сады, полные апельсиновых, лимонных и фиговых деревьев, груш и яблонь, многочисленных видов овощей и превосходных дынь. Вино, тогда, как и сейчас, было почти единственным

продуктом питания, который продавался по высокой цене; а на рынках города в изобилии продавались говядина, баранина, оленина, домашняя птица и дичь различных сортов. Куропатку можно было купить за пенни. Страусы водились по соседству в большом количестве; и путешественник, описание которого я цитирую, делает замечание из общего наблюдения, которое указывает на более тонкий инстинкт у этих птиц, чем им обычно приписывают. “Я видел одну очень примечательную особенность этих существ, а именно, пока курица сидит на яйцах, у них есть инстинкт или предусмотрительность, чтобы обеспечить своих детенышей; поэтому за пять или шесть дней до того, как они вылупятся из скорлупы, они откладывают по яйцу в каждый из четырех углов того места, где они сидят; эти яйца они разбивают, и когда они гниют, в них в огромном количестве размножаются черви и личинки, которые служат питанием для молодых страусов с момента вылупления до тех пор, пока они не смогут отправиться дальше за пищей”.

Лучшие дома *Буэнос-Айреса* в то время были украшены драпировками, картинами и орнаментами. Более состоятельным жителям подавали еду с тарелки, и в их заведениях содержалось много слуг или рабов, которые также использовались для возделывания их земель или ухода за их лошадьми и мулами. Богатство жителей в рассматриваемый период состояло главным образом в крупном рогатом скоте, поголовье которого на обширных равнинах увеличивалось с поразительной быстротой. В то время шкуры в городе можно было купить по цене семь или восемь *реалов* за штуку, или меньше английской кроны, и такие же шкуры продавались в Европе по меньшей мере в четыре раза дороже. Крупный рогатый скот использовался для единственной цели в ведении войны: его гнали к берегу реки в таком количестве, чтобы противостоять попыткам врага проникнуть через него.

Купцы *Буэнос-Айреса* семнадцатого века имели репутацию людей, обладающих значительным состоянием, состояние многих из них оценивалось от двухсот до трехсот тысяч крон. Считалось, что они любили свою непринужденность и были благословлены женами, которые считались столь же добродетельными, сколь и прекрасными. Однако за свою верность они требовали строгой расплаты, будучи готовыми наказать чашей или кинжалом любое нарушение брачного обета со стороны мужа.

Помимо испанского населения, в семнадцатом веке в *Буэнос-Айресе* проживало несколько французов, несколько голландцев и несколько гемуэзцев, но все они выдавали себя за испанцев, чтобы надежнее избежать опасностей инквизиции.

Главными зданиями и учреждениями города в тот период были кафедральный собор, коллегия иезуитов, монастыри доминиканцев, Воспоминаний и ордена Милосердия.

Севильские купцы, получившие монополию на поставки в *Мексику* и *Перу*, с большой завистью относились к перспективе нового открытия для южноамериканской торговли через *Ла-Плату* и успешно проявили свою заинтересованность в получении запретительных актов против любой торговли с *Буэнос-Айресом*, чтобы это не помешало продаже их периодических изданий для *Панамы*. Тщетно жители бывшего города подавали петиции и протестовали; в течение нескольких лет единственным благом, которое они могли получить, было разрешение ежегодно экспортировать в *Бразилию* или на побережье *Гвинеи* небольшое количество пшеницы, вяленой говядины и жира. В 1618 году это было расширено до разрешения отправлять в Испанию два судна водоизмещением по сто тонн ежегодно; но в *Кордове* была учреждена таможня для взимания пошлины в размере пятидесяти процентов. на товары, перевозимые этим путем. Все торговые сношения с другими испанскими колониями в Америке были запрещены под страхом

суровых наказаний. При таком жалком коммерческом законодательстве *Буэнос-Айрес* продолжал чахнуть в течение первого столетия своего существования.

1715.

1739.

В 1715 году, после Утрехтского мирного договора, англичане, как уже было сказано, получили *asiento*, или контракт на снабжение испанских колоний в Америке африканскими рабами, в силу которого они получили разрешение основать предприятие в *Буэнос-Айресе* и отправлять туда ежегодно четыре корабля с тысячей сотнями негров, стоимость которых они могли бы экспортировать в виде продукции из страны. Им было строго запрещено ввозить другие товары, кроме тех, которые необходимы для их собственных заведений; но под искушением наживы с одной стороны и спроса с другой, корабли *асиенто*, естественно, стали средством ведения значительной контрабандной торговли. Историк Дин Фунес упоминает об одном судне, которое, как хорошо известно, вывезло с *Платы* для Лондона два миллиона долларов наличными и шкур на семьдесят тысяч долларов в обмен на тайно ввезенные европейские товары. Эта торговля велась до 1739 года, когда Испания попыталась остановить ее с помощью сторожевых кораблей. Поскольку англичане были возмущены этой мерой, обе державы были вовлечены в военные действия, в результате чего *асиенто* прекратился.

Англичане были не единственными контрабандистами в ривер Плейт. По Утрехтскому мирному договору португальцы получили важное поселение *Колония* обращенное непосредственно к *Буэнос-Айресу*. Следует, однако, помнить, что величественный поток имеет здесь ширину около тридцати миль, или больше, чем та, которая отделяет Англию от Франции. Тем же договором португальская корона торжественно обязалась запретить контрабанду; но, несмотря на этот пункт, провинции *Буэнос-Айрес*, *Парагвай* и *Тукуман* с тех пор в изобилии снабжались по этому каналу европейскими товарами. Таким образом, из-за идиотской торговой политики Испании эта страна была не только вытеснена иностранными торговцами на рынках своих собственных колоний, но и еще больше утратила пошлины на их продукцию. Ежегодный груз галеонов, который столетие назад оценивался в пятнадцать тысяч тонн, упал до двух тысяч. Вице-королю *Перу* пришлось даже написать губернатору *Буэнос-Айреса*, требуя от него наказать своих офицеров за их халатность или попустительство, поскольку оказалось, что перуанцы больше не ездят в *Лиму* в качестве рынка сбыта европейских товаров, поскольку их потребности в изобилии удовлетворяются за счет *Платы*.

На это замечание Завала был вынужден ответить, что он считает тщетными все меры по пресечению контрабанды, пока существуют такие возможности для ее осуществления и такие выгоды являются ее результатом. Он был достаточно продвинут, чтобы понять, и достаточно смел и честен, чтобы выразить свое мнение, что торговлю, столь деморализующую колонистов, можно было остановить только одним из двух способов; либо открыв рынки для законной торговли, посредством чего правительство обеспечило бы взимание пошлин, либо изгнав португальцев из *Восточной Банды*, или *Уругвая*. Из двух альтернатив последняя лучше всего соответствовала взглядам испанского правительства. Португальцы действительно, не довольные обладанием *Колонией*, основали более важное поселение близ *Монте-Видео*.

Однако оттуда они были вытеснены Завалой, который по приказу своего правительства приступил к созданию поселений в этом месте и в *Мальдонадо*.

1726.

При описанных выше обстоятельствах раздора между коронами Испании и Португалии, представленных их соответствующими учреждениями в *Буэнос-Айресе* и в *Бразилии*, и которые были столь типичны для его будущей истории, был основан здоровый и приятный город *Монте-Видео*. Некоторые семьи были перевезены туда с *Канарских островов*, в то время как другие переехали туда из *Буэнос-Айреса*. Большие суммы денег с рудников *Потоси* были отправлены вице-королем для продолжения работ; в то время как *гуарани* были в большом количестве отправлены из *Парагвая*, чтобы предоставить свой труд для строительства укреплений. Португальцы, однако, не растерялись и, с другой стороны, постарались расширить свои собственные предприятия, прочно обосновавшись на *Рио-Гранде*, откуда они вели контрабандную торговлю с большей безнаказанностью, чем когда-либо. Стоимость этой сделки оценивается Дином Фунесом в два миллиона *долларов* ежегодно для португальцев, что является большим убытком для Испании.

1750.

Неизбежным следствием такого положения вещей стал новый антагонизм между двумя странами, которому стремились положить конец с помощью договора между двумя нациями, заключенного в 1750 году. Одна из статей предусматривала, что Португалия должна уступить Испании все свои учреждения на восточном берегу *Платы*; в обмен на это она должна была получить семь миссионерских городов на берегу *Уругвая*. Но, как рассказывается в другой главе этого труда, жители *Миссии*, естественно, восстали против идеи быть переданными народу, известному им только по их зверствам работорговцев; и они оказали доблестное сопротивление объединенным силам двух держав, которые, по-видимому, выполняли условия договора. Результатом стало то, что, когда две тысячи туземцев были убиты, а их поселения превращены в руины, португальцы отказались от соглашения, поскольку они больше не могли получать свой эквивалент, и поэтому они все еще сохраняли *Колонию*.

1776.

Когда военные действия возобновились в 1762 году, губернатору *Буэнос-Айреса* удалось завладеть *колонией*; но в следующем году она была возвращена португальцам, которые продолжали владеть ею до 1777 года, когда она была окончательно передана Испании. Постоянные вторжения португальцев в *Рио-де-Ла-Плату* и безнаказанность, с которой велась контрабандная торговля, вместе с вопросами, которые это постоянно вызывало у иностранных правительств, давно показали необходимость смены правительства этой колонии; ибо она все еще находилась под надзором вице-короля *Перу*, проживающего в *Лиме*, в трех тысячах миль от города. Соответственно, испанские власти решили придать новые силы своим представителям в *Рио-де-Ла-Плата*; и в 1776 году они приняли важное решение разорвать связь между провинциями *Ла-Плата* и вице-королевством *Перу*. Первые теперь были преобразованы в новое вице-королевство, столицей которого стал *Буэнос-Айрес*. В его состав входила провинция с одноименным названием, а также провинции *Парагвай*, *Кордова*, *Сальта*, *Потоси*, *Ла-Плата*, *Санта-Крус-де-ла-Сьерра* или *Кочабамба*, *Ла-Пас* и *Пуно*, помимо

подчиненных правительств *Монте-Видео*, *Моксос* и *Чикитос*, а также Миссий на реках *Уругвай* и *Парана*.

На это вице-королевство был назначен *дон* Педро Севальос, бывший губернатор *Буэнос-Айреса*. Под его командование было передано грозное вооружение; двенадцать военных кораблей, сопровождавших многочисленный флот транспортов, отплыли из Испании с десятью тысячами человек. Первым актом Севальоса было овладение островом *Святой Екатерины*, самым важным португальским владением на побережье *Бразилии*. Перейдя оттуда к *Плите*, он сравнял укрепления *Колонии* с землей и изгнал португальцев из окрестностей. В октябре следующего, 1777 года, в Сан-Ильдефонсо был подписан мирный договор между королевой Португалии Марией и Карлом III. Испании, в силу чего *церковь Святой Екатерины* была возвращена последней стране, в то время как Португалия вышла из *Восточной Банды* или Уругвая и отказалась от всех притязаний на право судоходства по *Рио-де-Ла-Плата* и ее притокам за пределами своей собственной пограничной линии.

Примерно в то же время произошли некоторые важные изменения в торговых правилах, затрагивающих испанские колонии. Время от времени делались различные послабления в отношении старой системы, согласно которой вся торговля Испании была оставлена почти в качестве монополии купцам Севильи и Кадиса. Между *Ла-Коруньей* и основными колониальными портами были установлены периодические почтовые линии с разрешением на экспорт и импорт испанских и колониальных товаров. Были также разрешены прямые сношения между *Кубой* и другими островами Вест-Индии; а в 1774 году нескольким колониям было разрешено начать торговлю друг с другом. Вышеупомянутые меры были инициированы просвещенным министром департамента Индий *Де Гальвесом*, который сам провел много лет в Америке и который лично был свидетелем того, в какой степени Испания потерпела поражение от своей прежней системы. За ними в 1778 году последовало обнародование совершенно нового торгового кодекса. Торговля по-прежнему должна была принадлежать исключительно Испании и испанскому судоходству, и тариф был основан на принципе защиты местной промышленности и содействия продаже испанской продукции. Девять портов Испании и двадцать четыре в колониях были объявлены портами въезда.

Этими правилами также предусматривалось, что в течение десяти лет испанские изделия из шерсти, хлопка, льна, стали, стекла и т.д. Должны были беспошлинно поставляться в колонии, которые могли бы экспортировать взамен свои основные сырьевые товары, такие как хлопок, кофе, сахар, кошениль, индиго, кору и медь. Пошлина на ввоз золота была снижена с 5 до 2 процентов; пошлина на ввоз серебра - с 10 до 5½ процентов; в то время как суда, груженые исключительно натуральными продуктами, были освобождены от одной трети пошлин. Были полностью запрещены поставки некоторых товаров иностранного производства, таких как хлопок, ткани, масло, вина и коньяки, которые могли помешать поставкам из Испании. Однако эти правила содержали определенные положения, выдержанные в старом ограничительном духе. Были обновлены некоторые устаревшие указы, ограничивающие выращивание определенных колониальных культур, таких как виноградная лоза и оливки, конопля и лен, чтобы они не конкурировали с выращиванием тех же товаров в метрополии. Южноамериканцам не разрешалось самим шить ткань, и им было запрещено использовать шерсть *викуни*, которая должна была собираться за счет короля.

Под руководством вышеназванного министра *креолы* были вынуждены жаловаться на большое пристрастие, проявляемое испанцами по отношению к ним самим при распределении должностей, как гражданских, так и военных, в колониях — ошибка со стороны испанского правительства, тем более серьезная из-за периода, в который это имело место, а именно в то время, когда между Великобританией и ее североамериканскими владениями продолжалась борьба, возникшая в вопросе о колониальных правах. Безусловно, странно — на самом деле, это кажется необъяснимым, — что Испания из всех стран решила в это время присоединиться к Франции в поддержке дела североамериканцев против Англии, в то время как она сама проводила в своих собственных колониях ту самую политику, на которую жаловались. Прошло незадолго до того, как южноамериканцы напомнили испанской короне, что она сама санкционировала принцип права подданного на сопротивление своему суверену под предлогом неурегулированных обид.

1778.

Однако новые торговые правила в целом были чрезвычайно выгодны как для колоний, так и для метрополии. *Буэнос-Айрес*, в частности, из гнезда контрабандистов вскоре превратился в один из важнейших торговых городов Нового Света. Приведем один пример. До введения новых правил 1778 года экспорт шкур в Испанию составлял в среднем около 150 000 штук в год. Вскоре он вырос до 700 000-800 000 человек, в то время как через год [1783], после заключения мира с Англией, экспорт достиг 1 400 000 человек. Вместо прежних двух или трех кораблей, теперь ежегодно с реки *Плейт* в Испанию отправлялось от семидесяти до восьмидесяти судов. Население провинции *Буэнос-Айрес* в этих изменившихся обстоятельствах удвоилось за двадцать лет, увеличившись с 38 000 человек в 1778 году до 72 000 в 1800 году.

До конца восемнадцатого века жители провинции *Буэнос-Айрес*, владевшие обширными землями, защищенными от набегов индейцев, не имели особой цели расширять свои владения дальше на юг, чем река *Саладо*. Дальний регион был оставлен индейцам и был *терра инкогнита* до публикации в Англии в 1774 году отчета о *Патагонии* отца Фолкнера.

Фолкнер был английским иезуитом, посвятившим себя путешествиям в качестве миссионера среди индейцев, и на этом поприще он проработал сорок лет. Он указал, насколько уязвимыми для любой военно-морской державы были испанские владения в этом регионе; и после публикации его книги испанское правительство, не теряя времени, поручило вице-королю *Буэнос-Айреса* провести обследование побережья *Патагонии* с целью создания новых поселений. Командование геодезической экспедицией было поручено офицеру по имени Пьедра, который отплыл из *Монте-Видео* в конце 1778 года и провел три месяца, исследуя берега залива *Сан-Антонио*, где он оставил офицера и несколько человек строить форт, удобно расположенный для исследования рек *Негро* и *Колорадо*, а также для обеспечения безопасности входа в эти реки от вторжения. Еще одним стимулом для создания поселения здесь было количество китов и тюленей в окрестностях, которые также содержали обширные залежи соли.

В апреле 1779 года на реке *Негро* было образовано поселение, а в следующем году была обследована вся южная часть побережья *Патагонии*. Единственным местом, которое, казалось, представляло собой многообещающее место для поселения, был *Сент-Джулианс*, преимущество которого заключалось в постоянном снабжении водой примерно в трех-четыре милях от берега. Индейцы по соседству были дружелюбны и готовы предложить помощь, что

имело большое значение для первых испанских поселенцев в холодные месяцы июнь, июль и август. Этой колонии, однако, было суждено просуществовать недолго, поскольку испанское правительство в 1783 году решило разрушить патагонские поселения, которые были причиной больших расходов для *Буэнос-Айреса*, и сохранение которых казалось сомнительным. Сохранилось только поселение на *Рио-Негро*.

Миссионер Фолкнер предположил, что враждебная морская держава могла бы, поднявшись по *Рио-Негро*, неожиданно напасть на испанские территории во внутренних районах страны и даже на *Чили*. Чтобы определить этот важный пункт и обследовать реку и ее притоки, из *Рио-Негро* была отправлена экспедиция. Начиная с поселения *Кармен* в 1782 году, он отсутствовал в течение восьми месяцев. Это доказало возможность подъема по реке к подножию *Анд*. Был выявлен один удивительный факт, а именно, что индейцам *Пампасов* не приходилось перегонять свой украденный скот более чем на три дня пути через *Кордильеры*, от пограничного озера, упомянутого Фолкнером, до форта *Вальдивия*, где они нашли готовый рынок сбыта. Группа индейцев, от которых исследователи узнали об этом обстоятельстве, состояла примерно из трехсот человек, покинувших свою страну более года назад с целью сбора скота для вальдивийцев. Теперь они возвращались домой примерно с восемьюстами головами, на каждой из которых было клеймо *Буэнос-Айреса*. Их обратное путешествие вниз по течению было совершено через три недели.

В работе, подобной этой, я нахожу значительные трудности в том, чтобы должным образом учитывать единство времени и т. Д. Моя цель - представить читателю, насколько это возможно, общее состояние Южной Америки в любой отдельный период; но ход событий на этом континенте во времена колониальной администрации был настолько неравномерным, что едва ли возможно избежать впечатления, что мы придаем чрезмерное значение одному конкретному региону за раз, упуская из виду другие, которые в наши дни могут показаться равными или даже более важными. Таким образом, в то время как провинция *Буэнос-Айрес* все еще была обширной равниной, населенной дикарями, у *Перу* после испанского вторжения была долгая и интересная история. Откладывая на столь поздний срок в этом томе любой рассказ о *Буэнос-Айресе*, который сегодня является местом первостепенной важности в Южной Америке, может показаться, что мне не хватает сравнительной пригодности. Но, поразмыслив, читатель поймет, что в течение первых двухсот лет своего существования *Буэнос-Айрес* не имел никакой истории, кроме истории своего основания. Его записи за те годы, насколько это интересно миру в целом, могут быть сведены к одному предложению. Можно сказать, что история этого города и провинции началась с краха узкой репрессивной политики Испании и превращения *Буэнос-Айреса* в вице-королевство. Несмотря на свои природные ресурсы и географическое значение, до этой даты он, как и *Тукуман*, был просто резиденцией местного правительства, одного из нескольких, зависящего от вице-королевства *Перу*. Однако за последнюю четверть века своего колониального существования она добилась колоссальных успехов. Новые перспективы коммерческого обогащения поглотили интересы и мысли всех; и в то время как Европа была охвачена волнениями, вызванными Французской революцией, эта далекая провинция Испании, столь благоприятная по своей природе и положению, неуклонно закладывала основы своего будущего значения и процветания.

Вице— королевство *Буэнос-Айрес* было разделено на провинции -

(1.) *Буэнос-Айрес*, столицей которого был город с таким названием, и который включал испанские владения, которые сейчас образуют Республику *Уругвай*, а также аргентинские провинции *Буэнос-Айрес*, *Санта-Фе*, *Энтрe-Риос* и *Корриентес*;

(2.) *Парагвай*, столицей которого был *Союз*, и который включал в себя территорию, которая сейчас является Республикой *Парагвай*;

(3.) *Тукуман*, столицей которого был *Сан-Яго-дель-Эстero*, и который включал в себя современные аргентинские провинции *Кордова*, *Тукуман*, *Сан-Яго*, *Сальта*, *Катамарка*, *Риоха* и *Жужуй*;

(4.) *Лас-Чаркас* или *Потоси*, столицей которого была *Ла-Плата*, и который сейчас образует Республику *Боливия*; и

(5.) *Чикито* или *Куйо*, столицей которого была *Мендоса* в состав которого входили нынешние аргентинские провинции *Сан-Луис*, *Мендоса* и *Сан-Хуан*.

Примечание.—Эта глава основана на книге “*Буэнос-Айрес и провинции Рио-де-ла-Плата*” сэра Вудбайна Пэриша, 1839 год;

“*Патагония*” Фолкнера (латынь); Англия, 1774;

“*Рио-де-Ла-Плата*” Феликса Азаро; Париж, 1809;

“*История Парагвая*” Дина Фунеса и др.; *Буэнос-Айрес*, 1816.

ГЛАВА XIV.

БРАЗИЛИЯ; ВОЙНА СЕМИ СОКРАЩЕНИЙ.

1750-1761.

1750.

Открытие горнодобывающих районов во внутренних районах *Бразилии* заставило как испанских, так и португальских государственных деятелей осознать, что наступил период, когда желательно, в интересах обеих стран и их соответствующих колоний, установить пограничную линию между их несколькими владениями в Южной Америке. Знаменитая булла папы Александра VI. давно стала мертвой буквой. Тот факт, что испанская королева Фердинанда VI была португальской принцессой и имела большое влияние на своего мужа, в немалой степени способствовал мирному и справедливому урегулированию территориального вопроса, существующего между двумя народами Южной Америки.

Все претензии по обе стороны основана на быка Александра было официально отменено, демаркации между двумя территориями начался на юге, в устье небольшого ручья, который возвышается у подножия *Монте де Castilhaos Гранде*, откуда он направился по прямой к горам, после саммитов к истокам *Рио-Негро* и продолжали те *Ybicuy*; он тогда следил за ходом этой реке до ее слияния с *Уругваем*, огибая *Уругвай* вверх, пока не достигла *Pepiri*, а затем последней

реки до ее главного источника; там он оставил реки и заняли линию высокоом месте, пока он не пришел в голову первый поток, который впадает в *Yguazu*; затем граница сначала последовал этот поток, а затем *Yguazu* ее слияния с *Парана*; он пошел вверх по *Паране* к *Igurey*, а потом вверх по *Igurey* к своему источнику; там он вновь получил высшую земли так далеко, что первый поток, который проходит в *Парагвае*; затем вода стала линия до устья *Jauru*, откуда линия будет нарисована прямо на южном берегу *Гуапоре*, напротив устья *Sarare*. Везде, где линия доходила до *Гуапоре*, она должна была следовать по этому потоку до *Маморе*, а затем по *Маморе* до *Мадейры* и по *Мадейре* до точки на полпути между ее устьем и устьем *Маморе*; затем она шла на восток и запад, пока не коснулась *Явари*, где она следовала по этой реке к *Амазонкам*, и спускалась по этому большому потоку к западному устью *Джапуры*. Он поднимался по этой реке, пока не достиг вершин *Кордильер*, между *Амазонками* и *Ориноко*, после чего должен был направиться на восток вдоль этих вершин, насколько простирались территории договаривающихся сторон.

Уполномоченные должны были тщательно провести демаркацию от западного устья *Джапуры*, чтобы не затронуть португальские поселения на этой реке и на *Puy-Неру*. Испанцы должны были избегать этой части, в то время как португальцы, со своей стороны, должны были воздерживаться от восхождения по *Ориноко* от проникновения на испанскую территорию. Линия должна была быть проведена независимо от протяженности территории с целью проследить четкую границу. Поскольку границы обширных территорий, которые были здесь впервые разделены, были недостаточно хорошо известны участникам переговоров с обеих сторон, комиссарам была предоставлена значительная свобода действий в нескольких пунктах. Они должны были составить карту, обозначив границы, и совместно дать названия всем безымянным рекам и горам; эти карты, соответственно, должны были быть подписаны в двух экземплярах обоими комиссарами и должны были служить авторитетом в случае возникновения споров.

По этому договору Португалия недвусмысленно уступила *Колонию* Испании вместе со всей территорией на северном берегу *Платы* до точки, где, как теперь было определено, должна начинаться демаркационная линия. Португалия также отказалась от всех прав на судоходство по *Плате*, которое отныне должно было принадлежать исключительно Испании. Испанский король, в свою очередь, пошел на определенные уступки Португалии на восточной стороне *Уругвая*. Было предусмотрено, что жители *Колонии* могут остаться там или переехать по своему выбору; но миссионеры должны были мигрировать из поселений, уступленных Испании, а "Сокращения" должны были быть переданы короне Португалии. Всякая торговля между двумя нациями была запрещена; подданные одной державы также не могли въезжать на территорию другой без предварительного разрешения губернатора округа, в который они направлялись, если только они не направлялись по государственным делам и не были снабжены паспортами. В случае какой-либо будущей войны между двумя договаривающимися державами монархи желали, чтобы их соответствующие подданные в Америке могли продолжать жить в мире, не совершая враждебных актов. Ни одна из держав не должна разрешать использование своих портов врагу другой; также такому врагу не должен быть разрешен проход через владения ни одной из них. Далее следовало несколько второстепенных условий.

Этот достопамятный договор свидетельствует об искренности и здравом смысле сторон, которые его заключали; но неудивительно, что при определении столь обширной

демаркационной линии обе стороны упустили из виду некоторые соображения, которые, тем не менее, имели огромное значение. Принимая во внимание удаленность, на которой был составлен международный договор, от районов и территорий, о которых в нем идет речь, и имеющуюся о них несовершенную информацию, возможно, и не могло быть иначе. Как бы то ни было, договор содержал одно фатальное положение, которое не только расстроило добрые намерения государей и привело к немедленной войне, но и привело к последствиям, пагубные последствия которых не изгладились и столетием.

Территория к востоку от *Уругвая*, которая была передана португальцам по пограничному договору, включала семь “Сокращений”, населенных примерно тридцатью тысячами *гуарани*, воспитанных в рабстве и домашней жизни. Согласно условиям договора, эти люди со всем принадлежащим им имуществом должны были мигрировать на испанскую территорию. Испанский король и его министры включили этот пункт или согласились с ним, не зная об обстоятельствах, в которых оказались эти индейцы. Более того, они были вызваны чувством уважения к индейцам, которые пострадали таким образом. Они сильно пострадали от опустошительных действий *паулиста*, и у них были веские причины ненавидеть португальцев. Следовательно, оставить их подданными португальской короны было бы неблагородно и оскорбительно. Это также отрезало бы их от людей их собственной расы. Таким образом, участники переговоров были поставлены перед выбором из двух зол; но было решено, что исход этих индейцев должен был произойти в течение года.

Уполномоченным, направленным со стороны Испании для обеспечения вступления договора в силу, был маркиз Вальделириос; португальским уполномоченным был Гомеш Фрейре, губернатор *Рио-де-Жанейро* и *Минас-Жераеша*, который сам испытал неудобства, связанные с неопределенной линией границы, и которому приписывают то, что он был разработчиком Договора о границах. Условие об эвакуации *миссии* в течение года неизбежно не было выполнено из-за того факта, что испанские уполномоченные прибыли в *Плату* только через два года после подписания договора. Тем временем иезуиты *Парагвая* обратились с протестом по этому поводу к Королевской аудиенции в *Чаркасе* и добились от этого трибунала заявления в свою пользу. Затем они обратились к аудиенции в *Лиме*, и вице-король направил один экземпляр их меморандума в суд Испании, а другой - губернатору *Буэнос-Айреса*. Губернатору было поручено вручить его комиссарам по их прибытии.

Иезуиты, хотя и полагались на действие этих памятников, были готовы действовать в соответствии с условиями договора. Провинциал собрал старших миссионеров, которые почти единогласно заявили, что выполнить положения указа будет невозможно. Он, тем не менее, проинструктировал иезуитов в семи “Сокращениях” попытаться убедить народ к послушанию; в то же время он написал королю, указывая на крайнюю трудность приведения приказа в исполнение. Настоятель выполнял задания, давая понять, что король доволен. Все, казалось, согласилось, за исключением одного *касика*, который ответил, что они унаследовали от своих предков землю, которой теперь должны были лишиться. Передавая провинциалу обещание *гуарани* повиноваться, Настоятель добавил, что он опасается, что настроение людей сделает высылку невозможной.

Намерение правительства состояло в том, чтобы обездоленные *гуарани* заняли территорию, которая была передана Испании к югу от *реки Ибикуй*. Было желательно заселить уступленную территорию; но иезуиты не стремились быть слишком близкими соседями к испанским

регулярным поселениям, близость которых усложнила бы задачу сдерживания их учеников. Были разосланы разведывательные группы для поиска мест, подходящих для поселения большого количества людей с их стадами; но таковые были найдены нелегко. В конце концов было решено, что миссионеры должны найти убежище у своих братьев в стране “Сокращений” между *Уругваем* и *Парана*, и этот проект, соответственно, был приведен в исполнение.

Когда дела были в таком состоянии, маркиз Вальделириос прибыл в *Плату*. Его встретил отец Луис, Альтамирано, имеющий все полномочия от генерала ордена иезуитов над своими братьями в Южной Америке. Комиссару сразу же предъявили целую кучу аргументов против проекта переселения; и даже иезуиты, в колледже которых он учился, настаивали на необходимости использования вооруженных сил для очистки местности на *Рио-Негро* от *чарруас* до того, как эмигранты уйдут; они также утверждали, что следует дать время на возведение укрытий для людей, когда они придут в свои новые жилища; они также просили отсрочки на три года, чтобы в новых поселениях можно было тем временем выращивать урожай для поддержки эмигрантов по их прибытии. Их требования, хотя и были пока разумными, были чрезмерными; и все, чего они могли добиться от Вальделириоса, - это отсрочки на три месяца.

Маркиз, однако, понимал, что выполнение договора было делом не совсем легким; и он отправился в *Кастильос-Гранде*, чтобы посоветоваться с Гомесом Фрейре, отправив в то же время Альтамирано на “Сокращения”, чтобы его полномочия были более доступны. Когда этот Отец добрался до “Сокращения” *Япаю*, он обнаружил, что дух сопротивления уже проявил себя. Как оказалось, наступил момент, когда даже эти *гуарани*, воспитываемые из поколения в поколение в беспрекословном повиновении, смогли измениться; и когда сообщество находится в состоянии подавленного недовольства, никогда не бывает недостатка в человеке, который подтолкнул бы их к действиям. Такой человек теперь появился в этом “Сокращении” в лице путешественника, недавно прибывшего из *Бразилии*, который указал *жителям* гуараны, что их приносят в жертву не португальцы, а испанцы. Теперь недовольство приняло более решительную форму: магистраты были смещены, а на их место были избраны лица, обязавшиеся защищать права народа.

1752.

Как и следовало ожидать, это известие вызвало тревогу в *Сан-Мигеле*, где велись приготовления к эмиграции и откуда фактически отправилось первое подразделение из четырехсот семей. К несчастью, первых эмигрантов встретили проливные дожди; и люди, заявив, что если они пойдут дальше, то все погибнут, отказались продолжать путь; в этой решимости их укрепило прибытие гонца, сообщившего, что их товарищи-поселенцы теперь отказываются покидать место своего рождения. После этого они немедленно вернулись; когда их восстание приняло более агрессивную форму, двое из их должностных лиц едва спаслись, в то время как индийский слуга одного из них был убит.

Жители другого “Сокращения” достигли назначенного места и начали строительство; но по истечении шести месяцев, утомленные трудом и задачей отразить нападение индейцев, они вернулись в свое прежнее жилище. Аналогичный опыт имел место и в других населенных пунктах. Иезуиты во всех случаях демонстрировали свою готовность подчиняться верноподданническим приказам; время также доказало мудрость мер предосторожности, предложенных маркизу Вальделириосу по прибытии в *Плату*. Следовательно, этому уполномоченному следует приписать главное из зол, возникших из-за поспешности, которую

он проявил при осуществлении эмиграции. Однако в его поспешных мерах его поддержали как Альтамирано, так и епископ *Буэнос-Айреса*. Результатом стало то, что семь “Сокращений”, которые должны были быть отменены, теперь находились в состоянии объявленного сопротивления договору; в то время как остальные двадцать четыре показали, что они не только сочувствуют им, но даже склонны их поддержать. Иезуиты стали козлами отпущения; ибо, хотя именно от них зависели принимаемые властями меры, *гуарани* “Сокращений”, с другой стороны, публично заявили, что иезуиты продали свои города и владения португальцам; и магистраты запретили всем людям под страхом смерти подчиняться им или слушать их в любых вопросах, кроме религиозных. Было даже принято решение убить Альтамирано; но своевременное предупреждение позволило ему совершить побег в *Буэнос-Айрес*.

Пятьдесят португальских и пятьдесят испанских военнослужащих с несколькими топографами и другими офицерами, прикрепленными к комиссии, и с конвоем фургонов и животных, перевозивших припасы, к этому времени прибыли на территорию миссий с целью разметки демаркационной линии. Они должны были начать в *Кастильосе*, на побережье, и исследовать устье *Ибикуи*. Они достигли *эстансии* принадлежащей “Редукции” *Сан-Мигеля*. Местные жители, преследовавшие Альтамирано, отвернулись, услышав о вновь прибывшем, и командир отряда сообщил испанскому офицеру, что португальским войскам не может быть разрешен въезд в страну. Офицер, прибывший в *Буэнос-Айрес*, добавил свои показания к тем, которые уже были в распоряжении властей, о том, что *гуарани* не уступят свою территорию, кроме как силой. Вальделириос к этому времени вернулся со своей конференции с Гомесом Фрейре; и комиссары, не передавая этот вопрос своим соответствующим правительствам, объявили войну народу семи “Сокращений”.

Когда вышеупомянутое важное решение было принято, Альтамирано обратился к иезуитам с инструкцией, требующей от них уничтожить весь порох в беспокойных районах и воспрепятствовать изготовлению боевых орудий; после чего, на случай, если им не удастся убедить *гуарани* подчиниться договору, они должны были бросить свои дела и отправиться в *Буэнос-Айрес*. Теперь Провинциал иезуитов обратился от имени Компании с просьбой об отказе от своих обвинений не только в провозглашенных округах, но и во всех “Сокращениях” *Гуарани*. Но губернатор и епископ, которым была адресована отставка, отказались принять ее; в то время как Вальделириос настаивал на том, что иезуитам не следует отдавать приказ об уходе.

Первые боевые действия произошли на реке *Пардоме* между отрядом португальцев и *гуарани* из *С. Луиса*. Из последних пятьдесят были взяты в плен, и они вызвали большое предубеждение против иезуитов, заявив в ответ на вопросы, что среди них были иезуиты и что последние подстрекали их отрубать головы португальцам, которые попадались им в руки, — заявления, которые, вероятно, были придуманы, чтобы угодить тем, кто задавал вопросы. Вскоре последовали более серьезные операции. Между комиссарами была достигнута договоренность, что, пока испанцы будут наступать на *гуарани* из *Буэнос-Айреса*, португальцы должны атаковать их со стороны *Рио-Гранде*. Испанцы выступили в мае, продвигаясь по левому берегу *Уругвая*; но они продвинулись не дальше реки *Игарапуй*, когда недостаток припасов и пастбищ вынудил их отступить. Однако они не отступили без столкновения с людьми одной из “Редукций” за пределами уступленной территории, и произошло несколько стычек, в одной из которых было убито несколько иезуитов.

Тем временем Гомес Фрейре продвинулся от побережья к *Ибикую*, где он решил наблюдать за *гуарани*, пока не получит какую-либо информацию о действиях испанцев. У него не хватало провизии, и когда начался сезон дождей, его люди подверглись чрезмерным лишениям, будучи вынуждены скрываться за деревьями, а сообщение осуществлялось с помощью каноэ. Говорят, что они были расквартированы таким странным образом на два месяца, но им не удалось дезертировать благодаря бдительности *лучниковгуарани*. По истечении этого времени Гомес Фрейре счел целесообразным договориться с *Гуарани*, которые позволили ему удалиться без каких-либо домогательств. Затем они вернулись к своим “Сокращениям”, думая, как дети, что дело подошло к концу и что вся опасность миновала.

1755.

Иезуиты воспользовались перерывом между военными действиями, чтобы попытаться добиться отмены пункта в Договоре, касающегося уступки “Сокращений”. Но их надежды на благоприятные перемены в испанских советах были обречены на разочарование. Их враги теперь были многочисленны и могущественны; и среди клеветы, возрожденной или изобретенной против них, была одна, гласившая, что они хотели основать *королевствугуарани* под властью своего собственного короля по имени *Николас*, таково имя *гуарани*. Вальделириосу сообщили, что его правительство установило, что иезуиты были единственной причиной восстания *Гуарани*; и что, если Отцы Церкви не сдадут “Сокращения” без дальнейшего сопротивления, они должны быть признаны виновными в государственной измене. Видя, что настоятель иезуитов от их имени сложил с себя ответственность за “Сокращения” и что Вальделириос не принял отставку, обращение с Отцами было скорее своевольным, чем логичным.

1756.

Испанские и португальские комиссары теперь готовились ко второй кампании и решили, что им следует сформировать соединение в *С. Антонио о Велью*, и въехать в *страну* в *пункте пропуска. Текла*. Соответственно, Гомес Фрейре выступил из *Рио-Гранде* с пятнадцатью сотнями человек, артиллерией и обозом; но прежде чем они прибыли к месту встречи с испанцами, все силы чудом избежали случайного пожара. Соединение, однако, было осуществлено в январе месяце, причем испанцы привели с собой пропорциональные силы.

Сан-Антонио, где встретились две экспедиции, находился на территории *Сан-Мигеля* примерно в девяносто лигах от “Сокращений”. Наступательный марш проходил в самых трудных условиях и занял более четырех месяцев; как бы то ни было, они должны были благодарить небрежность своих врагов за то, что они завершили его за это время. Из того факта, что *гуарани* не проявили никакого мастерства, можно с уверенностью заключить, что их защитой руководили не иезуиты. Индейцы, по-видимому, полностью полагались на свою численность, и им не повезло потерять на ранней стадии кампании своего единственного компетентного лидера *Сепе*. За его смертью последовала великая резня его соотечественников, которые, однако, не были этим склонены к покорности. Действительно, эта война, как и большинство войн в Южной Америке, носила затяжной характер, обусловленный главным образом природой страны.

До тех пор, пока *гуарани* удерживали позиции, коммуникации захватчиков неизбежно подвергались большому риску. Поэтому было решено укрепить позицию на *Жакуе*, по которой

можно было бы доставлять припасы с реки *Пардо*. Когда союзные войска продолжили свой марш к равнине *Вакакай*, они оказались перед лицом значительного числа индейцев, которые, однако, продолжали отступать, как только захватчики приготвили к атаке.

Теперь войскам предстояло попытаться пройти через *Монте-Гранде*, гряду холмов, образующую водораздел в этом направлении. Теперь был март месяц (соответствующий октябрю в северном полушарии), и войска начали страдать от холода, поскольку были плохо обеспечены одеждой; они также сочли труд по преодолению перевала чрезмерным. В этот момент их командир получил радостную весть от настоятеля *Сан-Луиса* о том, что ему наконец удалось убедить народ, подвергшийся его “Сокращению”, подчиниться; они сокрушались о своей ошибке и просили прощения за свой проступок, умоляя освободить их соотечественников, которые были взяты в плен. Испанский офицер ответил, что Отец и магистраты поселения должны подавать пример абсолютного подчинения.

Наконец, после трех недель напряженных действий войскам удалось осуществить переход через *Монте-Гранде*; но они все еще находились примерно в двухстах милях от места “Сокращений”. 3 мая появились значительные силы *гуарани*, но несколько пушечных выстрелов обратили их в бегство. Дойдя до реки *Чириаби*, они обнаружили, что *гуарани* искусно укрепились, в то время как те приняли меры, чтобы перекрыть течение ручья. Но *гуарани*, которые находились в отличной позиции для обороны, обнаружили, что мужество изменило им в последний момент, и убежали, бросив все.

Два дня спустя армия подошла к *Сан-Мигелю*, в котором проживало семь тысяч жителей и который очень поразил их правильностью и опрятностью своих зданий и внушительным видом своей церкви. Значительное количество *гуарани* появилось впереди и на флангах, но, как обычно, они держались на почтительном расстоянии. Пытаясь догнать их, генерал оставил свой багаж позади себя; заметив это, противник выделил большой отряд всадников, чтобы отрезать ему путь. Однако был оставлен охранник, и от них легко отделались. Затем войска остановились на два дня, когда узнали от пленного, что иезуиты с женщинами, детьми и многими мужчинами покинули город, отдав приказ поджечь его.

На следующий день войска достигли плантаций *Сан-Мигель*, а через два дня они овладели этим местом. Однако, за исключением церкви, это место теперь представляло собой руины, поскольку каждый мужчина, отослав свою семью, поджег свой собственный дом. Они также сожгли общественные магазины и здания, а также дома иезуитов. Несмотря на проливные дожди, которые шли несколько дней, это место горело. Если бы медлящий испанский генерал выдвинул вперед несколько всадников, узнав, что предполагалось обстрелять *Сан-Мигель*, он мог бы легко спасти это поселение.

Предупрежденный о своей ошибке, Андоанеги в тот же день отправил губернатора *Монте-Видео* с приказом овладеть *Сан-Лоренцо*, расположенным на расстоянии двух лиг. Жители были удивлены, и трое иезуитов были арестованы. На следующий день было получено письмо от ректора *Святого Хуана*, в котором говорилось, что ему удалось убедить своих людей подчиниться. Другие “Сокращения” последовали их примеру; но большая часть жителей укрылась в лесах. Поскольку многие люди обеспечивали себя сами, организация эмиграции остальных, которые были допущены к “Сокращениям” на *Паране*.

И португальский, и испанский военачальники были сильно настроены против иезуитов; но когда они познакомились с Отцами Церкви лично и выслушали их изложение фактов, враждебное отношение к ним, казалось, сразу исчезло. В частности, португальский комиссар Гомеш Фрейре, увидев положение вещей, отказался вступить во владение эвакуированной территорией, о которой нельзя было сказать, что она была передана ему с миром, поскольку бывшие жители все еще толпились в соседних лесах. Он также, тем временем, отложил уступку *Колонии*. Испанский генерал также не испытывал большего желания завершить переброску, которую он не одобрял. Таким образом, обе армии оставались в “Сокращенном составе”, в то время как иезуиты пытались вернуть свои рассеянные стада. Оба генерала в этот поздний час пытались добиться изменения договора.

Испанское правительство, встревоженное провалом первой кампании, выслало некоторое подкрепление под командованием *дона* Педро Себальоса, который по прибытии в *Буэнос-Айрес* сразу же отправился в миссии в сопровождении Вальделириоса. Настоятель ордена иезуитов обратился к Себальосу с просьбой провести судебное расследование по обвинению, выдвинутому против него самого и его братьев. Результатом этого расследования было опровержение всех обвинений против этих Отцов, которые в остальном были совершенно невероятными. Иезуиты *Парагвая*, как и иезуиты других провинций, снабжались и набирались из Европы. Маловероятно, что их генерал поощрял или потворствовал плану части своих подчиненных, успех которого вывел бы их из-под его контроля; не более вероятно и то, что они участвовали в таком предприятии без его санкции.

1757.

Прошло уже четыре года с тех пор, как Вальделириос приступил к выполнению своей миссии, но ее суть была еще далека от завершения; и так много трудностей сопровождало каждый этап ее выполнения, что ни одна из сторон не проявляла особого желания устранять мелкие препятствия. В *Бразилии* требовалось присутствие Гомеса Фрейре; и, таким образом, комиссия распалась, не причинив ничего, кроме очень больших денежных затрат и огромных страданий *гуарани*, раса которых была заселена на сто двадцать четыре года “Сокращениями”.

1761.

События в Европе привели к еще большим задержкам в решении этого вопроса, столь важного для той части Южной Америки, которая была заинтересована в его решении. Со смертью испанских короля и королевы дружеским чувствам, объединявшим два двора - Испанский и португальский, пришел конец, и на смену им пришло недоверие. Однако оба суда и оба правительства были глубоко озабочены вопросом демаркации; и, чтобы положить этому конец, по крайней мере на время, они согласились аннулировать Договор о границах — договоры, которые были заменены им, когда он снова вступил в силу. Португальцы были, в целом, удовлетворены этим результатом, поскольку они считали, что *Колония*, которую они теперь сохранили, имела для них большее значение, чем предлагаемое увеличение территории во внутренних районах страны. Испанцы тоже были довольны, потому что они вообразили, что их соседи украли у них преимущество в Договоре о границах под влиянием их португальской королевы.

Фактическим результатом бесславной и расточительной войны Семи Редукций стало то, что иезуиты, которых ложно обвинили в подстрекательстве к сопротивлению *гуарани*, теперь возложили на них задачу собрать рассеянные остатки этого народа и побудить их восстанавливать свои разрушенные города и возделывать опустошенную страну.

ГЛАВА XV.

БРАЗИЛИЯ; ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ ИЗ ПОРТУГАЛИИ И БРАЗИЛИИ.

1759-1767.

Господство иезуитизма в Европе подходило к концу. В течение двухсот лет Общество оказывало неограниченное влияние на королей и дворы. Его механизм управления был настолько совершенен, а его система - настолько изоциренной, что государственным деятелям начало казаться, что, если этому амбициозному ордену не оказать быстрого и эффективного противодействия, он вскоре будет доминировать в христианском мире. Альтернативой его подавлению было то, что европейская цивилизация должна была быть ассимилирована с той, которую иезуиты внедрили в *Китае* и в *Парагвае*. Доктрины Игнатия Лойолы не допускали ничего, кроме абсолютного подчинения папской власти. Короли боялись действовать без одобрения Ордена, чья система *шпионажа* была настолько совершенной, что даже ставила в тупик все тайные доверительные сношения между монархами и государственными деятелями.

Ни один католический монарх не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы в одиночку сбросить унижительное ярмо; и, с другой стороны, объединение властей с этой целью было вдвойне затруднено тем фактом, что какие бы инструкции ни были отданы и какие бы переговоры ни велись, о них обязательно стало бы известно вездесущему Ордену, как только они были изданы или проведены. Но ярмо было настолько невыносимым, что, несомненно, было найдено средство; и наконец появился человек, чьи качества подходили для этого случая. Это был *сеньор* Карвалью, впоследствии маркиз Помбал, которому суждено было занять место в истории как самому выдающемуся государственному деятелю своего времени. Помбаль представлял свою страну в Лондоне и Вене, двух дипломатических центрах, где он не мог не познакомиться с духом, царившим тогда в Европе в отношении всемогущего Ордена. В общей сложности он прожил десять лет в Англии в качестве дипломата.

Целью достойных амбиций Помбала было вернуть своей стране прежнее состояние изобилия и процветания, из которого она выпала. С этой целью государственный деятель стремился бороться с невежеством, суевериями и нетерпимостью, главной опорой которых было духовенство. Следовательно, ему приходилось рассчитывать на противодействие клерикалов своим мерам. Но он предпринял действия, полностью осознавая этот факт, и воспользовался положением своих противников. Между постоянными и светскими все еще существовала старая зависть; но в одном пункте, если ни в каком другом, все Ордена, кроме одного, были согласны. Этим единственным пунктом были зависть и ненависть к иезуитам. В этом смысле у них был могущественный союзник в лице Помбала. Если ему удастся сокрушить этот Орден, ему не нужно бояться никаких других препятствий на пути реализации своих взглядов.

Помбаль сам воспитывался в школе иезуитов, которые разглядели в нем большой талант и силу характера и настаивали на его продвижении по службе при правительстве, которым они правили. В начале своей карьеры у них не было причин сожалеть об этом курсе; но, к несчастью для них, их *протеже*, оказавшись в Англии, начал смотреть на вещи своими глазами, а не через иезуитские очки. Впоследствии, сравнивая Англию со странами, в которые его впоследствии отправляли в ходе его дипломатической карьеры, он сделал замечание, что процветание и интеллект людей, по-видимому, находились в *соотношении*, обратном влиянию, оказываемому иезуитами. Вернувшись в Португалию, он обнаружил свою собственную страну, где они правили безраздельно, самую бедную и отсталую из всех. Из этих фактов его сильный и умный ум сделал неизбежный вывод, что способ возвысить Португалию - сокрушить и изгнать иезуитов.

Португальский министр прекрасно понимал, что в борьбе с такими коварными противниками полумеры были бы хуже, чем бесполезны; поэтому он ждал удобного случая, когда мог бы нанести им сокрушительный удар с решающим эффектом. Теперь, казалось, такую возможность предоставил вопрос о миссиях иезуитов в связи с Договором о границах. Помбалью было в то время более пятидесяти лет. Обстоятельства вскоре предоставили возможность для развития его экстраординарных талантов, и он приобрел на короля влияние, которое позволило ему с абсолютной властью претворять в жизнь свои планы по обновлению королевства. Видя жалкое состояние, в которое погрузилась Португалия, он почувствовал необходимость больших перемен; в то время как его вспыльчивость привела его к смелым и радикальным мерам — мерам, оправданием которых должны служить его рвение к службе своему королю и его глубокая любовь к своей стране.

1759.

Первым шагом, предпринятым государственным деятелем для объявления войны иезуитам, было письмо, адресованное его учителем папе Клименту XIII в 1759 году, в котором он информировал Его Святейшество, что его правительство решило передать на его попечение всех иезуитов в Португалии. Не дожидаясь ответа и прежде, чем прошло время признать, что Рим метает молнии, Помбаль приказал схватить всех иезуитов и отправить их в Штаты Церкви. Его следующим шагом была попытка побудить другие католические правительства последовать его примеру; иезуиты вскоре после этого были изгнаны из Франции под влиянием *мадам де Помпадур*.

В Испании иезуиты держались крепче, но и там им вскоре пришлось уступить. Был издан королевский указ, изгоняющий их из всех испанских владений, и запрещающий им возвращаться или поддерживать какие-либо сношения с испанскими подданными. За изданием этого приказа последовали немедленные меры по приведению его в исполнение. Колледжи были окружены, а колокола конфискованы; в то время как отцы были препровождены к морскому побережью и посажены на борт кораблей, следующих в Италию. Но к этому времени у папы было на руках более чем достаточное количество беженцев-иезуитов из Португалии и Франции; поэтому он решил отказать в разрешении высадиться в Чивита-Веккья тем, кто прибывал из Испании. Из Чивита-Веккии несчастные иезуиты по очереди проследовали в Ливорно и Геную, но в каждом месте им отказывали в разрешении сойти на берег. Однако в конце концов они были приняты на Корсике.

Через месяц после того, как иезуиты покинули Испанию, король написал папе римскому в оправдание их изгнания, заявив, что первым долгом монарха было следить за миром и хорошим управлением своих подданных, и что предпринятый им шаг был продиктован настоятельной необходимостью. Папа, однако, был сильно тронут; в ответ он обратился к королю с суровым увещанием. Однако решение испанского правительства было принято и не подлежало изменению.

Брат маркиза Помбала, который был направлен в качестве генерал-капитана в *Маранхам* и *Пара*, был настроен к иезуитам не менее враждебно, чем сам этот министр. Он либо не мог беспристрастно оценить их действия, либо был полон решимости неверно истолковать их действия. Соответственно, Отцов обвинили в препятствовании урегулированию пограничной линии на севере, как это было на юге. В результате донесений губернатора из Португалии были отправлены два полка, и недовольство Орденом было очень велико; все старые обиды на них теперь возродились, поскольку было известно, что у них был такой же могущественный враг как в *Пара*, так и в Лиссабоне. Губернатору был отдан приказ лишить всех миссионеров их светской власти и превратить наиболее процветающие *Алдеи* в города, а те, что поменьше, - в деревни.

Это было желание Помбала освободить индейцев и смешать их с португальцами *Бразилии*. С этой целью был обнародован закон, отменяющий все какие бы то ни было указы, разрешавшие рабство индейцев под любым предлогом, и объявляющий всех индейцев в *Пара* и *Маранхаме* свободными, и что отныне цены на рабочую силу должны регулироваться губернатором и судебными властями *Пара* и *Сан-Луис*. На момент издания этих указов в штатах *Маранхам* и *Пара* насчитывалось шестьдесят индийских *Алдей*, из которых пятью управляли *наемники*, двенадцатью - кармелиты, пятнадцатью - капуцины и двадцатью восемью - иезуиты.

Не удовлетворившись тем, что иезуиты были лишены своей светской власти в Северной *Бразилии*, капитан-генерал сыграл на руку своему брату, выдвинув или выслушав ряд выдвинутых против них обвинений, в ответ на которые ряд наиболее способных Отцов Церкви были отправлены домой в качестве государственных заключенных. Весь корпус, как, впрочем, и другие заинтересованные ордена, был доведен почти до нищеты эдиктом, лишившим их средств к существованию; и губернатор *Пара* остался глух к их разумной просьбе о помощи из Казны. Поэтому им ничего не оставалось, как удалиться, поскольку их места были предоставлены светским духовенством. С целью более тщательного смешения индейцев с бразильцами генерал-капитан должен был назначить директора в каждое индейское поселение, следя за тем, чтобы он владел индейским языком. Этот директор должен был действовать независимо как правительственный агент, чтобы следить за тем, чтобы власти исполняли законы, и он должен был отчитываться перед губернатором и министром юстиции. Главным желанием короля было обратить народ в христианство и цивилизовать его, и достижение этого должно было стать главной целью директоров, которым было особенно поручено установить использование португальского языка. Можно добавить, что в этом последнем отношении они добились успеха, поскольку язык *тупи* был подавлен.

Тот же указ, в соответствии с которым иезуиты были изгнаны из Португалии, аналогичным образом затронул их собратьев в *Бразилии*. Говорят, что приказ об их высылке был выполнен с большой жестокостью. Сто пятнадцать иезуитов были депортированы на одном судне из *Сан-Луиса*, будучи запертыми, как рабы, между палубами; четверо из них умерли по пути в Лиссабон. Братья из *Сеары* и *Параибы* были доставлены в *Ресифи*, где их посадили на корабль вместе с

пернамбуканскими иезуитами, числом пятьдесят три человека. Из них пятеро погибли во время перехода.

Следует, однако, отметить, что, хотя по большей части все, кто состоял на службе у правительства, становились слишком послушными орудиями, чтобы выполнять желания всемогущего министра и бить поверженных, когда те были бессильны сопротивляться, все же из этого правила были некоторые достойные исключения. Например, архиепископ *Баии* Д. Хосе де Маттос, сообщая о своем визите к иезуитам, прислал домой свидетельство о том, что он нашел их невиновными в том, в чем их обвиняли, в ведении обширной торговли, противоречащей канонам, и во всех других аспектах весьма полезными и достойными уважения. Это свидетельство подписали восемьдесят самых уважаемых людей в *Баии*. Престарелому архиепископу пришлось поплатиться за бесстрашие и прямоту. За пять лет до этого он попросил разрешения сложить с себя полномочия примаса, умоляя сохранить за ним половину назначений. Эта просьба не была удовлетворена; но по получении его отчета он был освобожден от должности главнокомандующего без назначения ему какой-либо пенсии. Сто шестьдесят восемь иезуитов были депортированы из *Баии*; в то время как сто сорок пять из южных провинций *Бразилии* были доставлены в *Рио-де-Жанейро*, размещенные на одном судне под палубой. Несчастные северные иезуиты, добравшись до Лиссабона, были брошены в тюрьму ни за что иное, как за принадлежность к их Ордену; и только по прошествии восемнадцати лет смерть короля и позор Помбала вернули им свободу. Тем, кто был с юга, не разрешалось ступить на территорию Португалии, но их препровождали в Папскую область.

Среди мер, инициированных маркизом Помбалом, было создание эксклюзивной компании для торговли в *Маранхаме* и *Паре*, а также другой для торговли в *Пернамбуку* и *Параибе*. *Бразильская* компания, которую продвигал Виейра и которая оказала такую важную услугу в голландской войне, была упразднена после семидесятилетнего существования. Против создания новой компании теперь протестовал Совет общественного блага; но, направляя этот протест королю, этот орган, сам того не подозревая, подписал себе смертный приговор, поскольку сразу после этого был упразднен, а его члены отправлены в ссылку на разные сроки.

Эти новые институты оказали существенное влияние на британскую фабрику в Лиссабоне. В тот период *Бразилия* снабжалась почти исключительно английскими изделиями через столичных португальских купцов, которые получали долгосрочный кредит от Фабрики из-за длительного периода времени, которое им требовалось для получения прибыли, поскольку в *Бразилию* ежегодно отправлялся только один флот. Таким образом, бразильская торговля велась с помощью английского капитала, внезапный застой которого должен был серьезно сказаться. Великобритания имела в то время право по договору о прямой торговле с *Бразилией*; но ее посол в Лиссабоне придерживался мнения, что было бы нецелесообразно отстаивать данное право, поскольку он считал, что недавно установленная монополия, будучи ошибочной в принципе, вскоре будет отменена.

Помбаль был слишком деспотичен в своих взглядах, чтобы сильно беспокоиться о степени, в которой его меры могли затронуть интересы отдельных лиц; и будет лишь справедливо добавить, что его предоставление монополии компаниям на торговлю с *Маранхамом* и *Пернамбуку* принесло значительную пользу этим провинциям, поскольку использование столь крупного капитала дало толчок как сельскому хозяйству, так и торговле. В частности, в *Маранхам* было ввезено много негров, и их труд облегчил выполнение законов в отношении

индейцев, поскольку один вид рабства был заменен другим. Утверждается, однако, что импульс, который сейчас был дан промышленности и торговле в *Маранхеме*, вскоре произвел самый цивилизующий эффект на население этой провинции. Другой мерой того же министра было учреждение компании с исключительным правом на промысел китов, которая также получила контракт на поставку соли в большую часть *Бразилии* - монополия, имевшая катастрофические последствия для страны.

Но не благодаря таким мерам, как предоставление субсидий монополиям, независимо от того, были ли их результаты хорошими или наоборот, Помбал приобрел свою репутацию государственного деятеля. Он не стеснялся нападать на предрассудки, какими бы укоренившимися они ни были; в то же время он добился уважения закона среди населения, которое до него было печально известно беззаконием. Короче говоря, его система была системой благожелательного деспотизма, ибо никто не отрицает его широких взглядов и благих намерений. В давно минувшие времена, когда *Бразилия* была обширным и неизведанным миром, было сочтено удобным предоставлять огромные субсидии таким лицам, которые должны были взять на себя управление различными капитанствами. Однако по мере развития колонизации требования представителей жертвований нередко оказывались противоречащими общественному благу, и правительство время от времени покупало их в обмен на предоставление почестей и богатства. Когда министру в Лиссабоне было заявлено, что существующая система приносит много зла в *Бразилии*, он одним несколько произвольным, но благотворным актом уничтожил оставшиеся жертвования и выкупил их права в пользу короны.

1762.

Помбал тоже проявил свою абсолютную власть там, где ее демонстрация была наиболее необходима, а именно в незаконном правлении *Гояза*. Как обычно во всех новообразованных поселениях, особенно там, где есть шахты, там в большом количестве были отбросы другого населения. И это был тот же рецидив преступлений, который ранее имел место в *Сан-Паулу*, *Минас-Жераэсе* и *Куябе*. В некоторых случаях жители даже считали целесообразным приходить на мессу вооруженными; и говорят, что священники ни в коей мере не отставали от остального народа в распутстве и презрении к власти. По приказу министра теперь был создан Совет юстиции, полномочия которого не подлежали обжалованию. С тех пор регулярно приводились примеры преступников, в результате чего общественные манеры быстро изменились.

Однако теперь португальскому министру предстояло позаботиться о более важных интересах, чем полиция провинции; он должен был принять меры для защиты всей колониальной империи Португалии от иностранной агрессии. Франция и Испания были в это время вовлечены в союз против Англии; и поскольку Португалия встала на сторону своего древнего союзника, между двумя ее могущественными соседями было решено, что ближайший из них аннексирует метрополию, в то время как Франция должна овладеть *Бразилией*. Однако Помбал, полагаясь на Англию, не беспокоился за безопасность Португалии; как, впрочем, и не слишком опасался реализации оптового проекта в отношении *Бразилии*. Результаты Пернамбукской войны были еще достаточно свежи, чтобы не вызывать тревоги на этот счет. Однако он полагал, что, вероятно, может быть предпринято нападение на провинции к северу от *Амазонок* со стороны *Кайенны*. Он не был готов к удару, который на самом деле обрушился с совершенно неожиданной стороны.

Губернатор *Буэнос-Айреса*, предвидевший разрыв между Испанией и Португалией, был готов воспользоваться им, как только он произойдет. Себальос, собрав силы ополчения и приведя *гуарани* из “Сокращений”, объявил войну *Колонии* немедленно осадил это поселение. На второй день была пробита брешь, но гарнизон капитулировал только после четырехнедельной осады. Вскоре испанский командующий был встревожен прибытием английской эскадры из одиннадцати кораблей, стремившейся вернуть *Колонию*. Но воды *Плато* не были удачны для английского оружия. После четырехчасового ближнего боя “Лорд Клайв” загорелся и был быстро охвачен пламенем; другим кораблям пришлось со всей поспешностью отчаливать, и многие люди утонули, пытаясь добраться до берега. Около восьмидесяти заключенных были отправлены в *Кордову*, где они поселились и где, как говорят, внесли улучшения в сельское хозяйство и искусство. Остатки эскадрильи, частично переоборудованные, совершили переход в *Рио-де-Жанейро*.

Воодушевленный этим событием, Себальос, не теряя времени, продолжил успех и выступил с тысячей человек против форта *Санта Тереза*, каковой населенный пункт капитулировал; после чего испанский генерал выдвинул свои войска к *Рио—Гранде*, короткому проходу, по которому воды *Лагоа-дос-Патос* - крупнейшего озера в *Бразилии*— впадают в море. Возможно, будет интересно отметить, что рассматриваемое большое озеро, протяженностью сто восемьдесят миль, обязано своим названием “озеро уток” тому факту, что в 1554 году несколько испанских судов были загнаны в *Рио-Гранде* из-за неблагоприятных погодных условий и оставили там уток, которые распространились в огромных количествах. Себальос направил свое оружие против города *Сан-Педро*, жители и гарнизон которого поспешно бежали.

1763.

Когда весть об этом деле достигла Португалии, дальновидный Помбаль встревожился за безопасность *Минас-Жераеша*. Поскольку его воображение день и ночь было занято мыслями об иезуитах, он рисовал в воображении идею о том, что с их помощью предприимчивый Себальос мог бы получить мощную армию от “сокращенных”. Если бы позволяло время, нет никаких сомнений в том, что такие силы были бы задействованы в полевых условиях. Действительно, иезуиты на *Моксо* границе теперь были с оружием в руках, а испанцы и португальцы находились в конфликте в самом центре континента. Поскольку, однако, операции, которые они предприняли, привели к тому, что по Парижскому мирному договору был восстановлен *прежний статус-кво*, нет необходимости подробно перечислять их. Однако этим договором вопрос о демаркации был оставлен в том же состоянии. От Себальоса требовалось восстановить *Колонию*, но он не считал необходимым отказываться от *Рио-Гранде*.

В этот период был сделан важный шаг по переносу столицы *Бразилии* в *Рио-де-Жанейро*, главными причинами этого решения были его близость к шахтам, а также к *Плате*, важность последнего региона с каждым днем становилась все более очевидной. *Рио-де-Жанейро* также представлял большие возможности для укрепления, чем *Баия*. Энергия, которую Помбаль привнес в администрацию Лиссабона, распространилась и на колонии; и *Бразилия* почувствовала пользу от его расширенных взглядов. Одной из его благоразумных мер в отношении этой страны было положить конец крайне неподходящему институту женских монастырей. Священникам не удалось полностью избавиться от глупых предрассудков, которые росли веками; и нам рассказывают об одном богатом жителе *Баии*, который, поскольку в *Бразилии* больше не было женских монастырей, счел нужным отправить своих шестерых

дочерей, каждой из которых причиталось по шести тысяч *крузадо*, для пожизненного заключения в монастырь *Эсперанса*, куда допускались только лица первого сословия. При Помбале бразильцам было запрещено отправлять своих детей в Португалию с подобной целью без специального разрешения короля — мера настолько очевидно выгодная, что она снискала одобрение министра даже у его врагов.

Другой шаг того же государственного деятеля заслуживал еще большей похвалы. К счастью для *Бразилии*, эта страна никогда не могла похвастаться учреждением инквизиции. Тем не менее, некоторые агенты Святой канцелярии нашли поле для своей энергии по другую сторону Атлантики. Эти агенты арестовали и отправили в Лиссабон большое количество новых христиан — людей, исполнявших все гражданские обязанности, но преступлением которых было то, что они были богаты. Эти несчастные люди, признавшись в том, что они евреи, спаслись бегством за счет всего своего имущества, которое, конечно же, досталось доносчикам. В результате этой прибыльной практики многие *энгенхо* пришлось остановить, и последовало повсеместное разорение. Даже Помбаль не осмелился провозгласить терпимость к еврейской вере, но он установил уголовное наказание для любого человека за упрек другому в его еврейском происхождении, в то время как он устранил все недостатки, связанные с еврейской кровью, даже если их предки пострадали от рук инквизиции. Он также опубликовал указ, предусматривающий суровое наказание в отношении тех лиц, которые должны хранить списки лиц еврейского происхождения.

1765.

В этот период мавры лишили Португалию последних остатков ее владений на Средиземном море. Жители *Мазагама*, которые защищали свой город способом, достойным их расы, были перевезены в провинцию *Пара*, где в честь их доблестной защиты месту, где они поселились, на западном берегу *Матуаки*, притока *Амазонки*, было присвоено название *Мазагам*. Эти восемнадцать сотен колонистов, хотя и увеличили военную мощь империи, были плохо приспособлены для целей колонизации. Ситуация, выбранная для их поселения, была неблагоприятной, и многие из них погибли из-за климата. Недалеко от этой позиции был возведен мощный форт в *Макапе*. Стремясь укрепить *Бразилию*, министр отправил множество семей с Западных островов на поселение в *Макапу* и *Мазагам*. Он также сделал кое-что для стимулирования торговли *Бразилии*, отменив существовавший до сих пор запрет на одиночные торговые суда, за исключением годового флота.

Поскольку португальские острова не могли позволить себе колонистов в достаточном количестве, чтобы удовлетворить чаяния министра, их пополнение было составлено из отбросов метрополии. Но за этой мерой не последовало тех хороших результатов, на которые, без сомнения, рассчитывал ее создатель. Преступность стала настолько частой в *Мамму-Гросу*, *Минас-Жерайшей* и других местах, что из Португалии пришлось разослать приказы, обязывающие всех лиц без определенного места жительства жить в цивилизованных сообществах и разделить между ними окружающие земли. Все лица, которые уклонялись от этого правила, за исключением трех классов, подлежали преследованию как грабители, — классами, освобожденными от этого правила, были земледельцы со своими рабами и прислужой на изолированных фермах; *rancheros*, или лица, обосновавшиеся на дорогах общего пользования для облегчения сообщения или развлечения путешественников; и *bandeiras*, то

есть банды уважаемых людей, занятых совершением открытий. Вышеупомянутые три категории граждан были уполномочены арестовывать и сажать в тюрьму бродяг.

Теперь необходимо проанализировать, что происходило в течение последних нескольких лет в горнодобывающих районах. Поскольку пятнадцатилетний опыт, по общему мнению, доказал пагубный характер подушного налога, было принято предложение жителей *Минас-Жерайс* увеличить ежегодный взнос до ста *арробасов*, если королевские пятые будут меньше этой суммы. Считалось, что в 1753 году флот из *Рио-де-Жанейро* привез домой золота, серебра и товаров на сумму в три миллиона фунтов стерлингов. В том году сумма пятых из *Минас-Жерайс* составила почти 400 000 фунтов стерлингов. Слитки и драгоценности, которые были отправлены в Лиссабон в следующем году, оценивались в миллион *мойдоров*. В среднем за шестнадцать лет королевские пятые превышали сотню *арроб*; но когда торговля была открыта для одиночных судов, было обнаружено, что средняя добыча золота сократилась, — вероятно, из убеждения или опыта, что торговля в целом более прибыльна, чем добыча полезных ископаемых.

Искушение уклониться от выплаты королевской доли было настолько сильным, что даже действующих суровых законов оказалось недостаточно, чтобы преодолеть его. Золото могло циркулировать в пределах капитанства до того, как на нем была нанесена печать и до того, как была изъята королевская пятая монета; но было незаконно вывозить его за границу до тех пор, пока оно не будет уплачено пошлиной и не пройдет через монетный двор. Золотой песок, который был единственным средством обращения в *Минас-Жераэсе*, был настолько обесцениваем торговцами еще до того, как попадал на монетный двор, что потери на нем обычно составляли 10-12 *процентов*. в дополнение к 20 *процентам*. долг, желание избежать потери которого, даже большее, чем уклонение от исполнения долга, привело к частой практике попыток переправить его контрабандой через границу. Когда он однажды попал в города, было легко найти ювелиров, которые либо превратили его в слитки, либо обработали в ювелирные изделия. Знание этих обычаев, естественно, привело к принятию закона против ювелиров, присутствие которых долгое время было запрещено в *Минас-Жераэсе*, а теперь их больше не терпели в морских портах.

Менее продуктивная провинция *Гояз* через несколько лет взимала подушный налог в размере сорока *арробасов*. Этой передовой провинции пришлось нести бремя войны с отважным племенем, называемым *кайяпос*. Провинция *Минас-Жерайс* также подвергалась вторжениям других местных племен; но, несмотря на периодические беспорядки, внутренние районы *Бразилии* в целом продолжали неуклонно продвигаться по пути цивилизации.

1767.

Правительство, однако, все еще было обеспокоено сохранением Испанией своих завоеваний в провинции *Рио-Гранде*. Португалия обратилась к Великобритании с просьбой обеспечить выполнение Парижского мирного договора в соответствии с намерениями договаривающихся сторон, одной из которых была Англия. Разумеется, в ее намерения не входило, чтобы испанцы сохранили свои завоевания в *Бразилии*. Однако именно самим бразильцам они были обязаны восстановлением испанских позиций в *Рио-Гранде*. Зная, что испанцы на *Плате* были достаточно заняты в другом месте, они тайно собрали силы численностью в восемьсот человек, которыми застали своих врагов врасплох, таким образом, вернув оружием то, что Великобритания пыталась получить для них дипломатическим путем.

ГЛАВА XVI.

ПАРАГВАЙ; ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА И ПАРАГВАЯ.

1649-1805.

Со дня смещения епископа Карденаса с поста губернатора *Парагвая* [1648] эта провинция была свободна от внутренних раздоров; пока в 1717 году *дон* Диего Бальмаседа не был назначен губернатором вице-королем *Перу*. Его кандидатура была непопулярна, и через два года против него были выдвинуты серьезные обвинения перед Аудиторией *Чаркаса*, расследованием которых этот орган занимался в течение трех последующих лет. Тем временем *дон* Хосе де Антикера добился временного наследования поста губернатора; и он поспешил в *Парагвай*, чтобы принять власть. Однако Бальмаседа был восстановлен у власти, и он приказал узурпатору отказаться от своих притязаний. Но тем временем Антикера собрал значительные силы и отказался подчиняться приказам вице-короля и послал отряд в *Корриентес*, который доставил Бальмаседу пленником в *Асунсьон*.

Узнав об этом восстании против короны, вице-король отправил инструкции военному коменданту *Ла-Платы* лишить Антикеру его власти и восстановить Бальмаседу. Достигнув реки *Тебикуари*, генерал Гарсия де Рос счел Антикеру слишком сильной, чтобы ей можно было противостоять. Уходя в отставку, Антикера, с целью умиротворения Завалы, губернатора *Буэнос-Айреса*, направил шестьсот солдат, чтобы помочь ему в защите *Монте-Видео* от португальцев. Этот маневр, однако, не помог ему, и Розенкранц был отправлен во второй раз утверждать королевскую власть с двумя сотнями испанских солдат при поддержке сил миссий иезуитов. Иезуиты были изгнаны Антикерой из *Асунсьона*. Достигнув *Тебикуари*, Рос был встречен Антикерой с трехтысячным войском и, потерпев поражение, был вынужден вернуться в *Буэнос-Айрес*.

1724.

Восстание теперь приняло такие масштабы, что с ним больше нельзя было шутить, и Завала получил категорический приказ от вице-короля поспешить в *Парагвай* лично и отправить Антикеру в *Лиму* для суда. Последний, теперь осознав свое отчаянное положение, приготовился защищаться. Однако его последователи начали покидать его, и в марте 1725 года он бежал из *Парагвая* и нашел убежище в монастыре в *Кордове*. Оттуда он отправился в *Боливию*, намереваясь броситься на защиту Аудитории *Чаркаса*. Но на него смотрели как на врага общества, и он был арестован в *Чакисаке* и отправлен на суд в *Лиму*. Он предстал перед Аудиторией, но, хотя его вина была очевидна с самого начала, только после того, как судебный процесс продлился несколько лет, его приговорили к смертной казни. 5 июля 1731 года было назначено на день его казни. К этому времени общественное мнение полностью переменялось в его пользу, и, поскольку опасались, что будет предпринята попытка спасения, вице-король отдал приказ открыть огонь по заключенному. В ответ на приказ раздался ружейный залп, и осужденный и два монаха рядом с ним замертво упали со своих лошадей.

После бегства Антикеры из *Парагвая* иезуитам было разрешено вернуться в *Асунсьон*. На расстоянии двенадцати миль от столицы их встретила процессия, возглавляемая губернатором, епископом и главными гражданскими и военными чиновниками. Но возвращение иезуитов вызвало недовольство многих, особенно тех, кто был приверженцами Антикеры. Когда губернатор подал в отставку, народ потребовал права выбрать его преемника — права, которое в определенных чрезвычайных ситуациях было предоставлено им Карлом V. Когда весть о казни Антикеры достигла *Асунсьона*, возмущение народа проявилось в том, что они обрушились на иезуитов и изгнали их из города.

1733.

Теперь в *Парагвае* были объявлены две партии. Те, кто был против более длительного подчинения королевской власти, получили название *Комунерос*; в то время как те, кто был за короля, назывались *контрабандистами*. После отставки губернатора Баруа *комунерос* импровизировали правительство, состоящее из *хунты* с президентом в качестве исполнительного главы. Теперь следовало опасаться враждебного столкновения между господствующей партией в *Асунсьоне* и ближайшими иезуитскими “Сокращениями”. Это было предотвращено прибытием нового губернатора, *дона* Мануэля де Руилоба. Добравшись до миссий, он сделал несколько предложений повстанцам, которые до сих пор удовлетворяли их, и ему было разрешено вступить во владение правительством. Одним из первых его действий была попытка распустить *Комунерос*; но этому яростно сопротивлялись; и он оказался в открытой оппозиции к самой многочисленной партии в штате. Повстанцы бросили ему вызов, и началась гражданская война. В первом действии губернатор пал.

Епископ *Буэнос-Айреса*, который случайно оказался в то время в *Асунсьоне*, теперь был избран губернатором; но он был всего лишь инструментом в руках *хунты*, и был вынужден подписать масштабные акты о конфискации против иезуитов и роялистов. Осознав свое ложное положение, он счел нужным отправиться в *Буэнос-Айрес*, чтобы возобновить свои епископские обязанности. Повстанцам в *Парагвае* снова пришлось иметь дело с *Завалой*, который недавно был назначен президентом Аудитории *Чаркаса* и который теперь блокировал *Парагвай* со всех сторон. Взяв с собой шесть тысяч обученных солдат из миссий, он продвинулся к *Тебикурии*, не встретив сопротивления, направился в *Асунсьон*, где был встречен одобрительными возгласами.

Поскольку быстрого успеха *Завала* добился благодаря войскам иезуитов, было вполне естественно, что Отцы Церкви последовали за ними. Теперь они были более могущественны и высокомерны, чем когда-либо, и стало совершенно ясно, что их намерением было низвести *Асунсьон* и весь *Парагвай* до того же состояния слепого повиновения своему влиянию, в котором они осуществляли свои миссии. Бороться с ними до тех пор, пока они пользовались вниманием короля, было безнадежно; и теперь испанские колонисты взялись просветить своего государя, разоблачив ложные притязания Отцов Церкви. Иезуитов обвинили в намерении основать империю, и было показано, что они создали в Южной Америке более абсолютный деспотизм, чем когда-либо знала Европа.

Однако в то время правление иезуитов подходило к концу. Их изгнание из португальских владений уже было зафиксировано, и это произошло незадолго до того, как испанские иезуиты разделили судьбу, постигшую их братьев в Португалии и Франции. Мы должны здесь

рассмотреть обстоятельства их изгнания из Южной Америки. Себальяс был отозван со своего высокого поста из-за его симпатий к преданному ордену.

1767.

Какими бы вескими ни были причины изгнания иезуитов из Испании, их подавление в Южной Америке, хотя это могло быть необходимой последовательностью первой меры, безусловно, носило характер вопиющей неблагодарности и, по-видимому, значительно ослабило власть Испании в ее колониях. Иезуиты были средством значительного расширения испанских территорий во внутренних районах и тем самым помешали португальцам закрепить за собой еще большую часть центра континента. Они собрали много тысяч местных солдат, которые часто несли хорошую службу в *Парагвае* и которые успешно сражались против португальцев как на *Гуайпуре*, так и при *Колонии*. Они также освободили испанцев *Ла-Платы*, *Парагвая* и *Тукумана* от их грозных местных врагов, с которыми им удалось примириться. Самые последние успехи Испании в *Рио-Гранде* были в значительной степени достигнуты благодаря их помощи.

Но изгнание иезуитов из их штаб-квартиры в *Парагвае* было включено в план короля Испании и его советников, и через четыре дня после издания королевского указа об изгнании ордена из метрополии к *Плате* был отправлен военный корабль с приказом вице-королю принять немедленные меры для одновременного ареста всех иезуитов в пределах его юрисдикции. Вице-король Букарели, получивший свои приказы 7 июня 1767 года, не теряя времени, привел их в исполнение. Без промедления он разослал запечатанные инструкции губернаторам и местным властям в пределах своего вице-королевства, которые не должны были быть вскрыты до 21 июля. На следующий день все иезуиты должны были быть схвачены именем короля и отправлены в *Буэнос - Айрес*.

Здесь может быть интересно дать краткий отчет о состоянии, в котором королевский указ обнаружил “Сокращения”. Теперь они начинали оправляться от бедствий, которые обрушились на них из-за Договора о границах. Но из-за этой слепой меры, а также болезней и последующей войны их численность теперь сократилась со ста сорока четырех тысяч до ста тысяч. Отцы церкви владели большими поместьями и множеством негритянских рабов, к которым, как говорят, относились со всем уважением. Какая бы цивилизация ни проникла в глубь страны, она была создана иезуитами. Например, некий отец Шмид обучал *чикито* не только обычным жизненным искусствам, но и обработке металлов и изготовлению часов. Говорят, что миссии *Моксо* и *Пауре* проявили больше цивилизации, чем важный испанский город *Санта-Крус-де-ла-Сьерра*; в то время как иезуитам *Кордова* обязана своей печатью. Иезуиты *Гуарани* печатали книги в одной из “Сокращений” до того, как появился печатный станок ни в *Кордове*, ни в *Буэнос-Айресе*.

Новость об изгнании иезуитов из Испании стала достоянием общественности в *Буэнос-Айресе* 3 июля, за восемнадцать дней до срока, установленного для их ареста. Поэтому в провинции были разосланы приказы предвосхитить эту меру; в то время как отцы колледжа в *Буэнос-Айресе* были взяты в плен в ту же ночь. Те, что были ближе всего к этому городу, вскоре постигла та же участь; и в следующем месяце колледж в *Кордове* был также захвачен, а его воспитанники отправлены в столицу, в то время как их бесценная библиотека была уничтожена. Нигде войска вице-короля не встретили никакого сопротивления; и захваченные иезуиты были отправлены в Испанию группами примерно по сорок человек, а оттуда отправлены в Папскую область.

Однако с Отцами парагвайских миссий еще предстояло разобраться. Их первым шагом было заставить их десятников *гуарани* подписать обращение и вручить его губернатору, молясь о том, чтобы иезуиты продолжали жить с ними. Было очевидно, что это прошение исходило от самих иезуитов, а не от индейцев. Букарели, соответственно, восприняв это как указание на то, что они не собирались сдаваться без борьбы, предпринял энергичные меры, чтобы заставить их подчиниться. Заняв перевал *Тебикуари* и отправив отряд в *Сан-Мигель*, он поднялся на *Уругвай* во главе следующего отряда. Чтобы доказать бесполезность петиции *Гуарани* от имени иезуитов, он приказал подготовить и подписать другой документ, в котором индейские судьи и *касики* примерно тридцати городов выражали благодарность королю за то, что он избавил их от прежней тяжелой жизни. Что бы еще ни свидетельствовали эти соответствующие петиции, они, безусловно, доказывают, насколько основательно *гуарани* усвоили урок беспрекословного подчинения любым инструкциям, которые они могли бы получить, независимо от своих убеждений, если бы у них оставалось достаточно индивидуальности, чтобы обладать ими.

Но к этому времени стало очевидно, что сопротивление безнадежно. Многие миссии перешли в руки губернатора, и Отцы не решались выводить своих учеников на поле боя. Они были отправлены в *Буэнос-Айрес* и разделили судьбу своих собратьев, которые были до них. У властей действительно не было никакой свободы действий при осуществлении мер по изгнанию иезуитов из испанских владений. Один из самых способных и добросовестных прихожан, престарелый отец Шоме, будучи прикован к постели из-за болезни, был перевезен из миссии *Чикито* в гамаке в *Oruro*, где он скончался от последствий путешествия. Другого миссионера, отца Меснера, старого и немощного человека, который тридцать лет трудился в "Сокращениях" в *Чикито*, отправили в путешествие протяженностью в четыреста пятьдесят миль в *Санта-Крус*. Пробыв там пять месяцев, пока не наступил сезон перехода через *Анды*, его посадили на мула, во время езды на котором он умер. Уместно добавить, что испанский министр, узнав об этих и других фактах подобного характера, с возмущением упрекнул южноамериканские власти в их бесчеловечности. Всего из *Ла-Платы*, *Тукумана* и *Парагвая* были изгнаны сто пятьдесят пять иезуитов.

Страдания во время "Сокращений" выпали не только и не столько на долю иезуитов. Их система правления была настолько абсолютной, а их ученики были низведены до такого состояния, что стали просто бездумными животными или машинами, что, когда руководство Отцов было прекращено, вся созданная ими система внезапно и полностью рухнула. Испанские власти не разработали никакого плана правления, соответствующего изменившемуся положению дел. Миссионеров заменили священники нищенствующих орденов, но без их мирской власти. Миссии были временно разделены на два правительства, и был назначен администратор для наблюдения за каждым "Сокращением", с которым в конечном итоге прекратилось процветание этих сообществ. Администраторы, не знавшие языка *гуарани*, заставляли выполнять свои приказы плетью; и не прошло и года, как вице-король с огорчением узнал, что *гуарани*, спасаясь от невыносимого гнета своих новых хозяев, массово бежали, ища защиты у своих старых врагов, португальцев.

Узнав об этом неожиданном происшествии, Букарели сместил администраторов и назначил вместо них других, но с не лучшим результатом, чем у *гуарани*. Поскольку губернатор и священники спорили относительно своих соответствующих полномочий, вице-король постановил, что первый должен был проживать в *Канделарии*, где ему должен был помогать штат администраторов, под руководством которых *гуарани* должны были, как и прежде,

трудиться на благо общества. Кончилось тем, что жестокий и обязательный труд сделал индейцев несчастными или загнал их в леса. Искусствами, привнесенными иезуитами, пренебрегали; их сады и поля лежали невозделанными, а их некогда цветущие деревни, в которых хранились свидетельства цивилизации, существовавшей полтора столетия, были почти безлюдны.

1803.

Со дня восстания *комунерос* в 1735 году и до конца прошлого столетия в *Парагвае* царили непрерывный мир и тишина. В 1796 году губернатором был назначен Рибера Эспиноса, который с помощью своих агентов стал главным экспортером, монополизировав всю торговлю страны; так что производители продавали за свои товары примерно десятую часть того, что они стоили на рынках *Буэнос-Айреса*. Такое положение вещей, естественно, вызвало такие серьезные претензии к правительству Риберы, что спровоцировало вмешательство короны. Его отозвали, и на смену ему пришел человек с совсем другим характером, *дон* Бернардо Веласко, которому суждено было стать последним испанским губернатором *Парагвая*.

В 1803 году король Испании издал указ, согласно которому страна, лежащая между *Парана* и *Уругвай*, который включал все миссии, была выделена в отдельную провинцию под названием *Мисьонес*, губернатором которой был назначен Веласко. В 1805 году тот же офицер был назначен губернатором *Парагвая*, а другой человек с тем же именем был проинструктирован им в качестве своего лейтенанта в *Миссии*.

ГЛАВА XVII.

БРАЗИЛИЯ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ; ПРИБЫТИЕ БРАГАНСА.

1776-1806.

1776.

Проследивая ход развития *Бразилии*, следует упомянуть, что в 1776 году в Верхнем *Парагвае* был основан форт *Новая Коимбра*, в провинции *Матту-Гросу*, для защиты от грозного племени *гуайкурус*, жители которого, по оценкам, унесли португальцам четыре тысячи жизней и три миллиона *крузадос*. Следует также упомянуть, что примерно в то же время в *Рио-де-Жанейро* была основана Академия наук и естественной истории. Одно из первых заседаний этого органа было отмечено заявлением армейского хирурга, служившего во время войны Семи сокращений, о том, что испанец, побывавший в *Мексике*, указал ему на *кошениль* на нескольких разновидностях кактуса в *Рио-Гранде*. Вскоре после этого он был найден на острове *Святой Екатерины*, а растения с насекомыми были доставлены в ботанический сад Академии.

1777.

Однако вскоре внимание бразильского правительства переключилось с этого открытия на заботы другого характера. *Дон* Джозеф Мониньо, впоследствии граф Флорида Бланка, недавно был назначен министром Испании; и он искал возможности отличить свою администрацию в

нерешенных спорах с Португалией относительно границ *Бразилии*. Его подтолкнул Себальос, теперь назначенный первым вице-королем *Ла-Платы*, и послал туда отряд в девять тысяч человек, с двенадцатью военными кораблями и транспортом. Первой целью экспедиции, достигшей побережья *Бразилии* в феврале 1777 года, было владение *штатом Катерина*, остров около тридцати шести миль в длину и от четырех до десяти в ширину. Португальцы несколько раз пытались обосноваться на этом острове, но тщетно. Они, однако, считали его принадлежащим *Бразилии*; и в конце концов несколько семей были перевезены туда с *Азорских островов*. На момент начала экспедиции он был защищен фортом и гарнизоном, представленным испанцами как сильный и многочисленный.

Враг высадился примерно в девяти милях от столицы острова, но никакого сопротивления оказано не было, и все форты и батареи были покинуты, не открыв ни единого выстрела и даже не установив ни одного орудия. Губернатор бежал на материк, его робкому примеру последовал гарнизон; и хотя теперь он был в безопасности, он по необъяснимым причинам считал нужным капитулировать и передать королю Испании не только остров *Святой Екатерины*, но и все его владения на материке. После этой капитуляции Себальос отправил губернатору *Буэнос-Айреса* приказ выступить против *Рио-Гранде* со всеми силами, которые он мог собрать. *Дон Хуан де Вертис*, соответственно, отправился в *Штаб Тереза* с двумя тысячами солдат и небольшим количеством кавалерии; но вице-король из-за встречных ветров не смог войти в *Рио-Гранде* и поэтому направился к *Монте-Видео*, откуда без промедления двинулся на *Колонию*.

Комендант последнего пункта давно осознавал свой риск и обратился в *Рио-де-Жанейро* с просьбой о подкреплении и провизии; но они не дошли до него, попав в руки крейсеров противника. И это было не единственное несчастье, постигшее его, поскольку также было захвачено одно из его донесений, в котором говорилось, что его гарнизон не сможет продержаться дольше 20 мая. Себальос добрался до *Колонии* через два дня после этой даты, когда у португальцев остался запас продовольствия всего на пять дней. Сопротивление казалось бесполезным, и по рекомендации военного совета был послан офицер, чтобы предложить условия капитуляции. Его задержали на весь день, а с наступлением темноты Себальос отправил его обратно с ответом, что, когда его работы будут закончены, он передаст приказ своего государя. Когда его батареи были приведены в порядок, он сообщил португальцам, что был послан наказать за оскорбление, которое они совершили, вторгнувшись в *Рио-Гранде* в мирное время; и от них требовалось сдаться по своему усмотрению. У них не было другого выбора, кроме как подчиниться, и с ними обошлись очень бесчеловечно.

После этого второго успеха Себальос готовился наступать на *Рио-Гранде*, когда получил официальную информацию о том, что в Мадриде подписан предварительный договор о границах. По нему Португалия уступила *Колонию* со всеми ее притязаниями на северный берег *Платы* и признала исключительное право испанцев на судоходство по этой реке, а также по *Уругваю* вплоть до устья *Пепири-Гуасу*. Линия испанской границы должна была начинаться в устье *Чуи*, где стоял форт *Сан-Мигель*. Оттуда она направлялась к истокам *Рио-Негро*, которая вместе со всеми другими реками, впадающими в *Плату* или в *Уругвай* ниже устья *Пепири-Гуасу*, теперь принадлежала Испании. *Рио-Гранде* был закреплен за Португалией. Миссии *Уругвая* должны были остаться прежними, и была проведена линия, фиксирующая границу, чтобы защитить их, комиссарам было поручено следовать линии вершин гор и таким образом установить границу, чтобы реки от их истоков всегда протекали в пределах одной и той же демаркации. Озера *Мирим* и *Манкейра*, а также земля между ними и узкая полоса между

последним и морем стали нейтральной территорией, которая не должна была быть занята ни тем, ни другим народом. Португальцы не должны были заходить дальше на юг, чем река *Тахим*, а испанцы - дальше на север, чем *Чуй*. Артиллерия, захваченная при *Рио-Гранде*, подлежала восстановлению, как и персонал. *Катерина*.

Флорида Бланка с большой гордостью рассматривала этот договор как разрешивший спор, длившийся два с половиной столетия. Демаркация между двумя территориями от устья *Пепири* к северу была во всех отношениях такой же, как и в прежнем Договоре о границах, который был отменен. Следует отметить, что к этому времени Помбаль впал в немилость после смерти короля *Джозе*. Многие меры этого министра теперь были отменены, в том числе компании *Маранхама* и *Пернамбуку*. Однако они сделали свое дело благодаря возросшему импульсу, который они придали торговле, особенно выращиванию хлопка, которому они способствовали в *Маранхеме* и который распространился на *Пернамбуку*.

Едва ли есть необходимость упоминать о военных действиях, которые одновременно с войнами в *Колонии* вспыхнули между португальцами и испанцами на границе *Матту-Гросу* и в которые были вовлечены *Гуайкуру*. Это могущественное племя, однако, вскоре заключило мир с испанцами, а в более поздний период этот мир был распространен и на португальцев.

1789.

В другой четверти *Бразилии* мы обнаруживаем первые всплески восстания в провинции *Минас-Жераэс*, где в 1789 году вспыхнул заговор с целью объявления этого капитанства отдельным содружеством. Однако, к счастью, этот заговор был пресечен в зародыше, главные заговорщики, включая главного вдохновителя, были приговорены к повешению. Последний, однако, был единственным, в отношении кого был приведен в исполнение смертный приговор.

1801.

Когда губернатор *Рио-Гранде* узнал о войне, разразившейся в Европе, он не стал дожидаться указаний вице-короля, а издал декларацию против испанцев, которые подверглись нападению как на западной границе, так и на юге. Форт *Чуи* был застигнут врасплох и разграблен, как и испанские форты на *Гагуароне* и их учреждения в направлении *Джакуи*, в то же время было предпринято движение против семи "Сокращений". Португальцы, которые раньше были объектами ненависти, были приняты *гуарани* как освободители, настолько эффективно преемники иезуитов выполнили свою работу по их отчуждению от Испании. Португальский лидер разрешил командиру удалиться со своими людьми, но и он, и они были взяты в плен другим отрядом, которого они встретили на марше.

Но эти колониальные военные действия были непродолжительными, поскольку мир был заключен между Португалией и Испанией до того, как они были осуществлены. Португальцы, однако, настаивали на сохранении семи "Сокращений" на том основании, что они не были оговорены в Бадахосском договоре; и, соответственно, они оставались частью *Бразилии*. Во время этих последних упомянутых военных действий испанцы и португальцы также выступили с оружием в руках друг против друга в верховьях *Парагвая*, где *Новая Коимбра* была осаждена первыми, а форт *С. Жозе* разрушен последними.

По Мадридскому мирному договору, который последовал за Бадахосским, Франция получила от Португалии уступку территории на стороне *Гайаны*. Поскольку пределы этой уступки были

впоследствии аннулированы, граница вернулась к *Ояпоку*, детализация их не принесла бы никаких преимуществ. *Бразилия*, к счастью, оставалась спокойной, когда война за независимость возобновилась: но этой войне суждено было оказать огромное влияние на судьбы великой лузитанской колонии, приведя к переселению Браганса из Португалии в *Рио-де-Жанейро*. Благодаря этому событию последний названный город стал резиденцией правительства португальских владений; и не может быть никаких сомнений в том, что главным образом благодаря присутствию королевской семьи, в то время как испанские владения в Южной Америке после их отделения от метрополии разделились на целых девять отдельных штатов, империя *Бразилия* осталась единой и неразделенной по сей день.

Эта огромная империя продолжала заметно прогрессировать в течение восемнадцатого века. Говорят, что среди старых капитанств ни одно не претерпело больших изменений, чем *Пара*, где люди были избавлены от своего прежнего хронического состояния турбулентности и неподчинения. Рабству индейцев пришел конец, что было большим шагом вперед, хотя оставалось еще столетие, чтобы засвидетельствовать, как можно надеяться, исчезновение рабства негров. Однако что касается индейцев, то правила, установленные Помбалем для их защиты, были проигнорированы. Этот государственный деятель желал, чтобы аборигены были поставлены в равное положение с бразильцами португальской расы — мера, которая, возможно, была бы осуществлена с помощью иезуитов, но которая с их изгнанием стала невозможной. Как бы то ни было, индейцами управляли высшие руководители, которые были назначены просто для того, чтобы направлять их.

В *алдеях* или поселениях, основанных иезуитами, произошло значительное сокращение населения из-за границы, установленной договором. В такой обширной стране и с такими несовершенными транспортными средствами было неизбежно, что работа по обозначению границ должна была быть утомительной, и многие туземцы, которые требовались для службы в комиссариатах, с течением лет умирали от возложенных на них трудов или от лихорадок, которым они подвергались. С уходом иезуитов индейцы оказались освобожденными от всех моральных ограничений. Директоры не стремились их применять и не подавали им примера, в то время как новые священники были лишены власти. Епископ *Пара*, который в период с 1784 по 1788 год управлял своей обширной епархией, сетует на упадок *алдеев* и деградирующее положение индейцев.

В конце прошлого века на левом берегу *Амазонок* под управлением правительства *Пара* было двенадцать городов, среди которых были *Фаро* на крайнем западе, *Обидуш*, *Алемкер*, *Монталегре*, *Утейро*, *Альмерин*, *Мазагам*, *Вилла Вистоза* и *Макапа*. Поселения на южном берегу великой реки были более многочисленными и важными. К ним относились *Самтарем*, в котором в 1788 году проживало 1300 жителей, и *Вилла Франка*, в котором проживало такое же количество; также *Мундрукус*, названный так по имени племени с таким названием, которое начало культивировать искусство цивилизации. Города и поселки также увеличивались на реке *Зингу*. *Виейрос*, *Сузель* и *Помбал* насчитывали в 1788 году около 800 жителей каждый; в то время как в *Гурупе*, которая считалась ключом *Амазонок*, было 400 человек европейской крови. *Мельгасо*, *Оэйрас* и *Портел* также были значительными поселениями, населенными индейцами при том же капитанстве. Камета была, за исключением *Пара*, крупнейшим городом штата, в котором проживало около 6000 белых жителей. Сообщение между этим местом и *Парой* осуществлялось по одному из тех естественных каналов, которые настолько узки, что позволяют проехать только каноэ.

Провинция *Рио-Негро* после эдикта, которым иезуиты были изгнаны, по-видимому, не пострадала от этой меры. Его самое отдаленное поселение находилось на расстоянии четырехсот восьмидесяти пяти лиг от *Пара*, что при подъеме вверх по реке составляло почти три месяца пути.

Пара сама стала густонаселенным и процветающим городом, собор и дворец строились с размахом. Колледж иезуитов был преобразован в епископальный дворец и семинарию, в которой преподавали латинскую риторику и философию. В городе были судебные учреждения, театр, больница, монастырь капуцинов, а также монастырь кармелиток. Корабли для военно-морского флота строились в *Пара*, а древесина экспортировалась в Лиссабон для использования в арсеналах. Среди экспортируемых товаров были восточные и другие специи, какао, кофе, рис, хлопок, сарсапарилья, копайба, тапиока, камедь, индийский каучук, каштаны, шкуры и патока.

К сожалению, случилось так, что португальцы, посланные в эту великолепную провинцию, были самого низкого пошиба и, оказавшись в столь роскошной местности, сразу же впали в неизлечимую лень. Епископ Брэндам рисует мрачную картину их образа жизни и еще более мрачную - образа жизни их рабов. Однако в картине общества, каким оно существовало в то время в *Пара*, была и более яркая сторона. Поселение богатого колониста было настолько обширным, что часто превышало по численности население города. Например, семья Жоама де Мора включала более трехсот человек, тридцать сыновей или дочерей со своими детьми, которые каждый день садились за семейный обеденный стол. В поместье находились гончарная мастерская, сахарная плантация и несколько питомников какао. С неграми обращались как с детьми, за ними хорошо ухаживали. Однако такое обращение с рабами в этой провинции было исключением.

Переходя к соседнему капитанству *Маранхам*, *Сан-Луис* считался четвертым городом *Бразилии* по коммерческому значению, количество судов, ежегодно покидающих его к концу столетия, составляло почти тридцать, что стало результатом выращивания риса и хлопка. Население города оценивалось в двенадцать тысяч человек. Кармелиты, наемники и францисканцы имели здесь по монастырю. Богатые купцы владели большими поместьями и многочисленными рабами, у некоторых из них их было до тысячи или полутора сотен. *Алькантара*, расположенный на противоположной стороне залива, был большим и процветающим городом, как и *Гимараэнс*, в десяти лигах к северу. Внутренняя часть провинции была плохо заселена.

Многие реки впадают в море при этом капитанстве, некоторые из которых судоходны на значительном протяжении, и берега всех из них более или менее населены. Наиболее важным из них является *Итапукура*, территория между которой и *Параубой* была в значительной степени заселена населением европейской крови или одомашненными индейцами, с помощью которых выращивалось большое количество риса и хлопка.

Хотя течение *Токантинс* было хорошо известно в *Гоязе* и *Паре*, только в 1798 году была предпринята попытка проследить ее связь с *Маранхамом* с целью открытия водного сообщения между двумя провинциями, в которых она соответственно берет начало и заканчивается. Но хотя усилия правительства не увенчались успехом, связь была установлена с помощью беглого индейца, который добрался на каноэ до *Гояза*. Поселенец по имени Баррос, на территорию которого проник индеец, затем построил каноэ, на котором он сел с индейцем и тремя рабами на реку *Мануэль Алвес Гранде*; этот поток за полтора дня доставил их в *Токантинс*, на которой в

свое время они встретили судно из *Пара*. После этой успешной экспедиции Баррос был занят налаживанием сообщения на этом важном маршруте. По всему *Маранхаму* выращивание хлопка по большей части вытеснило выращивание сахарного тростника. Компания *captaincy* производит в изобилии фрукты высочайшего качества. Судходство вдоль побережья *Бразилии* настолько затруднено из-за ветров и течений, дующих в определенные сезоны с юга, что *Пара* и *Мараньяму* было легче общаться с Португалией, чем с *Баией* или *Рио-де-Жанейро*; по этой причине епископы *Пара* и *С. Луис* были суфражистами патриарха Лиссабонского.

Маранхам, *Пернамбуку*, *Баия* и *Минас-Жерайс* - все они заботились главным образом о своем скоте в *Пиауи*. Эта страна была исследована и завоевана не ради ее рудников и рабов, а из-за ее пастбищ, на которых поголовье скота достигло огромных размеров, а образ жизни был таким же, как в *Пампасах Платы*. Трудность использования этих стад заключалась в транспортировке их на рынок по безводным участкам, которые им мешали. Однако с помощью танков эту трудность удалось преодолеть.

Нет необходимости описывать всю территорию *Бразилии*, но можно привести один или два примера, показывающие прогресс, которого она уже достигла в начале этого столетия. Когда голландцы владели *Параибой*, в этом капитанстве проживало семьсот семей и двадцать *энгенхо*; в 1775 году его население оценивалось в пятьдесят две тысячи человек - население, которое более чем удвоилось в течение следующей четверти века.

Пернамбуку был в начале этого столетия одной из самых питательных частей этой великой колониальной империи; а его главный порт, *Ресифи*, уступал по значимости только *Баии* и *Рио-де-Жанейро*. В нем проживало около двадцати пяти тысяч жителей. Ни один другой город не извлекал такой выгоды из роста торговли хлопком. По-видимому, это было излюбленное место отдыха религиозных орденов; у Отцов Оратории, францисканцев и кармелиток были свои монастыри; в то время как итальянские капуцины и благотворители Святой Земли имели *постранноприимному дому*. Там также были *Реколименто* и больница для прокаженных. Губернатор проживал в здании, которое раньше было колледжем иезуитов. Хотя португальцы, пожалуй, самые умеренные люди в мире, за исключением мусульман и некоторых других азиатов, любители воды в *Ресифи* зависели в получении этого элемента от каноэ, на которых он доставлялся из *Капиварибе* или *Беберибе* — там не было акведука. Соседний город *Олинда* хорошо сохранил репутацию, от которой он получил свое название.

В сельскохозяйственных или скотоводческих районах во внутренних районах *Бразилии* образ жизни был примитивным; но благодаря влиянию торговли в портах он был несколько более цивилизованным, чем в *Ла-Плате* или *Парагвае* того же периода. В домах всех сословий подавали воду для омовения до и после еды. Общим обычаем было сидеть на земле. Ножи и вилки были излишеством, как и кровати, которые заменили гамаками. Одежда погонщика вдали от дома была несколько вычурной, как и у *гаучо из пампасов*. Домашняя одежда женщин была чрезвычайно простой, и за границей их костюмы не отличались роскошью. Скота было так много, что население питалось животной пищей три раза в день, запивая ее лепешкой из маниока или риса. Дикорастущих фруктов было так много, что выращивали только арбузы. Утверждается, что рассеянное население в этих малонаселенных районах было в значительной степени обязано своей цивилизацией коробейникам. Эти странствующие торговцы поставляли фермерам и их семьям почти все мыслимые товары, включая ситец, фаянсовую посуду, ром,

табак, конский жир и ирландское масло. Обычно они получали оплату в виде какого-нибудь другого товара.

В малонаселенных районах приходы имели огромную протяженность. Иногда в радиусе восьмидесяти или ста миль нельзя было найти церковь; и такое положение вещей породило класс странствующих священников, которые путешествовали с переносным алтарем и его принадлежностями во вьючном седле. Эти странствующие священнослужители были снабжены лицензиями от епископа, и им помогал во время мессы мальчик, который управлял вьючной лошастью. Поскольку в *Сертаме* законы соблюдались весьма скупно, а убийства были частыми, для отпущения грехов частотребовались услуги священника. Везде, где можно было найти клиента, готового заплатить, воздвигался алтарь и совершалась служба. Эти священники также могли совершать церемонии бракосочетания и крещения.

Хотя преступность в сельской местности по-прежнему была частым явлением, к концу прошлого века она снизилась. Существовала группа *головорезов*, которые часто посещали ярмарки с целью провоцирования ссор и которые были постоянным источником вполне реальной опасности; но так много этих дворян нашли заслуженный конец, что буколическая жизнь теперь была гораздо более безопасной. Когда-то точно так же существовал обычай шествовать по некоторым городам ночью, причем прогуливающиеся были в плащах и масках и в этом обличье совершали любые шалости, которые им приходили в голову. Эта привычка тоже была искоренена.

Большое количество портов в *Пернамбуку* давало этой провинции неоценимое преимущество в качестве готового средства экспорта продуктов внутренних районов. Его самые богатые и влиятельные жители, занимающиеся сельским хозяйством или торговлей, были наиболее заинтересованы в сохранении порядка. Они были великими подвижниками цивилизации, проявляя щедрое гостеприимство. Затянувшаяся голландская война оставила у жителей Пернамбукена гордые воспоминания. Многие из главных жителей считали себя не только земельной аристократией, но и потомками военной аристократии *Бразилии*. Они действительно обладали многими отличительными чертами дворянства. Их поместья переходили от отца к сыну, и ни один из их рабов никогда не продавался. Последние, таким образом, пользовались удобствами и преимуществами постоянного места жительства, и им, подобно приверженцам старого шотландского вождя, было разрешено принять фамилию, которой они немало гордились.

Поместья, принадлежащие монашеским орденам, могли бы похвастаться подобной стабильностью. Со своими рабами они также никогда не расставались; и обращение с ними было настолько отеческим, что телесные наказания не были ни нужны, ни даже мыслимы. Среди мелких собственников, большинство представителей этого класса были смешанной крови, условия рабства смягчались тем фактом, что хозяин и раб выполняли одну и ту же работу и ели одну и ту же пищу. В прошлом столетии, как и сегодня, эта пища состояла из вяленой говядины, соленой рыбы и муки из мандаринов. Ситуация усугублялась характером религиозных служб, в которых принимали участие темнокожие хозяева и их рабы, оба поклонявшиеся в святилище одной и той же Деве Марии, изображенной в образе негритянки.

В *Пернамбуку* было два полка чистокровных чернокожих, названных соответственно "Старый Энрикес" и "Новый Энрикес", в честь Энрике Диаса, чьи заслуги запомнились в Пернамбукенской войне; были также полки мулатов. Примечательно, что цыгане нашли свой

путь в эту провинцию, где они сохранили себя в неприкосновенности от других слоев населения. Дикие индейцы этой провинции к концу столетия были на грани вымирания.

Население *Баии* в конце прошлого столетия оценивалось в сто тысяч душ, две трети из которых составляли мулаты или негры. Он изобиловал женскими монастырями и другими религиозными учреждениями; но в нем также были общественные трибуналы и профессора свободных языков и наук, а также театр и монетный двор. Странно, что в этом городе не было ни одной гостиницы; но это обстоятельство становится менее примечательным, если учесть, что его сообщение полностью осуществлялось с Португалией и с португальцами, которые, должно быть, прибыли в него с рекомендательными письмами. Там были пустующие квартиры, которые можно было нанять, а также закусочные и кофейни.

Главный порт этой великолепной бухты представлял собой постоянную сцену оживления, сюда ежедневно прибывали восемьсот катеров и лодок разных размеров. Говорят, что большинство из них были нагружены фруктами и цветами. Но порт был центром торговли различного рода. По соседству велся китобойный промысел; во внутренних районах страны была сахарная плантация, которая в *Реконкаве* составляла самую богатую и густонаселенную часть *Бразилии*. Этот термин включал в себя всю протяженность этого залива, ширина которого варьировалась от двенадцати до сорока миль. В начале этого столетия в одном из его крупнейших городов проживало тысяча восемьдесят восемь семей. По соседству с ним производили медь, а также завод, заменявший коноплю или лен.

На момент переноса столицы *Бразилии* в *Рио-де-Жанейро* население этого города составляло, по оценкам, сто тысяч душ. В то время, когда сообщение между Европой и Индией проходило вокруг мыса Доброй Надежды, положение этого города давало ему большие коммерческие преимущества. Его гавань, несомненно, самая красивая, в то же время была одной из самых вместительных в мире. Перевод суда из Лиссабона в *Бразилию* дал ему свободу торговли и приумножение капитала. Он всегда должен занимать важное место, но полное описание этого ни с чем не сравнимого места пока следует отложить.

Недавно установленное капитанство *Минас-Гераэса* добилось очень значительных успехов. В 1776 году в провинции проживало около трехсот двадцати тысяч человек. Общая сумма добытого золота оценивалась в сорок пять миллионов фунтов стерлингов, что, вероятно, было скорее меньше, чем больше указанной суммы. Если это не принесло никакой другой пользы, то, безусловно, поощряло дух открытий и привело к заселению обширных территорий, которые в противном случае остались бы неисследованными; в то время как благодаря этому Португалия получила возможность компенсировать торговый баланс против себя. Нет необходимости отмечать, что в *Минас-Жерасе*, как и во всех других горнодобывающих районах мира, будь то Калифорния, Австралия или Африка, доля преступности была огромной.

Провинция *Сан-Паулу* - одна из величайших провинций *Бразилии*. Возвышенность столицы делает ее с точки зрения климата более привлекательной, чем в любом другом городе империи. На момент переезда королевской семьи в нем проживало около двадцати четырех тысяч жителей, половина из которых были европейцами. Как и все другие места в этой стране, он обладал почти переизбытком религиозных учреждений; но он также был хорошо обеспечен учебными заведениями. Имя *Паулиста*, которое является синонимом имени закоренелого работоторговца, создало жителям этой провинции в целом репутацию, которой, безусловно, многие из них не заслуживали.

Было отмечено как странное, что такая огромная страна, как *Бразилия*, образованная вторгшейся европейской расой, сохранила свою сплоченность, как это было до сих пор; но когда рассматриваются обстоятельства страны, удивлению приходит конец; ибо на такой огромной территории скудное население было настолько разбросано, что объединение в сколь-либо значительных масштабах стало почти невозможным. Как уже было сказано, связующие нити между различными единицами, образующими *Бразилию*, стали вдвойне тесными с приездом семьи Браганса, которая обосновалась там в качестве своего дома.

Примечание.—Эта и предыдущие главы Тома II, относящиеся к *Бразилии* основаны на

“История *Бразилии*” Роберта Саути;

“*Барлей (Каспийский) Рерум за октением в Бразилии*”, 1680;

“История *Бразилии*” Дж. Хендерсона, 1821;

“*Reise nach Brasilien, durch die Provinzen von Rio de Janeiro und Minas Geraes*,” Burmeister, Berlin, 1853;

“Покупки”, iv.;

“Путешествия по *Бразилии*” Костера (X.); 1817;

Кондер (Джосайя), “*Бразилия и Буэнос-Айрес*”, 1830;

“*Relation d’un Voyage dans l’Interieur de l’Amérique Meridionale aux cotes du Brazil*,” Maest, 1778; and

“Duguay-Trouin, *Mémoires de*,” Petitot, 2nde ser., lxxv.

ГЛАВА XVIII.

ОТПОР ГЕНЕРАЛУ УАЙТЛОКУ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ.

1806-1807гг.

1805.

Испания, принявшая участие вместе с Наполеоном в борьбе против англичан, предоставив первым ежемесячную субсидию, дала последнему право осуществлять репрессии против испанских колоний. Первым военным актом был захват четырех транспортов, следовавших из *Ла-Платы*- акт— который принял решение Карла IV. открыто объявить себя союзником Наполеона в войне, за объявлением которой последовало уничтожение испанского флота Нельсоном при Трафальгаре. К этой катастрофе в значительной степени можно отнести ту легкость, с которой испанским владениям в Южной Америке впоследствии удалось сбросить иго Испании.

В то время, когда Нельсон и морские волны завершали свою разрушительную работу, английское правительство направило в Южную Атлантику силы численностью шесть тысяч шестьсот пятьдесят человек под командованием сэра Дэвида Бэрда. Цель этой экспедиции держалась в секрете, но она направлялась в *Бразилию*, тогда находившуюся в союзе с Англией.

Собремонте, девятый вице-король *Ла-Платы*, услышав о прибытии этих войск в *Рио-де-Жанейро*, встревожился за безопасность подвластных ему провинций и счел вероятным, что англичане в первую очередь атакуют *Монте-Видео*. Поэтому он перебросил туда все свои наличные войска, оставив *Буэнос-Айрес* на попечение местного ополчения того места; но едва он завершил свои приготовления к обороне уругвайской столицы, как узнал, что англичане повернули носы в направлении мыса Доброй Надежды, важную позицию которого они отвоевали у Голландии. Вице-король перевел дух и вернулся в *Буэнос-Айрес*.

В то время в Англии преобладало мнение, что испанские колонии на южном континенте Америки так же стремились сбросить иго метрополии, как ее собственные колонии на северном континенте стремились освободиться от своих связей с Великобританией; и это мнение было подтверждено генералом Мирандой, уроженцем *Новой Гранады*, который долгое время проживал в Англии. Этому офицеру, изгнанному из Франции, удалось убедить английское правительство, что им стоит только показаться в Южной части Атлантического и Тихого океанов, чтобы их приветствовали как освободителей. Уверенность была тем более приятной, что добыча была заманчивой, поскольку Южная Америка все еще оставалась страной золота и серебра.

С мыса Доброй Надежды казалось вполне возможным совершить рывок на *Ла-Плату*. Даже если она не увенчается успехом, это, во всяком случае, вызовет тревогу в Испании и вынудит эту страну ослабить свои силы дома, отправив подкрепление в свои трансатлантические владения. Соответственно, сэр Дэвид Бэрд и адмирал Попхэм, командовавшие флотом, решили направить ограниченные силы в *Буэнос-Айрес*, место, которое, как их заверил недавно прибывший оттуда американский офицер, было не в состоянии оказать сопротивление, поскольку Собремонте перевел гарнизон в *Монте-Видео*. Сэр Хоум Попхэм принял командование флотилией, на борт которой были погружены тысяча шестьсот тридцать пять человек под командованием генерала Бересфорда.

1806.

6 июня 1806 года эскадра прибыла в устье *Платы*, по течению которой суда испытывали некоторые трудности при подъеме; и только 25-го числа они смогли встать на якорь близ деревни *Кильмес*, на расстоянии пятнадцати миль к югу от *Буэнос-Айреса*. 17 числа того же месяца вице—король узнал о присутствии флота на реке и немедленно начал приготовления к обороне; но из—за невозможности связаться с *Монте-Видео*, поскольку англичане были хозяевами реки, он не мог сделать ничего, кроме как собрать ополчение и перевезти содержимое казны в *Лухан*, небольшой городок на расстоянии нескольких миль в глубине страны.

25-го англичане высадились без сопротивления, и всю ту ночь в *Буэнос-Айресе* не переставая звучал тревожный колокол. Вице-король, осознав бесполезность сопротивления, думал теперь только о подготовке к отступлению; но на рассвете отряд из семисот всадников с шестью артиллерийскими орудиями, наспех собранный и плохо вооруженный, двинулся навстречу вражеским силам. Эта демонстрация, однако, не выдержала первого огня английских стрелков;

семьсот всадников рассеялись, оставив за собой половину своей артиллерии, и Бересфорд не встретил дальнейшего сопротивления на своем марше в пригород *Барракаса*, где он разбил лагерь вечером 26-го.

В ту же ночь вице-король покинул город и вместе со своей семьей отправился в глубь страны, когда оставшиеся испанские власти думали только о капитуляции. Генерал Кинтана, командовавший ополчением, составил некоторые условия, которые он отправил Бересфорду, чьи войска уже были в движении, и который, не останавливаясь, устно ответил, что выполнит все, что от него требуется, после того, как он овладеет городом. В три часа пополудни его войска заняли главную площадь и форт, на котором английский флаг теперь сменил испанский.

На следующий день муниципалитет получил приказ передать англичанам государственную казну, а также деньги, которые вице-король отправил *Лухану*, причем командующий дал понять, что это сокровище было ценой, требуемой за освобождение *Буэнос-Айреса* от разграбления. Имея перед собой такую возможность, муниципалитет поспешил умолять Собремонте не продолжать бесполезное сопротивление и принять предложенные условия. Условия были приняты, и английский офицер был отправлен с эскортом в *Луджан*, откуда 5 июля он вернулся на четырех повозках с полумиллионом серебряных монет, которые были немедленно перевезены на борт “*Нарцисса*”, флагманского корабля сэра Хоума Попхэма. Эти деньги для выкупа вместе со всем, что было найдено в государственных учреждениях, были отправлены в Лондон и с большой церемонией депонированы в Банке Англии.

Теперь английский генерал объявил условия, которые должны были быть предоставлены побежденным, от которых требовалось, в первую очередь, присягнуть на верность Георгу III. Католическая религия могла бы свободно исповедоваться; частная собственность уважалась бы; все торговые суда, захваченные в порту, были бы восстановлены; торговля была бы свободной, как в английских колониях; и гражданским и судебным властям, которые должны были бы присягнуть на верность Англии, было бы разрешено сохранить свои функции.

Но, несмотря на кажущуюся полную покорность, подавляющее большинство жителей *Буэнос-Айреса* не были простыми пассивными зрителями, какими они казались. Большая часть *служащих* принесла требуемую присягу на верность; колониальное общество открыло свои *салоны* для английских офицеров, и *красавицы* Портеньи были не прочь причислить их к своим поклонникам; но горожане в целом не могли смириться с тем, что их город с его семьюдесятью двумя тысячами жителей находится во власти ничтожного отряда в тысячу шестьсот человек.

Вице-король Собремонте, тщетно попытавшись собрать ополчение, отправился в *Кордову*, куда, как он объявил, он перенес столицу. Генерал Бересфорд, со своей стороны, настолько осознавал слабость своей позиции, что, не теряя времени, стал умолять сэра Дэвида Бэрда прислать подкрепление, которое позволило бы ему удержать завоеванное. Он также думал о захвате *Монте-Видео*; но, поскольку это место было занято регулярными войсками, он не льстил себя мыслью, что оно попадет в его руки так же легко, как *Буэнос-Айрес*, недовольные которого имели обходные пути сообщения с королевскими войсками через *Сан-Фернандо*, острова и *Уругвай*.

Метрополия повсюду обращалась с испанскими колониями Южной Америки как с детьми политиков, что жители *Буэнос-Айреса*, хотя и понимали позор положения, в которое они попали, были почти неспособны проявить политическую энергию, необходимую для попытки

вырваться из него. Чего они хотели больше всего, так это лидера; и если бы на данном этапе они зависели исключительно от колониального гения, то очень маловероятно, что генерала Бересфорда потревожили бы в его владениях или, по крайней мере, что нашелся бы какой-либо местный лидер, обладающий необходимыми качествами для успешного восстания. Но необходимый руководящий дух был найден в лице француза.

Жак Линье тридцать лет находился на службе Испании. Некоторое время он занимал пост губернатора *Мисьонеса*, а во время английского вторжения был капитаном небольшого порта *Энсеньяда*. Он был храбр, активен и предприимчив, но несколько склонен увлекаться и не отличался особой твердостью характера. Узнав о триумфе англичан, он попросил и получил разрешение навестить свою семью в *Буэнос-Айресе*, но отказался приносить присягу на верность. Ему было легко понять, что простые люди не принимали иностранное господство с той же покорностью, которую демонстрировали более богатые колонисты, которым было что терять в случае продолжения военных действий; он также осознал тот факт, что *гаучо* окружающих *пампасов* могли бы оказать материальную помощь движению, которое должно было принять форму партизанской войны, в которой они могли бы сражаться по своему усмотрению. При удаче и небольшой смелости он мог бы легко одержать верх над столь незначительным по численности врагом.

Разработав свой план действий и действуя в согласии с *сеньором* Пуирредоном и другими *креольскими* патриотами, Линьерс спокойно покинул *Буэнос-Айрес* и отправился в *Монте-Видео*, где он сообщил о своем проекте генералу Уидобро, который командовал там, и у которого он попросил несколько войск, с помощью которых, как он заверил его, он заставит англичан вернуться на корабль. Уидобро был готов помочь этим патриотам всеми доступными ему средствами; и Пуирредон и двое других были посланы в страну в разных направлениях, чтобы организовать восстание. В то же время небольшой отряд солдат регулярной армии, размещенный под командованием Линьеров, выступил в *Колонию*, расположенную напротив *Буэнос-Айреса*, где его ожидала флотилия легких лодок, которые могли легко ускользнуть от английских судов на мелководье *Платы*. В густом тумане флотилия переправилась на правый берег, и люди высадились в двадцати одной миле к северу от столицы.

Тем временем Пуирредон с небольшими силами столкнулся с англичанами. Небольшая колонна из пятисот человек и трех орудий была послана Бересфордом, чтобы изгнать повстанцев из *Морона* и других небольших деревень, где они собрались. При первом обстреле необученные новобранцы были рассеяны; но опытные всадники просто продолжали кружить вокруг противника и таким образом случайно оказались рядом с одним из полевых орудий, которым они смогли овладеть внезапной атакой. Английская колонна вернулась в *Буэнос-Айрес*, сильно огорченная этим несчастьем от рук врага, которого у них не было средств настигнуть.

Когда Линьерс прибыл в *Сан-Фернандо*, он застал *гаучосов* в полном восторге от выпавшей им удачи, которая показала им их собственную ценность в партизанской войне против англичан. Его небольшой отряд состоял из шестидесяти шести гренадер, двухсот двадцати семи драгун, ста пятидесяти восьми добровольцев, ста сорока каталонцев, ста артиллеристов, трехсот испанских моряков, шестидесяти моряков с островов и семидесяти трех человек, принадлежащих французскому каперу, который пожелал принять участие в этом деле; всего тысяча сто двадцать четыре человека при двух больших пушках и четырех небольших орудиях.

Однако после успеха *гаучо* у него были веские основания полагать, что к нему присоединятся многочисленные новобранцы, и поэтому он смело двинулся на *Буэнос-Айрес*.

Во второй половине дня 10 августа он достиг северного пригорода, и его операции были проведены с такой быстротой, что до сих пор англичане не имели никакого представления о его действиях. Его прогноз относительно приема рекрутов оказался верным, поскольку численность его маленькой армии уже почти утроилась; но, к сожалению, большинство вновь прибывших были без оружия. Однако такие добровольцы, помимо того, что придавали его силам видимость большей грозности, чем они были на самом деле, были полезны в плане содействия транспортировке.

Утром 11-го Линьерс отправил Бересфорду флаг перемирия, требуя от него сдаться. Получив его отрицательный ответ, колонисты решительно вошли в город и овладели зданием, в котором они устроили свою штаб-квартиру; и англичане, окруженные со всех сторон, были вынуждены сосредоточить свою оборону на центральной площади и соседних улицах. Утром 12-го каталонские стрелки вместе с людьми французского капера проникли до самого собора, фасад которого выходил на площадь. Затем начался всеобщий уличный бой, в котором регулярные войска оказались в невыгодном положении. С балконов и плоских крыш домов на англичан обрушился ливень всевозможных снарядов. Их загнали обратно на площадь и вынудили покинуть соседние улицы.

Расчистив таким образом себе путь, Линьерс получил возможность подтянуть свою артиллерию и поливать мелкой дробью англичан, столпившихся вокруг форта. Именно тогда капитан инженерных войск Кеннет, секретарь генерала Бересфорда, пал рядом со своим начальником. Шум стрельбы и крики примерно пятнадцати тысяч человек, участвовавших в битве, были настолько оглушительными, что не позволяли расслышать приказы офицеров; и Бересфорд понял, что необходимо отступить вглубь форта, в который он вошел последним из своих войск.

Продолжительный ружейный огонь оказался смертельным для всех, кто показался над крепостными валами, над которыми вдобавок возвышались плоские крыши домов, обитатели которых могли совершенно безопасно вести огонь по преданным англичанам. Таким образом, видя бесполезность сопротивления, Бересфорд приказал поднять флаг перемирия; но поскольку этот сигнал не был понят или расценен нападавшими, а огонь продолжался, испанский флаг был поднят, и будущий победитель Альбуэры, показавшись на крепостном валу, бросил свой меч в ров, после чего стрельба прекратилась.

Линьерс с готовностью предоставил своему храброму противнику все боевые почести. Час спустя английский генерал и его штаб вместе с 71-м полком, на знаменах которого были названия различных боевых действий в Соединенных Штатах, а также *Сен-Жан-д'Акра*, были вынуждены сложить оружие и штандарты перед грубыми силами гасконцев, за которыми они шли строем и в плену у которых они оставались. Английская оккупация *Буэнос-Айреса* длилась сорок семь дней. Ее внезапное прекращение было вызвано главным образом полным отсутствием какого-либо разведывательного управления в оккупационных силах. Трудно винить генерала Бересфорда в этом или в каком-либо другом отношении. Повинуясь приказу вышестоящего начальства, он предпринял предприятие, для которого имевшихся в его распоряжении сил было совершенно недостаточно, и передвижения линейных войск были настолько быстрыми, что он никак не мог предвидеть своего прибытия во главе экспедиции, способной противостоять ему. Даже если бы он предвидел его прибытие, нелегко представить,

что он мог бы сделать, будучи расквартированным в маленьком форте, окруженном с трех сторон домами враждебного города, который так хорошо скрывал свою враждебность, что не давал ему повода относиться к нему недружелюбно. Если бы он избрал альтернативный курс разрушения всех домов, близость которых к форту угрожала его положению, он, несомненно, поднял бы население против себя и обнаружил бы невозможность добыть провизию для своих войск. Как бы то ни было, он понимал ненадежность своего положения и запросил помощи с мыса Доброй Надежды; но разведка и активность Линьеров предвосхитили ее прибытие.

Эта победа жителей провинции без помощи Испании имела огромные результаты, поскольку показала колонистам одновременно их собственную силу и неспособность метрополии защитить их. Линьерс фактически, пользуясь словами мистера Каннинга, вызвал к существованию новый мир.

.....

После капитуляции Бересфорда город *Буэнос-Айрес* взял на себя управление своей собственной судьбой. Беглому вице-королю Собремонте, который, действуя он с самого начала решительно, встал бы во главе вооруженных сил в *Монте-Видео* и поднял там национальный штандарт, наконец удалось собрать отряд ополчения, с которым он двинулся к столице. Но его очевидная неспособность сделала его ненавистным жителям *Буэнос-Айреса*, и они, окрыленные своим триумфом, решили больше не подчиняться его власти. Муниципалитет созвал основных жителей с целью избрания нового правительства. 14 августа, через два дня после сдачи Бересфорда, состоялось собрание. Но едва успели собраться горожане, как зал был переполнен народом, который в один голос потребовал избрания Линье. Сделав этот выбор, была назначена комиссия для уведомления Собремонте о том, что он больше не является главой провинций *Ла-Плата*.

Собремонте, получив эту информацию, не нашел ничего лучшего, как отправиться в *Монте-Видео*, где его силы ополчения могли пригодиться для защиты этого места, которому все еще угрожал флот адмирала Попхэма. Представители *Буэнос-Айреса*, предвидя вероятность будущего визита англичан, решили, что их город должен быть немедленно переведен в состояние обороны. Народ уже усвоил идею о том, что они могут управлять собой лучше, чем Испания, а также о том, что они более квалифицированы для выбора подходящего губернатора, чем мадридский двор. Тем не менее, пока никому и в голову не приходило поднимать свой голос за отделение от метрополии.

Но Линьерс вскоре осознал тот факт, что, хотя он и был избран вице-королем, люди, избравшие его, тем не менее были его хозяевами; и он был вынужден отказаться от уступок, которые в духе солдатского великодушия он предоставил Бересфорду и его людям. Когда все немного успокоилось, у муниципалитета появилось время подумать, что, возможно, было бы неплохо послать в Испанию какие-нибудь объяснения относительно произошедших событий; и посланником, выбранным для этой цели, был Пуирредон, который мог претендовать на честь захватить первое захваченное английское артиллерийское орудие. В *Буэнос-Айресе* действительно уже существовали две партии: одна - Линьерса, который в качестве вице-короля представлял испанское правительство, а другая - Пуирредона, который представлял колониальную демократию; и этим соперничеством усердно пользовались те, кто стремился к независимости колонии, и представителем которых был Морено. Эти люди предложили, чтобы новые батальоны, которые будут зачислены для защиты *Буэнос-Айреса*, были переданы этой

провинции в качестве гражданства. Были сформированы четыре батальона пехоты, а среди местного ополчения был корпус мулатов и негров, в то время как было шесть эскадронов *гаучо* кавалерии.

1806.

В то время как, таким образом, в провинциях нижней Платины шла подготовка к борьбе, которую все предвидели, в Англии возлагались большие надежды на взятие южноамериканского города, о потере которого еще не было известно. Сэр Дэвид Бэрд, который все еще находился на мысе Доброй Надежды, получил приказ усилить Бересфорд четырнадцать сотнями человек; и 11 октября 1806 года эскадра под командованием адмирала Стерлинга с четырьмя тысячами тремястами пятьюдесятью солдатами под командованием сэра Сэмюэля Ашмути отплыла к *Плате*. 12 ноября другая экспедиция в составе четырех тысяч трехсот девяносто одного человека под командованием генерала Кроуфорда отправилась в *Чили*. Тысяча четыреста человек с мыса Доброй Надежды достигли реки *Плейт* после капитуляции Бересфорда, и когда адмирал Попхэм понял, что бесполезно думать о повторном взятии этого города. Даже *Монте Видео* был к этому времени настолько хорошо подготовлен, что для него было невозможно захватить это место с недостаточными силами, имевшимися в его распоряжении. Поэтому он счел нужным высадиться в *Мальдонадо*, маленькой гавани на левом берегу реки, где высадил своих людей и стал ожидать пополнения своих сил.

Как только в Англии стало известно о поражении Бересфорда, министерство отправило быстроходное судно из Портсмута с приказом генералу Кроуфорду присоединиться к сэру Сэмюэлю Ашмути; в то время как вскоре после этого третий корпус, состоящий из тысячи шестисот тридцати отборных солдат, выступил под командованием генерал-лейтенанта Джона Уайтлока, который должен был принять главнокомандование объединенными английскими силами в *Ла-Плате*, численность которого должна была составить двенадцать тысяч человек при поддержке флота из восемнадцати военных кораблей и восьмидесяти транспортов.

1807.

Первым прибыл генерал Ашмути. Взяв с собой тысячу четыреста человек, которых Попхэм высадил в *Мальдонадо*, а также триста человек из флота, он 28 января захватил *Монте-Видео*. На него напал Собремонте с несколькими конными ополченцами, но они были быстро рассеяны и отступили в *Колонию*. Затем Ашмути установил свои батареи и начал обстреливать *Монте-Видео* с юга. 2 февраля прорыв был объявлен практически осуществимым, и на рассвете 3 февраля генерал отдал приказ о штурме.

Английский писатель, который в юности присутствовал при нападении на *Монте-Видео*, дает яркую картину этой сцены. Прибыв с большими надеждами к реке *Плата* в декабре 1806 года, автор “Писем о *Парагвае*” и его попутчики, к своему ужасу, узнали, что *Буэнос-Айрес* был отбит испанцами и что генерал Бересфорд и его армия попали в плен. Сэр Сэмюэл Ашмути в настоящее время инвестировал в *Монте-Видео*, и, за исключением местности непосредственно вокруг этого города, англичанам в Испанской Америке не было места. “Энтерпрайзу” было приказано проследовать на рейд, где вместе с сотнями других кораблей, находившихся в аналогичном положении, он должен был находиться под командованием английского адмирала.

Монте-Видео был сильно и регулярно укреплялся. Егогавань представляла собой сцену величайшего оживления; боевые корабли проходили вплотную под стенами и обстреливали цитадель с моря, в то время как тысячи зрителей на борту кораблей, затаив дыхание, следили за впечатлением, производимым каждым снарядом на город и каждым ядром на брешь. За частыми *вылазками*, совершаемыми испанскими войсками, и за отпорами, которые они выдерживали, наблюдали с болезненным интересом.

Наконец, однажды утром, еще до рассвета, брешь была охвачена одним мощным пожаром. Грохот пушек был непрекращающимся, а атмосфера представляла собой одну плотную массу дыма, пропитанную запахом пороха. С помощью ночного видения и вспышек из ружей было видно, что на стенах идет смертельная борьба. За этим последовала ужасная пауза, и вскоре на рассвете стало видно, как над зубчатой стеной реет британский флаг. Это зрелище было встречено торжествующим криком флота.

В этот день путешественники могли высадиться на берег и увидеть сцену последовавшей ужасной резни. Гренадерская рота 40-го полка, пропустившая прорыв, была уничтожена. Полковник Вассалл из 38-го полка первым вскочил на коня и, размахивая саблей, упал, пронзенный пулей в сердце. Брешь снова и снова баррикадировалась грудami жира в шкурах и бычьими шкурами, которые, уступая дорогу, увлекали нападавших за собой на острия вражеских штыков. Резня с обеих сторон была ужасной и долго не прекращалась; со всех сторон были видны груды раненых или мертвых и умирающих, в то время как страдальцев перевозили на носилках в больницы и церкви.

Этот автор является высшим свидетельством дисциплины британских войск, а также энергии и человеколюбия их генерала, благодаря которым было быстро положено конец сценам мародерства, которые неизменно сопровождают захват укрепленного города. Но для тех, кто был свидетелем ужасных последствий бомбардировки, удивительно, как быстро могут исчезнуть ее результаты, и так было сейчас в *Monte Video*. Через неделю или две, говорит мистер Робертсон, наиболее заметные разрушения, нанесенные войной, исчезли, а через месяц после захвата жители прониклись к своим захватчикам таким доверием, какого только можно было ожидать. Это раннее доверие было в основном связано с мягким и справедливым правительством главнокомандующего сэра Сэмюэля Ашмути, который позволил гражданским институтам страны оставаться неизменными и который проявлял величайшую приветливость ко всем классам общества. Сотни судов в гавани теперь выгружали свой человеческий груз, который каким-то образом смог найти жилье на берегу; и *Монте-Видео* вскоре стал походить на английский город, поскольку к его смешанному населению, состоящему из испанцев, *креолов* мулатов, добавилось около четырех тысяч английских солдат вместе с двумя тысячами торговцев и искателей приключений той же нации.

Потери испанцев при штурме составили семьсот человек. Гарнизон вместе со своим командующим генералом Уидобро попал в плен, шестьсот из которых были отправлены в Англию. Новость о захвате "*Монте Видео*" вызвала такой переполох в *Буэнос-Айресе*, что люди, которые еще не могли с готовностью поверить, что они не непобедимы, решили возложить вину на Собрание. Соответственно, он был торжественно смещен всенародным голосованием, причем главная власть была возложена на Высший суд справедливости в ожидании получения приказов из Испании, куда был направлен Собрание. Таким образом, в провинции *Буэнос-Айрес* революция шла полным ходом. Именно люди возглавляли каждое движение,

последовавшее за нападением на Бересфорд; но поскольку они действовали против врагов короля Испании, все делалось от имени этого монарха, вплоть до унижения и смещения его вице-короля. Верховный суд, которому временно была передана исполнительная власть, состоял исключительно из испанцев. Магистраты, хотя и понимали революционную направленность событий, все же отдавали себе отчет в том, что только *креолы* были в состоянии противостоять англичанам; поэтому они уступили течению. Лидеры революционной партии воспользовались уступчивостью испанских властей, и муниципалитет, находившийся под сильным влиянием народных собраний, с каждым днем приобретал все большее значение.

После захвата *Монте-Видео* англичане обосновались в этом наиболее желанном месте таким образом, который показывал, что у них были все намерения сохранить его за собой. В то время как генерал Ашмути занимал главный город, а также *Мальдонадо*, полковник Пак изгнал испанцев из *Колонии*, и берег реки *Плата*, который сегодня принадлежит Республике *Уругвай*, находился тогда в полном владении Англии. На берегу реки уже толпились торговые суда, перевозившие больше товаров, чем люди могли позволить себе купить. В *Монте-Видео* товары были распроданы на сто процентов. ниже цен, которые из-за таможенных поборов они устанавливали до сих пор. Даже наполовину английский, наполовину испанский журнал под названием “Южная звезда” был основан под эгидой Англии с целью провозгласить падение Испании.

Генерал Уайтлок достиг *Платы* только через три месяца после захвата *Монте-Видео*. К нему немедленно присоединился генерал Кроуфорд, которого догнал в Атлантике отправленный за ним курьерский катер. С имеющимися в его распоряжении объединенными силами отвоевание *Буэнос-Айреса* и его территории казалось главнокомандующему, как и всем остальным, очень простым делом, каким оно и было на самом деле. Было невозможно представить, что там, где силы в тысячу шестьсот человек в первый раз добились успеха, одна из десяти тысяч той же армии потерпит неудачу. Причину, однако, далеко искать не нужно. Она заключалась в разнице между Бересфордом и Уайтлоком.

Английские войска были разделены на четыре бригады. Первым, состоявшим из стрелкового батальона и одного полка линейной пехоты, командовал генерал Кроуфорд; вторым, состоявшим из трех батальонов, командовал сэр Сэмюэл Ашмути; третьим, состоявшим из двух батальонов и полка спешенных драгун, командовал генерал Ламли; четвертым, также состоявшим из двух батальонов и полка спешенных драгун, командовал полковник Мэхон. Конные батареи находились в резерве по непосредственному приказу главнокомандующего. Все действительные силы составляли почти десять тысяч человек, около двух тысяч было оставлено для защиты Монте-Видео вместе с небольшим отрядом ополчения, состоящим из всех жителей Англии.

Экспедиция отправилась в путь под одобрительные крики флота, и в воскресенье, 28 июня, войска высадились в небольшом порту *Энсеньяда*, в сорока восьми милях к югу от *Буэнос-Айреса*. Нелегко представить, почему было выбрано место, столь удаленное от города; но это соответствовало всем последующим действиям генерала. Их высадка не встретила сопротивления со стороны испанцев, которые, конечно, предполагали, что это произойдет ближе к городу, вероятно, в *Кильмесе*, где побывал Бересфорд. Не теряя времени, передовой отряд под командованием генерала Левисона Гауэра, заместителя командующего, был *в пути*, за ним последовали основные силы армии, которые без сопротивления двинулись к *Кильмесу*.

До сих пор, несмотря на низкую заболоченную местность и огромные болота и озера, которые расположены между *Энсеньядой* и *Буэнос-Айресом*, все шло хорошо, и казалось едва ли возможным ожидать какого-либо иного результата, кроме благоприятного. Поскольку между военно-морскими и сухопутными силами не могло поддерживаться никакой связи, армии пришлось обременить себя огромным грузом провизии, необходимой для пропитания десяти тысяч человек в течение одной недели. В течение нескольких часов бойцы находились по пояс в воде, поскольку их артиллерия часто тонула в болотах. Их провизия была скудной и промокшей; не было также никакого укрытия от сильного холода, даже запасы вина и крепких спиртных напитков подходили к концу. Войска маршировали по пустыне, жители исчезли вместе со своими лошадьми и скотом.

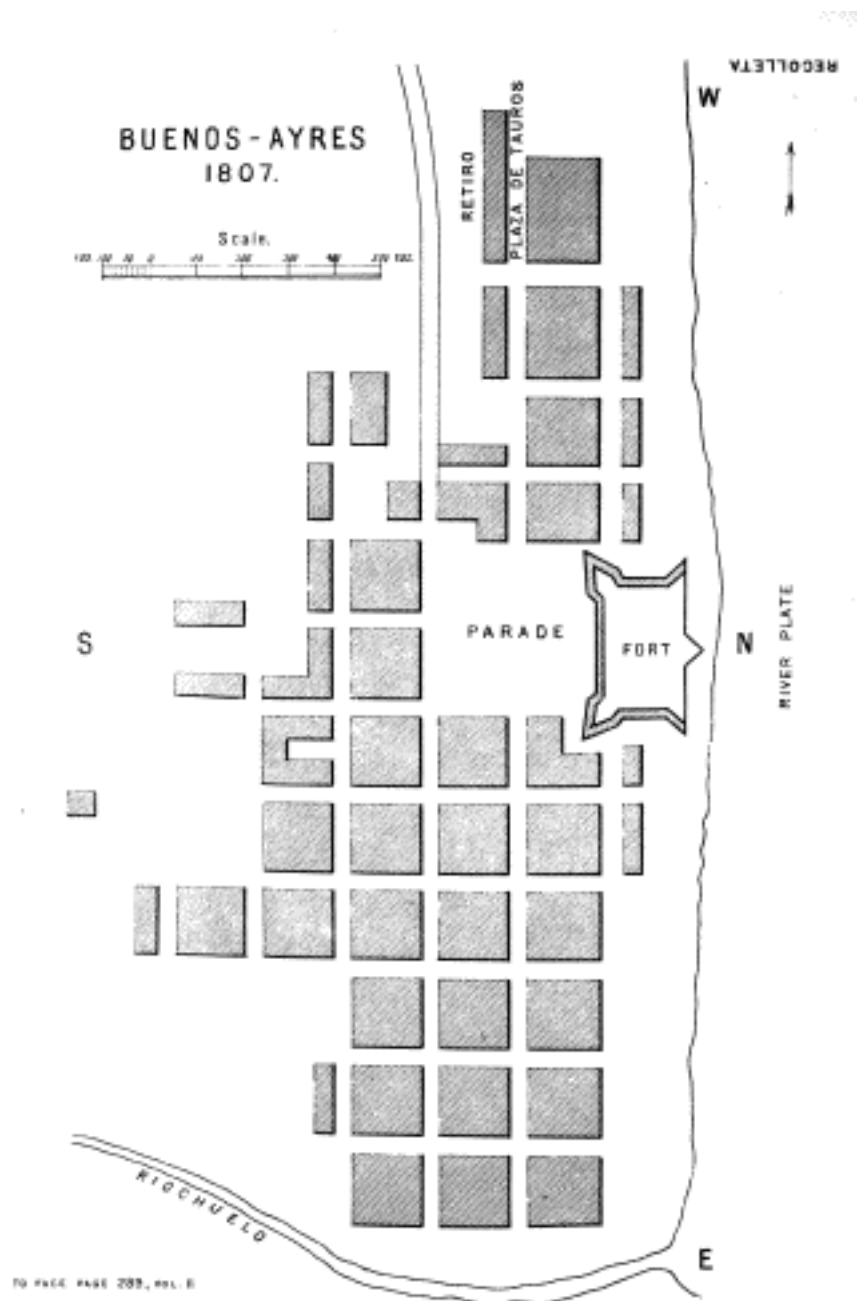
Буэнос-Айрес больше не был робким колониальным городом, каким его нашел Бересфорд. Президентом муниципалитета был *сеньор Альзага*, энергичный сторонник короля, пользовавшийся большим авторитетом в городе, где благодаря своему состоянию он занимал первое место. Народ был вооружен. Национальные батальоны были воодушевлены наилучшим духом. Линье, всегда храбрый, теперь должен был поддержать свою высокую репутацию и добиться от короны подтверждения титула, который он получил от народа. Их прошлые успехи придали уверенности как вождю, так и солдатам. Они видели, что такое уличные бои, и Уайтлоку и его людям предстояло пройти сквозь толпу вооруженных людей на улицах, прежде чем они доберутся до форта.

Таков был дух, которым были воодушевлены колониальные войска, когда 1 июля генерал Уайтлок достиг деревни *Кильмес*, в пятнадцати милях к югу от города. Отряд в шесть тысяч восьмьсот пятьдесят человек при пятидесяти трех орудиях выступил из города, чтобы защитить переправу через *Риочуэло*. На следующую ночь обе армии расположились лагерем соответственно по обоим берегам разделявшего их ручья. На следующее утро на рассвете испанцы выстроились в боевой порядок, ожидая атаки противника; но генерал Гауэр, обменявшись несколькими выстрелами, повел свои войска влево, намереваясь перейти *Риочуэло*, тремя милями выше. Линьеры проследили за его движением, но он не успел подоспеть вовремя, чтобы помешать ему совершить переход. Ему, однако, удалось встать между противником и городом, недалеко от *Мизерере*, на юго-западе города.

Завязался бой между *креольским* ополчением и бригадой генерала Кроуфорда; но дисциплина английских войск и их огромное превосходство в артиллерии быстро решили исход дня в их пользу. *Креолы* покинули поле боя, оставив всю свою артиллерию. Затем колониальные силы разделились на две части. Кавалерия, обойдя левый фланг англичан, вышла на равнину. Линьерс, который теперь считал город потерянным, последовал за всадниками и отдал им приказ встретиться в *Чачарите*, хорошо известной ферме в трех милях от английского тыла. Это была мудрая мера со стороны генерала, ибо, войди эти беглецы в город, они, несомненно, усилили бы смятение горожан, в то время как с этой позиции он все еще мог досаждать англичанам. Пехота укрылась в *Буэнос-Айресе*, где общее настроение теперь претерпело значительные изменения. Ночь была холодной и сырой; беглецы, измученные трудами предыдущего дня, были измотаны и избиты; генерал отсутствовал, никто не знал, где именно.

И здесь возобновилась серия безумных ошибок, совершенных генералом Уайтлоком. Вместо того чтобы преследовать разбитого врага и воспользоваться их паникой, он дал им ночь отдыха, в течение которой энергия Альзаги смогла в значительной степени устранить катастрофические

последствия разгрома *Мизерере*. Глава муниципалитета не позволил себе увлечься отчаянием войск в отсутствие губернатора; скорее, он чувствовал прилив энергии. По его приказу о солдатах заботились в муниципалитете и в казармах, и их подбадривали надеждой на лучшую судьбу в будущем. Альзага также приказал вырыть рвы на улицах вокруг главного парада, лицом к форту. Он также отправил гонцов к Линьерам, которые, сделав большой крюк,

ему удалось ворваться в город вместе со своими всадниками.

Утром 2 июля *Буэнос-Айрес* уже находился в состоянии обороны. Войска были распределены по крышам церквей, террасам домов и балконам; в то время как некоторые артиллерийские орудия

были размещены за рвами и за баррикадами, которые были возведены вокруг парада и вокруг открытого пространства, называемого *Peturo*. Таким образом, когда генерал Гауэр, возглавлявший передовой отряд, призвал город к капитуляции, положение дел полностью изменилось по сравнению с предыдущим вечером; уверенность сменилась унынием, и появились хорошие надежды на спасение города. Альзага ответил, что он не будет слушать никаких предложений о капитуляции гарнизона.

В этих обстоятельствах англичанам пришлось обдумать способ нападения, и они потратили следующий день на подготовку. 4-го числа гарнизон совершил *вылазки* вынудил нападавших покинуть несколько домов в пригороде, где они укрывались. Произошла также небольшая стычка между 88-м полком и одним из мулатов. Результат этих двух незначительных стычек не преминул приободрить испанцев.

Буэнос-Айрес, согласно представленному мне плану, в то время состоял из двадцати четырех квадратных кварталов зданий по сто пятьдесят ярдов с каждой стороны, к востоку от центрального парада, обращенного к форту, и из шести полных кварталов тех же размеров вместе с рядом незавершенных, расположенных в противоположном направлении. Задняя часть форта выходила к реке и состояла из шести квадратных кварталов к востоку и четырех к западу. Город, построенный по идеально правильному плану, был разделен параллельными улицами, пересекающимися друг друга длинными линиями между различными квадратными блоками зданий. Центральное пространство перед фортом занимало бы четыре квартала; иными словами, оно было площадью около трехсот пятнадцати квадратных ярдов. Город был полностью блокирован со стороны реки, и в распоряжении генерала Уайтлока были средства, позволяющие таким же образом блокировать его с трех других сторон и, таким образом, очень быстро заставить его сдаться без нанесения удара. Поскольку ему не удалось взять его с помощью *главного удара* после битвы при *Мизерере*, это был бы его простейший план, особенно учитывая катастрофический опыт Бересфорда в уличных боях. Это также имело бы то преимущество, что без внимания не было бы сколько-нибудь заметных человеческих жертв. С другой стороны, он мог бы обстрелять город, поскольку его гарнизон отказался сдаваться; или он мог бы продвигаться постепенно, зачистив по ходу движения каждый квадратный квартал домов и создав из каждого плацдарм для нападения на следующий.

Но генерал Уайтлок, казалось, был увлечен и ничего не упустил, чтобы сыграть на руку врагу. Отдав приказ, чтобы его войска не заряжали свои орудия, чтобы у них не возникло соблазна задержаться с целью отражения огня противника, он разделил все свои силы на восемь отрядов, которым предстояло одновременно проникнуть в город и, не обращая внимания на уличный огонь, который наверняка обрушится на них с крыш домов с плоскими крышами, направиться прямо к реке, откуда, повернув направо и налево соответственно, они должны были пройти к центральному параду и занять самые высокие здания.

В соответствии с вышеуказанным планом 45-й полк, находившийся справа, без труда проник в *Резиденцию*, которой он овладел. Легкая дивизия, состоящая из стрелков и легкой пехоты, несмотря на град пуль, которые сыпались на нее с балконов, окон и крыш, смогла подойти к доминиканскому монастырю; и, взломав ворота, солдаты проникли в церковь, где нашли знамена, которые были взяты у 71-го полка в предыдущем году. Поднявшись на башни, тамошние стрелки подняли те же флаги и с этой господствующей позиции вели очень эффективный огонь по горожанам, занявшим террасы соседних домов. Но форт, заметив

английский флаг на башнях монастыря, направил по нему такую канонаду, что находившиеся там англичане, запертые и тем временем отрезанные там ополченцами, были вынуждены сдаться по собственному усмотрению. Одним из заключенных был полковник Пак, который уже был взят в плен вместе с Бересфордом и который, сбегав, присоединился к нападению на монастырь *Сан-Доминго*.

Другая английская колонна под командованием полковника Кадогана, потеряв четвертую часть своей численности, была вынуждена сложить оружие, оказавшись в кольце огня возле колледжа иезуитов. Аналогичная участь постигла 88-й полк под командованием Даффа, после того как он прошел по центральным улицам на парад. 36-й полк, вошедший по улицам *Корриентеса* и *Тукумана*, был вынужден отступить к *Ретиро*, несмотря на героические усилия генерала Ламли. 5-й полк, пострадавший меньше, прибыл в монастырь *Святой Екатерины*, где и разместился, к скандалу и ужасу монахинь.

87-й полк под командованием Ашмути атаковал *Ретиро* и был уничтожен огнем войск, запертых на *площади Таурос*; но полковник Ньюджент, захватив батарею, защищавшую подходы с этой стороны, направил орудия против здания, занятого испанцами, и шестьсот человек, которые сопротивлялись атаке Ашмути, были подавлены огнем Ньюджента и вынуждены сдаться.

Ночь положила конец мрачному бою. 5-й полк остался в монастыре. Ашмуты и Уайтлок были осаждены в *Ретиро*. Большая часть 45-го заняла *Резиденцию* вместе с немецким батальоном, который был оставлен в качестве резерва. Этот роковой день стоил англичанам 1130 человек убитыми и ранеными, среди которых было семьдесят офицеров. Точно так же были взяты в плен и заперты в монастырях и казармах сто двадцать офицеров и полторы тысячи солдат, после того как они сдали свое оружие и боеприпасы местному ополчению или гражданам.

Утром 6-го генерал Уайтлок все еще имел в своем распоряжении около пяти тысяч боеспособных людей. Он установил связь с флотом, от которого мог получать провизию и подкрепления, а также крупнокалиберные орудия для использования против города.

Линьерс, видя, что обе стороны все еще могут сражаться, и желая избежать ненужного кровопролития, предпринял смелый шаг, послав английскому генералу флаг перемирия с предложением сдать всех его пленных, включая тех, что были взяты с Бересфордом, при условии, что он согласится немедленно сесть на корабль со всеми своими силами и отбыть.

И вот произошел инцидент, который, если бы не его серьезные последствия, граничил бы с нелепостью. Составляя свое сообщение английскому генералу, Линьерс просто оговорился, что в обмен на своих пленных последний должен покинуть территорию *Буэнос-Айреса*. Будучи сам храбрым офицером, ему никогда не приходило в голову, что генерала Уайтлока, который все еще владел *Монте-Видео* и возглавлял семитысячную армию из боеспособных людей, не говоря уже о флоте, можно попросить сдать *Уругвай*. Но Альзага думал иначе. Он настаивал на том, что условия соглашения должны включать передачу *Monte Video*. Линьерс возразил, что они не снимали *Монте-видео* и что они могли бы быть вполне удовлетворены, добившись освобождения *Буэнос-Айреса*. На это Альзага ответил, что не было бы ничего плохого во включении пункта, требующего восстановления *Monte Video*, поскольку, в худшем случае, против этого можно было бы только возразить. Этот пункт был соответственно включен — и соблюден без возражений.

Когда Уайтлок получил вышеупомянутые предложения, он сначала отклонил их; но, тем не менее, он потребовал двадцатичетырехчасового перемирия для вывоза раненых. Линейцы, чьи раненые были надежно размещены, в ответ вновь открыли огонь по *Ретиро*. Англичане совершили *вылазку*, в ходе которой, как говорят, пострадали даже больше, чем днем ранее. Авторы из Буэнос-Айреса признают, что английские войска, как офицеры, так и солдаты, прорывались по смертоносным улицам с величайшей отвагой; но их уверенность была полностью подорвана, как и следовало ожидать, когда они увидели себя жертвами такого генерала. Они сражались так, как это был их долг, но без малейшей надежды на победу. Колонисты, с другой стороны, были полны уверенности; и Альзага был более чем когда-либо полон решимости включить в условия капитуляции *Монте-Видео*.

Во второй половине дня генерал Гауэр появился в форте под флагом перемирия. Он был носителем предложений генерала Уайтлока, почти идентичных тем, которые были составлены Линьером по совету Альзаги. Английский полномочный представитель был принят Линьером, генералами Бальбианой и Веласко и мэром Альзага. Предложения генерала Уайтлока были приняты; англичанам было предоставлено сорок восемь часов на эвакуацию из *Буэнос-Айреса* и двухмесячный срок на высадку из *Монте-Видео* и оставление всех частей *Платы*. Капитуляция была ратифицирована на следующий день (7 июля) английским генералом, и город *Буэнос-Айрес*, что вполне естественно, восторжествовал, когда на следующий день увидел, как английские корабли снимаются с якоря перед своим отплытием.

Рассматривая серию событий, вызванных той же причиной, что привела к Трафальгарской победе и которая закончилась столь бесславно для Англии, следует отметить, что результат полностью связан с личными качествами трех человек — Линье, Уайтлока и Альзаги. Если бы не блестящий француз, который, по сути, был отцом южноамериканских республик, вполне вероятно, что генерала Бересфорда не потревожили бы в его владении *Буэнос-Айресом* до тех пор, пока он не оказался бы в безопасности благодаря прибытию подкреплений с мыса Доброй Надежды, и что, следовательно, экспедиция Уайтлока никогда бы не сыграла своей роли. Далее, если бы не жалкий характер этого офицера, [15] которому, а не Линьеру или Альзаге, был обязан отпор англичан, казалось едва ли возможным, чтобы столь могучей силе не удалось взять город, защищаемый всего одним фортом, и войсками, которые уже были побеждены. Наконец, если бы не упорство Альзаги, *Монте-Видео* и его очаровательные территории, по всей вероятности, в наши дни, как и мыс Доброй Надежды, принадлежали бы Англии. Последний результат вызывает особое сожаление, поскольку *Уругвай*, который под английским управлением мог бы стать земным раем и образцом для других государств того же континента, был первым среди южноамериканских республик как постоянный образец иронии над знаменитой фразой Каннинга.

Поскольку дальнейшая судьба генерала Уайтлока и его незадачливого командования, хотя и интересна англичанам, не относится должным образом к истории Южной Америки, я оставляю ее для приложения.

Примечание.—Глава XVIII. основан на “*Ла-Плате*”, пар Сантьяго Аркос; Париж: Мишель Леви Фрер, 1865;

“Письма о *Парагвае*” Дж. П. и У. П. Робертсонов. Джон Мюррей, Лондон, 1839;

“Суд над генералом Уайтлоком”; Лондон, 1808;

“Экспедиция Уайтлока”. Автор: офицер. Лондон, 1808.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Я.

28 января 1808 года в больнице Челси состоялся общий военный трибунал над генерал-лейтенантом Уайтлоком. В его состав входили завоеватель Агры и Лассварри, а также будущий герой Коруньи. Ими были distinguished генерал. Сэр У. Медоуз, distinguished генерал. Чапел Нортон, генерал виконт Лейк, генерал Халс, генерал Огилви, генерал Кайлер, генерал-лейтенант distinguished Е.Э. Фокс, генерал-лейтенант сэр Джеймс Дафф, рыцарь; генерал-лейтенант Харрис, генерал-лейтенант виконт Кэткарт, генерал-лейтенант Дандас, генерал-лейтенант Росс, генерал-лейтенант Пигот, генерал-лейтенант сэр Джордж Ньюджент, бакалавр; генерал-лейтенант Лофтус, генерал-лейтенант Уилфорд, генерал-лейтенант Гарт, генерал-лейтенант Ллойд, генерал-лейтенант Стейвли, генерал-лейтенант сэр Джон Мур, К.Б.

Первое обвинение.— Что генерал-лейтенант Уайтлок, получив инструкции от Главного государственного секретаря его Величества приступить к сокращению провинции *Буэнос-Айрес*, предпринял меры, плохо рассчитанные для облегчения этого завоевания; что, когда испанский командующий проявил такие признаки склонности к войне, что выразил желание связаться с генерал-майором Гауэром, заместителем командующего, по поводу условий, упомянутый генерал-лейтенант Уайтлок действительно отправил послание, в котором он потребовал, среди прочих статей, выдачи всех лиц, занимающих гражданские должности в правительстве *Буэнос-Айреса*. *Айрес*, как военнопленный: что упомянутый генерал-лейтенант Уайтлок, выдвигая такое оскорбительное и необычное требование, стремясь вывести из себя жителей *Буэнос-Айреса*, вызвать и поощрить дух сопротивления оружию его Величества, исключить надежду на мирное соглашение и увеличить трудности службы, которая ему была доверена, действовал способом, неподобающим его офицерскому долгу, наносящим ущерб военной дисциплине и противоречащим уставу военного времени.

Второе обвинение.— Что сказал генерал-лейтенант Whitelocke, после высадки войск на *Enseñada*, и в марте оттуда в город *Буэнос-Айрес*, не принять военные меры наилучшим образом обеспечить успех своей операции против города, и что, как известно, ранее в его атаках на город *Буэнос-Айресе* на 5 июля 1807, как видно из его публичных отправки 10 июля что враг хотел занимают плоские крыши домов, он, тем не менее, в упомянутой атаке, раздробить свои силы на несколько отрядов и частей, и приказал всем быть выгружен, и никакой стрельбы не допускается в любом случае; и, согласно этому приказу, в марте на главных улицах города не обеспеченный надлежащим и достаточным средством для того, чтобы форсировать *barricadoes*, в результате чего войска были без надобности подвергается разрушению, без возможности создания действенной оппозиции такого поведения предательстве большой профессионал нетрудоспособности на части, - сказал генерал-лейтенант Whitelocke, стремясь уменьшить уверенность войск в решении своих сотрудников, быть унижительным для чести Его Величества оружие, вопреки его долг, как офицера, ущерб порядка и воинской дисциплины, а также противоречит статьям войны.

Третье обвинение.—Что упомянутый генерал-лейтенант не предпринял, хотя это было в его силах, какой-либо эффективной попытки своими личными усилиями или иным образом сотрудничать с различными подразделениями армии, находящимися под его командованием, или поддержать их, когда они вступили в бой с противником на улицах *Буэнос-Айреса* 5 июля 1807 года; в результате чего эти войска, столкнувшись с постоянным и хорошо направленным огнем и выполнив смысл своих приказов, остались без помощи и подмоги, или дальнейших приказов, и значительных отрядов под командованием подполковника Дафф и бригадный генерал Кроуферд, таким образом, были вынуждены сдаться; такое поведение со стороны упомянутого генерал-лейтенанта Уайтлока, ведущее к поражению и бесчестию вооруженных сил Его Величества, уменьшающее доверие войск к мастерству и мужеству их офицеров, является неподобающим и позорным для его репутации как офицера, наносящим ущерб порядку и военной дисциплине и противоречащим уставу военного времени.

Четвертое обвинение.—Что сказал генерал-лейтенант Whitelocke, после нападения на город *Буэнос-Айрес*, и в то время, когда войска под его командованием находились во владении посты на каждом фланге городе, а также основной арсенал, с открытого общения на флоте, и наличие эффективной силой свыше 5000 человек, делал заключения, и, наконец, заключить договор с врагом, в результате он признает в общественных отправки 10 июля 1807—“что он решил отказаться от преимуществ, которые храбрость своего войска были получены, и какие преимущества у него около 2500 мужчин убитыми, ранеными и пленными;” и по такой договор он без надобности и позорно сдались все эти преимущества полностью эвакуирован город *Буэнос-Айрес*, и согласился доставить, и вовсе позорно покидают и доставку до противника мощной крепости *Монте видео*, которые были совершены в его ведении, и которые, на срок договора и отказ был хорошо и достаточно гарнизон и атаковать, и чего не было, на такой срок, в состоянии блокады или осады; такое поведение со стороны, - сказал генерал-лейтенант Whitelocke, стремящейся к бесчестию Его Величества руки, и вопреки его долг, как офицера, ущерб порядка и воинской дисциплины, а также противоречит статьям войны.

Материалы военного трибунала по делу генерал-лейтенанта Уайтлока занимают объем в 671 страницу, из которых я привожу следующие выдержки:-

Открывая дело, судья-адвокат охарактеризовал его как “самое важное событие в военной истории страны, которое когда-либо требовало расследования подобного нынешнему”. Экспедиция, по его словам, не только полностью провалилась с прискорбной потерей значительной части участвовавшей в ней доблестной армии, но и закончилась полной утратой тех ценных преимуществ, которые доблесть британских войск под командованием другого командующего ранее приобрела на важном посту *Монте-Видео*. “В результате этого крайне прискорбного события, - сказал он, - рухнули все надежды, которые справедливо и широко возлагались на открытие новых рынков для наших мануфактур, на то, чтобы дать более широкий простор духу и предприимчивости наших торговцев, на открытие новых источников сокровищ и новых областей для приложения усилий в удовлетворении либо грубых потребностей стран, выходящих из состояния варварства, либо искусственных и растущих потребностей в роскоши и утонченности в этих отдаленных уголках земного шара. Какими бы важными ни были эти объекты в любое время для нашей страны, состояние Европы и попытки, которые ежедневно

предпринимались, чтобы исключить нас из наших обычных контактов с Континентом, усилили важность этих объектов и разочарование этих надежд.

“Разочарование было жестоко усугублено позором, который такая неудача, при всех обстоятельствах, нанесла британскому оружию. Умаление нашей военной славы всегда должно ощущаться как великое национальное бедствие, но ни в какой период не ощущается так остро, как в этот мировой кризис, когда наш военный характер стал более важным, чем когда-либо, не только для нашей чести или нашей славы, но и для независимости, свобод, существования Великобритании. Однако большим утешением является то, что, каким бы пятном ни была запятнана наша военная слава, поведение войск не имело к этому никакого отношения. Я полагаю, чем больше будет изучаться это нападение 5 июля, тем яснее будет обнаруживаться, что ни один солдат никогда не проявлял большего мужества; что ни один офицер (за исключением того, что может оказаться связанным с предметом этих обвинений, и я надеюсь, что результат этого расследования может доказать, что исключение было незаслуженным), но, за этим исключением, что ни один офицер никогда не проявлял большего рвения, большего поведения, большей преданности общему делу в ходе самого триумфального сражения, чем британские офицеры в течение всего того разрушительного дня.... Но эти обвинения основаны не на отчетах; они опираются на более веские доказательства. Они взяты не из праздных разговоров или пустых слухов, а из приказов и депеш самого генерала Уайтлока. Против него не выдвинуто ни одного обвинения, которое не вытекало бы из его авторитета. Характер, придаваемый этим фактам, действительно, вызывает обвинения самого серьезного характера; но сами факты основаны на его собственном рассказе о его собственном поведении; настолько, что я мог бы с полной уверенностью довольствоваться со стороны общественности изложением приказов и депеш генерала Уайтлока вам как документов, самих по себе и без каких-либо других доказательств, вполне достаточных для того, чтобы призвать его к защите. Он сам себя обвиняет: он дал самые убедительные показания против самого себя”.

Копия письма генерал-лейтенанта Уайтлока почтенному Уильяму Уиндхэму, датированного Буэнос-Айресом 10 июля 1807 года.

Буэнос-Айрес, 10 июля 1807 г..

Сэр, имею честь уведомить вас, для сведения его Величества, что после того, как 15 июня в Маунт—Видео к ним присоединился корпус под командованием бригадного генерала Кроуферда, контр-адмирал Мюррей и я не теряли ни минуты, принимая все необходимые меры для атаки *Буэнос-Айреса*. После многих задержек, вызванных сильным ветром, 28 числа того же месяца без сопротивления была произведена высадка в *Энсеньяда-де-Баррагон*, небольшой бухте примерно в 30 милях к востоку от города. В этой экспедиции были задействованы следующие корпуса: три бригады легкой артиллерии под командованием капитана Фрейзера; 5—й, 38—й и 87—й пехотные полки под командованием бригадного генерала сэра Сэмюэля Ахмути; 17—й легкий драгунский, 36—й и 38—й полки под командованием бригадного генерала почтенного Уильяма Ламли; восемь рот 95-го полка и девять рот легкой пехоты под командованием бригадного генерала Кроуферда; четыре отряда 6-го гвардейского драгунского полка; 9—й легкий драгунский полк; 40—й и 45—й пехотные полки. , под командованием почтенного полковника Т. Мэхона; все драгуны спешили, за исключением четырех солдат 17-го полка под командованием подполковника Ллойда.

После нескольких утомительных маршей по местности, в значительной степени пересеченной болотами и глубокими мутными речушками, армия достигла *Редукции*, деревни, расположенной примерно в девяти милях от моста через *Рио-Чуэлло*, на противоположном берегу которой противник соорудил батареи и установил мощную линию обороны. Поэтому я решил сменить позицию, пройдя двумя колоннами слева от меня и перейдя реку выше по течению, где ее можно было перейти вброд, чтобы объединить свои силы в пригородах *Буэнос-Айреса*. В то же время я отправил указания полковнику Мэхону, который подтягивал большую часть артиллерии под охраной 17-го легкого драгунского полка и 40-го полка, ждать дальнейших приказов *осокращения*. Генерал-майор Левисон Гауэр, командовавший правой колонной, переправился через реку у перевала, называемого *Пассо-Чико*, и, встретившись с корпусом противника, доблестно атаковал и разгромил его; за подробностями этого действия я прошу вас обратиться к прилагаемому отчету. Из-за незнания моего проводника я соединился с основными силами армии только на следующий день, когда я сформировал свою линию, разместив бригаду бригадного генерала сэра Сэмюэля Ахмути слева, растянув ее до монастыря *Реколлета*, от которого она была удалена на две мили, 36-й и 88-й полки находились справа, бригада бригадного генерала Кроуферда занимала центральные и главные проспекты города, находясь примерно в трех милях от большой площади и форта; и 6-й гвардейский драгунский 9-й гвардейский драгунский полк находился на расстоянии двух миль от монастыря. Легкие драгуны и 45-й полк находились справа от него и тянулись к *Резиденции*. Таким образом, город был почти окружен; и такое расположение армии и обстоятельства, при которых город и пригороды были разделены на квадраты по 140 ярдов с каждой стороны, вместе с осознанием того, что противник намеревался занять плоские крыши домов, привели к следующему плану атаки: Бригадному генералу сэру Сэмюэлю Ахмути было приказано выделить 38-й полк, чтобы самому овладеть *Пласа-де-Таурос* и прилегающим укрепленным пунктом и занять там пост. 87-й, 5-й, 36-й и 88-й полки были разделены на фланги, и каждому флангу было приказано выйти на улицу непосредственно перед своим фронтом. Легкому батальону, разделенному на фланги, за каждым из которых следовало крыло 95-го полка и 3-фунтовое орудие, было приказано пройти по двум улицам справа от центральной, а 45-му полку - по двум прилегающим, и после зачистки улиц от противника этот последний полк должен был занять пост у *Резиденции*. Две 6-фунтовые пушки были расставлены вдоль центральной улицы, прикрываемые карабинерами и тремя подразделениями 9-го легкого драгунского полка, остальная часть которого была размещена в качестве резерва в центре. Каждой дивизии было приказано продвигаться по улице непосредственно перед собой, пока она не достигнет последней площади домов у реки *Плата*, которой она должна была овладеть, построившись на плоских крышах, и там ожидать дальнейших приказов. 95-му полку предстояло занять два наиболее выгодных положения, находясь в которых он мог досаждал врагу. Двум капрам с инструментами было приказано идти во главе каждой колонны с целью взлома дверей. Все они были разгружены, и стрельба не разрешалась до тех пор, пока колонны не достигнут своих конечных пунктов и не построятся. Канонада на центральных улицах послужила сигналом для всего движения вперед.

В соответствии с этим соглашением, в половине седьмого утра 5-го числа 38-й полк, двигавшийся влево от себя, а 87-й - прямо на его фронт, приблизился к укрепленному посту *Ретиро* и *Пласа-де-Таурос*; и после самой энергичной и энергичной атаки, в которой эти полки сильно пострадали от картечи и ружейного огня, их доблестный командир, бригадный генерал сэр Сэмюэл Ахмути, овладел постом, захватив 32 орудия, огромное количество боеприпасов и 600 пленных. 5-й полк, встретив незначительное сопротивление, проследовал к реке и овладел

церковью и монастырем Святой *Каталины*. 36-му и 88-му полкам под командованием бригадного генерала Ламли, двигавшимся в установленном порядке, вскоре противостоял сильный и непрерывный ружейный огонь с крыш и из окон домов, двери которых были забаррикадированы настолько прочно, что сделать их прорыв было практически невозможно: улицы пересекали глубокие рвы, внутри которых были установлены пушки, осыпавшие наступающие колонны виноградным дождем. Однако, несмотря на это сопротивление, 36-й полк, возглавляемый доблестным генералом, достиг своей конечной цели; но 88-й, находясь ближе к форту и основным укреплениям противника, был настолько ослаблен его огнем, что был полностью разгромлен и взят в плен. Оказавшись, таким образом, незащищенным с фланга 36-го полка, этот полк вместе с 5-м отступил к посту сэра Сэмюэля Ахмути на *Пласа де Таурос*, однако не раньше, чем подполковник Берн и гренадерская рота 36-го полка получили возможность отличиться, атаковав около 500 человек противника, захватив и подбив два орудия. Два 6-фунтовых орудия продвигались по центральным улицам, встречаясь с очень сильным огнем, четыре отряда карабинеров во главе с подполковником Кингтоном продвинулись вперед, чтобы взять противостоящую им батарею; но этот доблестный офицер, к сожалению, был ранен, а также капитан Баррелл, следующий по старшинству, и огонь как со стороны батареи, так и со стороны домов оказался очень разрушительным, они отступили на небольшое расстояние, но продолжали занимать позицию перед основными укреплениями противника, значительно превосходящую ту, которую они заняли утром.

Левая дивизия бригады бригадного генерала Кроуфорда под командованием подполковника Пака прошла почти до реки и, повернув налево, приблизилась к большой площади с намерением овладеть колледжем иезуитов, позицией, которая контролировала главную линию обороны противника; но из-за очень разрушительного характера его огня это было признано невыполнимым; и, понеся тяжелые потери, одна часть дивизии укрылась в доме, который впоследствии был признан ненадежным, вскоре была вынуждена сдаться, в то время как остальная часть, выдержав тяжелую атаку, была вынуждена отступить. ведя ужасный огонь с величайшей отвагой, подполковник Пак, его командир, будучи ранен, отступил против правой дивизии, которой командовал сам бригадный генерал Кроуферд. Эта дивизия, полностью пройдя реку *Плата*, повернула также влево, чтобы приблизиться к большой площади и форту, от северо-восточного бастиона которого она была удалена примерно на 400 ярдов, когда бригадный генерал Кроуферд, узнав о судьбе своей левой дивизии, счел наиболее целесообразным овладеть монастырем *Сан-Доминго*, возле которого он тогда находился, намереваясь продвинуться дальше к францисканской церкви, которая находилась еще ближе к форту, если атака или успех какой-либо другой из наших колонн в какой-то мере освободит его от преследования. множество врагов, которые окружали его. 45-й полк, находясь дальше от центра противника, занял *Резиденцию* без особого сопротивления; и подполковник Гвард, оставив ее во владении своих батальонных рот, двинулся с гренадерской ротой к центру города и присоединился к бригадному генералу Кроуферду. Враг, который теперь окружил монастырь со всех сторон, пытаясь завладеть 3-фунтовым орудием, лежавшим на улице, подполковник со своей ротой и несколькими легкопехотными под командованием майора Троттера атаковали их с большим воодушевлением: в одно мгновение большая часть его роты и майор Троттер были убиты, но орудие было спасено. Бригадный генерал был вынужден теперь ограничиться обороной монастыря, из которого стрелки вели прицельный огонь по тем из неприятелей, которые приближались к посту; но количество патронов, картечи и ружейного огня, которому они подвергались, в конце концов вынудило их покинуть верхнюю часть здания; и противник

численностью 6000 человек подтянул пушки, чтобы взломать деревянные ворота, выходившие на форт, у бригадного генерала не было связи ни с какими другими колоннами, и, судя по прекращению стрельбы, те, кто был рядом с ним, были вынуждены покинуть верхнюю часть здания. не добившись успеха, сдались в четыре часа пополудни. В результате сегодняшних действий я овладел *Площадью Таурос*, сильным постом справа от противника, и *Резиденсией*, другим сильным постом, слева от него, в то время как я занял передовую позицию напротив его центра. Но эти преимущества стоили примерно 2500 человек убитыми, ранеными и пленными. Характер огня, которому подвергались войска, был крайне жестоким. Картечь на углах всех улиц, ружейный огонь, ручные гранаты, кирпичи и камни с крыш всех домов. Каждый домохозяин со своими неграми защищал свое жилище, каждое из которых само по себе было крепостью; и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что все мужское население Буэнос-Айреса было занято его защитой. Таково было положение армии утром 6-го числа, когда генерал Линьерс направил мне письмо, в котором предлагал выдать всех своих пленных, взятых в последнем деле, вместе с 71-м полком и других, взятых вместе с бригадным генералом Бересфордом, если я воздержусь от дальнейших атак на город и отведу войска его Величества от реки *Плата*; в то же время намекая, что из-за раздраженного состояния населения он не может отвечать за безопасность пленных, если я буду упорствовать в наступательных действиях. Под влиянием этого соображения (которое, как я знал из более авторитетных источников, было на самом деле обоснованным) и размышляя о том, как мало преимуществ имело бы обладание страной, жители которой были столь категорически враждебны, я решил отказаться от преимуществ, полученных храбростью войск, и присоединился к прилагаемому договору, который, я надеюсь, встретит одобрение его Величества.

Мне больше нечего добавить, кроме как упомянуть в качестве высшей похвалы поведение контр-адмирала Мюррея, в чьем сердечном сотрудничестве никогда не было недостатка, когда его усилия могли принести пользу армии; капитана Роули, королевского военно-морского флота, командующего моряками на берегу; капитана Байнтуна с корабля его Величества “Африка”, который руководил высадкой; и капитана Томсона с “Флай”, который руководил канонерскими лодками и ранее оказал мне большую услугу, проведя разведку побережья. ривер, вы все имеете право на мою наилучшую благодарность.

Поскольку его репутация уже настолько высока, почти нет необходимости утверждать, что от моего заместителя по командованию, генерал-майора Левисона Гауэра, я получал всяческую ревностную и полезную помощь. Я также выражаю благодарность бригадным генералам сэру Сэмюэлю Ахмути и Ламли, а также полковнику Мэхону и бригадному генералу Кроуферду, командующим бригадами. Я не могу в достаточной мере подчеркнуть необычные усилия капитана Фрейзера, командующего королевской артиллерией, плодовитость ума которого, рвение и одушевление во всех делах оставляли трудности позади. Капитан Сквайр из королевских инженеров также заслуживает моей наилучшей благодарности. Я также не должен упускать из виду доблестное поведение майора Николса из 45-го полка, который утром 6-го числа, будучи тесным противником возле *Резиденции*, с большим воодушевлением атаковал их и захватил две гаубицы и много пленных. Подполковник Брэдфорд, заместитель генерал-адъютанта, также имеет большое право на мое одобрение как доблестный и подающий надежды офицер. Офицеры моего личного штаба, подполковник Торренс, военный министр, капитаны Браун, Фостер, Дуглас и Уиттингем, адъютанты, также должны быть упомянуты мной с точки зрения справедливого уважения. Знание испанского языка, которым обладает последний, было мне в высшей степени полезно.

Эта депеша будет доставлена вам подполковником Бурком, заместителем генерального квартирмейстера, который оказал мне ту помощь, которую можно было бы ожидать от офицера с его военными талантами и преданностью службе; к нему я прошу направить вас за любыми дальнейшими подробностями, касающимися военных операций в этой части света.—Имею честь быть и т.д.

(Подпись) Джон Уайтлок,
генерал-лейтенант.

Достопочтенный У. Уиндхэм,
&с. &с. &с.

Копия письма генерал-лейтенанта Уайтлока достопочтенному Уильяму Уиндхэму от 10 июля 1807 г. — Частное.

Буэнос-Айрес, 10 июля 1807 г..

Сэр, имею честь сообщить вам, что сразу после моего прибытия в *Монте—Видео*, 10 мая, я начал всячески готовиться к штурму этого места, как к первому и наиболее важному шагу на пути к захвату провинции. С этой целью были посланы военные шлюпы и другие легкие суда для разведки южного берега реки, чтобы определить точную точку высадки. Оказалось, что вода была слишком мелкой, чтобы можно было высадиться под прикрытием военных кораблей где-либо к западу от города *Буэнос-Айрес*, а также ближе к нему на востоке, чем *Энсеньяда* из *Баррагона*. Поэтому эта бухта была выбрана в качестве пункта высадки, и все приготовления, которые можно было сделать заранее, продвигались с ускорением, пока я с нетерпением ожидал прибытия корпуса бригадного генерала Кроуфорда и флота, с которым я отплыл из Англии.

27 мая контр-адмирал Мюррей и бригадный генерал Кроуферд прибыли в устье реки; но из-за преобладания встречных ветров экспедиция достигла Монте-Видео только 14 июня. Я немедленно решил не дожидаться прибытия конвоя из Англии, поскольку, по общему мнению жителей и тех офицеров, которые провели зиму в провинции, июль и август были представлены как наиболее неблагоприятные для военных действий месяцы из-за сильных и непрерывных дождей, которые преобладают в это время года. Выбрав *Колонию* в качестве места сбора, из которого должна была начаться экспедиция, я отправил войска небольшими подразделениями, ввиду сложной навигации, оставив в *Монте-Видео* 47-й полк, подразделения 20-го и 21-го легких драгунских полков, две роты 38-го полка и корпус ополчения, сформированный британскими купцами, в целом составивший гарнизон численностью около 1300 человек под командованием полковника Брауна из 40-го полка; и после долгой задержки, вызванной встречным ветром, контр-адмирал Мюррей и 21-й легкий драгунский полк, сформированные из британских купцов, были отправлены в гавань. я прибыл напротив точки высадки 28-го ульtimo.

Утром флот вошел в залив, и до наступления ночи вся армия, состоящая, согласно margin, из [16], без сопротивления, была высажена на побережье противника. Большая часть следующего дня была занята высадкой артиллерии, лошадей и припасов. Сразу же после высадки бригады бригадного генерала Кроуферда и 38-го и 87-го полков я выделил генерал-майора Л. Гауэра с этими силами и двумя 3-фунтовыми пушками для занятия высот на моем фронте, примерно в пяти милях; и на следующее утро я присоединился к нему с остальной частью армии, четырьмя 6-фунтовыми пушками и двумя 3-фунтовыми пушками, остальная артиллерия не была высажена. В тот же день я приказал генерал-майору Л. Гауэру предварить мой марш своим передовым корпусом, заменив 36-й и 88-й полки под командованием бригадного генерала Ламли 38-м и 87-м полками; и я оставил полковника Мэхона с четырьмя отрядами 17-го легкого драгунского полка и 40-м полком защищать орудия, когда они подойдут, и прикрывать тыл армии, будучи в основном вынужденным разделить мои силы на эти дивизии, с целью более быстрого обеспечения прикрытия и горючего. 1 июля передовой корпус выбил небольшой отряд противника из деревни *Редукция* и занял пост примерно в двух милях за ней, в то время как я занял деревню с основными силами. Теперь я находился примерно в девяти милях от моста через *Рио-Черуэлло*, на противоположном берегу которого, как я понял, противник соорудил батареи и намеревался закрепиться. Поэтому я решил, вместо того чтобы форсировать мост, обойти линию обороны противника, совершив марш слева от нас и перейдя реку двумя колоннами выше по течению, где ее можно было перейти вброд, и продолжая маршировать до тех пор, пока я полностью не выйду к западу и северу от города, расположу свой левый фланг на реке *Ла-Плати* и установлю сообщение с флотом. 2-го числа, в девять часов, генерал-майор Л. Гауэр выступил со своим корпусом, который теперь следует рассматривать как правую колонну, а я сам выступил в десять с намерением объединить наши силы тем же вечером в предместьях города. Генерал-майор Л. Гауэр, переправившись через реку, его передовая бригада столкнулась со значительным корпусом противника под командованием самого генерала Линье, который он атаковал с большой живостью, полностью опрокинул его, захватив десять орудий и несколько пленных. Генерал-майор остановился на местности, с которой он изгнал врага, ожидая моего прибытия и одновременно отправив вызов генералу Линьеру (№ 1), который был отклонен в этом случае, а также на следующий день, когда я послал к нему сам (согласно № 2). Из-за неведения моего проводника, который вел меня значительным обходом, я не добрался до генерал-майора до следующего дня, когда я сформировал свою линию, разместив одну из моих бригад под командованием сэра Сэмюэля Ахмути слева от бригадного генерала Линьерса. Армия генерала Ламли расширила ее до монастыря *Реколлета*, расположенного примерно в двух милях; и еще одна под командованием подполковника гвардии, справа, в направлении *Резиденции*, в то время как бригада бригадного генерала Кроуферда занимала центральные и главные проспекты города, находясь примерно в трех милях от большой площади и форта *Буэнос-Айреса*. Следуя моему первоначальному плану, я намеревался на следующее утро двинуться левым флангом к монастырю *Реколлета*, который, стоя на возвышенности непосредственно над рекой, я мог бы связаться с флотом и высадить тяжелые орудия для энергичной атаки города, если генерал Линьерс упрямо откажется его сдать. Посоветовавшись, однако, с генерал-майором Л. Гауэром, он представил мне другой план атаки, который, поскольку он обещал более быстрое завершение, поскольку устранял необходимость марша влево и задержку, которая была бы вызвана высадкой тяжелых орудий и установкой батарей, задержку, которой я тем более боялся из-за того, что, по всей видимости, начались дожди и люди были в значительной степени подвержены суровой погоде из-за невозможности доставки лагерного снаряжения. По этим причинам я согласился изменить свой

план и принять то, что, казалось, было в целом одобрено подчиненными мне генералами. Кроме того, мера бомбардировки или любая другая мера, которая могла бы привести к неизбирательным человеческим жертвам, разрушить город и вызвать раздражение населения, по размышлении показалась мне противоречащей как букве, так и духу моих инструкций. Я надеялся также с помощью этого плана вытеснить тех, кто сопротивлялся продвижению войск его Величества, и, оттеснив их к подножию города, захватить там некоторое количество пленных, которые в наших руках могли бы стать залогом возвращения 71-го полка и других войск, захваченных бригадным генералом Бересфордом, в то время как миролюбивые жители и те, кто наиболее расположен к нам, спокойно оставаясь в своих домах, могли бы избежать опасности нападения. Природу этого нападения лучше всего можно объяснить присоединением к Общему приказу (№ 3). Результат был успешным в основных пунктах, поскольку я овладел площадью *Таурос*, сильным постом на правом фланге противника, 32 орудиями и большим складом боеприпасов и провизии, а также *Резиденцией*, другим сильным постом слева от противника, и четырьмя пушками, которые его защищали. Но эти завоевания были куплены потерей 2500 человек убитыми, ранеными и пленными, причем среди последних был бригадный генерал Кроуферд и другие высокопоставленные офицеры. Поведение как офицеров, так и рядовых в этом бою было в высшей степени доблестным, и тяжесть потерь была вызвана исключительно упорством обороны. Враг вырыл рвы поперек главных улиц и разместил в них пушки; он занял плоские крыши всех домов в господствующих положениях и оттуда, а также из окон, обрушивал разрушительный огонь из мушкетов, ручных гранат, огнеметных горшков и т. Д. На колонны по мере их продвижения; кроме того, он предусмотрительно забаррикадировал двери таким прочным образом, что их было очень трудно взломать, хотя войска были снабжены орудиями для этой цели. Каждый домохозяин со своими неграми защищал свое жилище; и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что на его оборону было задействовано все мужское население *Буэнос-Айреса*, само это население в полевых условиях, вероятно, не выдержало бы атаки двух британских полков.

Утром, последовавшим за атакой, я получил письмо от генерала Линье, в котором предлагалось выдать всех пленных, взятых в ходе последнего дела, а также тех, кто был взят вместе с генерал-майором Бересфордом, если я снизойду до прекращения атаки и вывода войска его Величества из провинции. По этому поводу состоялась переписка, которая завершилась договором, который я имею честь препроводить.

Мои причины для участия в этих переговорах были кратко таковы: — Я потерял в предыдущей атаке людей, хотя и занял сильный пост на правом фланге противника, с которого я поддерживал связь с флотом и откуда можно было обстреливать город из тяжелых орудий и иным образом досаждал ему. Тем не менее, основные оборонительные сооружения противника находились слишком далеко от этого пункта и были слишком сильно застроены домами, чтобы я мог надеяться, что смогу в любой момент уничтожить их одной пушкой, даже если природа моих инструкций не препятствовала такой мере. Генерал Линьерс также сообщил мне в своем письме, что он не может отвечать за жизни своих пленных, если атака будет продолжаться; и из всего, что я с тех пор услышал от самих офицеров, у меня есть основания полагать, что все они были бы принесены в жертву ярости разъяренной толпы. Следовательно, ничего не оставалось предпринять в наступлении, кроме еще одной атаки на город, проведенной способом, подобным предыдущему; исход которой должен был быть сомнительным, поскольку мои силы, когда они были собраны, не достигали 5000 человек; и, даже в случае успеха, мои потери, вероятно, сделали бы эти силы недостаточными для

удержания взятого города. Если попытка новой атаки считалась бесплодной, все же оставалось два способа отступления: либо по договору, либо повторная высадка перед лицом врага. Последняя мера, несомненно, повлекла бы за собой дополнительные потери, и раненые и пленные в ходе последнего сражения, а также 71-й полк, всего 4000 человек, были навсегда потеряны для Великобритании. В обмен на это я получил бы лишь номинальное командование в *Монте-Видео*, должность, которая никогда не могла считаться выгодной, пока столица провинции и крупное торговое предприятие оставались в руках врага.

Поэтому я решил присоединиться к этому договору, по которому я получу возможность вывести почти всю мою собственную армию и вернуть 71-й полк, пункт, который мои инструкции научили меня считать первостепенно важным; и я эвакуирую провинцию, которую силы, на которые я был уполномочен рассчитывать, никогда не могли поддерживать и которую, из-за крайне враждебного расположения ее жителей, на самом деле не стоило поддерживать.

Я распоряжусь армией способом, указанным в моих инструкциях, подробности которых я сообщу вам из *Монте-Видео*, другим военным кораблем, которое отправится оттуда с дубликатами этих депеш. Надеюсь, что поведение, которого я придерживался в этой трудной ситуации, может встретить милостивое одобрение его Величества, —я имею честь быть, и с.

(Подпись) Джон Уайтлок,
генерал-лейтенант.

Это будет передано вам подполковником Бурком, к которому, а также к сэру Сэмюэлю Ахмути я отсылаю вас за дальнейшими подробностями.

(Подлинная копия) Э. Кук.

Достопочтенный Уильям Уиндхэм,
&c. &c. &c.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР.

Окончательный договор между Главнокомандующими его Британского Величества и его Католического Величества, согласно следующим статьям:

первое. С этого времени по обе стороны реки *Тарелка*.

2. Войска его Британского Величества должны удерживать в течение двух месяцев крепость и местечко *Монте—Видео*; и, как нейтральная страна: должна рассматриваться линия, проведенная от *Сан-Карлоса* на западе до *Пандо* на востоке, и ни на одной части этой линии не должно быть военных действий ни с одной стороны, при этом нейтралитет понимается только для того, чтобы граждане обеих наций могли свободно жить по своим законам - испанских подданных судить по их законам, как английских - по законам их нации.

3. Обе стороны должны обеспечить взаимное возвращение пленных, включая не только тех, которые были взяты с момента прибытия войск под командованием генерал-лейтенанта

Уайтлока, но и всех подданных его Британского Величества, захваченных в Южной Америке с начала войны.

4. Что для быстрой отправки судов и войск его Британского Величества не должно быть никаких препятствий на пути поставок провизии, которые могут быть запрошены для *Монте-Видео*.

5. С этого времени войскам его Британского Величества дается десятидневный срок для повторной высадки на северный берег реки *Ла-Платас* оружием, которое может быть в их распоряжении, припасами и снаряжением в наиболее удобных пунктах, которые могут быть выбраны, и в течение этого времени им можно продавать провизию.

6-е число. Что во время сдачи места и крепости *Монте-Видео*, которая состоится по истечении двух месяцев, установленных во второй статье, поставка будет произведена в те сроки, в которые она была найдена, и с той артиллерией, которая была у нее на момент взятия.

7-й. Три рядовых офицера должны быть доставлены до выполнения вышеуказанных статей обеими сторонами; при этом хорошо понимается, что офицеры его Британского Величества, освобожденные условно-досрочно, не могут служить против Южной Америки до своего прибытия в Европу.

Совершено в форте *Буэнос-Айрес* седьмого июля тысяча восемьсот седьмого года с подписью двух исполнителей одного тенора.

Сантьяго Линьерс
Касер Бальбиани,
Бернардо Веласкос,

Дж. Уайтлок,
генерал-лейтенант. Комм^г.
Гео. Мюррей,
комм-контр-адмирал^г.

(Подлинная копия) Э. Кук.

Генерал-майор Гауэр генералу Линье, 3 июля.

Корал-де-Мизерала, перед Буэнос-Айресом,
3 июля 1807 г..

Сэр, капитан 17—го драгунского полка Роуч, которого я имел честь направить к вам сегодня утром, проинформировав меня о том, что вы хотели связаться со мной по поводу условий, я прошу уведомить вас, что его превосходительство генерал-лейтенант Уайтлок приказал мне (из его искреннего желания избежать ненужного пролития человеческой крови) сообщить вам, что при нынешнем положении дел, если они не перейдут к дальнейшим военным действиям, он предоставит условия городу *Буэнос-Айресу*: что нижеследующее должно быть основой, на которой они будут действовать. они должны быть приняты; но что любое незначительное изменение, которое может сделать их более благоприятными, без изменения их первоначальных основных положений, возможно, может быть согласовано:

первое. Все британские подданные, задержанные в Южной Америке, должны быть выданы, а достаточное количество заложников передано во власть британского командующего до их прибытия в *Буэнос-Айрес*.

2. Что все лица, занимающие гражданские должности, зависящие от правительства *Буэнос-Айреса*, и все военные офицеры и солдаты становятся военнопленными.

3d. Чтобы все пушки, склады, оружие и боеприпасы были доставлены невредимыми.

4. Чтобы все общественное имущество любого вида было передано британскому командованию.

5-е. Жителям *Буэнос-Айреса*.,,

6-е. Что вся частная собственность на берегу должна уважаться и передаваться ее владельцам.

Наши силы настолько значительны, что я искренне верю, что вы не можете сомневаться в конечном результате. Я надеюсь, вы поверите мне, когда я заверю вас, что желание избежать столь ужасной сцены, какую всегда представляет собой город, взятый штурмом, - это единственное, что побудило его превосходительство генерал-лейтенанта Уайтлока разрешить мне обратиться к вам.

(Подпись) Дж. Л. Гауэр,
генерал-майор.

Его Превосходительство генерал. Линьерс,
&c. &c. &c.

(Подлинная копия) Э. Кук.

Ответ генерал-майора Эллио генерал-майору Гауэру.

3 июля 1807 года.

Сэр, —По приказу испанского генерала, *дона* Сантьяго Линьерса, я отвечаю на письмо, доставленное вашим флагом перемирия, о капитуляции этой столицы, сообщая, что мы не будем предпринимать никаких действий, связанных со сложением оружия, — что у испанского генерала достаточное количество храбрых войск под командованием храбрых вождей, полных желания умереть, защищая свою страну, и что сейчас подходящий момент проявить свой патриотизм.—Я остаюсь и т.д.

(Подпись) Генерал-майор Колл. Эллио.

Генерал-майор. Левисон Гауэр.

План атаки.—Циркуляр.

Штаб, лагерь перед Буэнос-Айресом
, 4 июля 1807 г..

Сэр, настоящим имею честь приложить инструкции по нападению на Буэнос-Айрес. Отказ испанского генерала выслушать условия, а также состояние армии из-за усталости и плохой погоды не оставляют особого выбора в отношении способа достижения нашей цели; в противном случае я, несомненно, был бы склонен принять *одну* *столь же рассчитанную* [17], чтобы обеспечить нам владение этим местом без вероятного пролития стольких кровопролитий.

Поэтому я должен пожелать, чтобы вы внушили всем офицерам, действующим по вашим непосредственным приказам, необходимость предотвращения, в максимально возможной степени при таких обстоятельствах, актов насилия в отношении лиц, не носящих оружия, а также женщин и детей.—Имею честь быть и т.д.

(Подпись) Джон Уайтлок.

Бригадирам.

КОПИЯ ОБЩЕГО ПРИКАЗА,

4 июля 1807 года.

Сэру Сэмюэлю Ахмути приказать выделить 38-й полк, овладеть *площадью Таурос* и прилегающими к ней укреплениями и занять там позиции.

87-й, 5-й, 36-й и 88-й полки должны быть разделены на фланги, и каждое крыло должно выйти на улицу прямо перед собой, в колонне отделений прямо перед собой.

Легкому батальону флангами проникнуть на вторую улицу, справа от той, что ведет от дома мистера Уайта, и на следующую за ней, за ней следует 95-й полк.

Левая дивизия 95-го полка должна получить приказы от полковника Парка, правая дивизия - от генерала Кроуферда; две трехфунтовые пушки должны следовать за этими колоннами, по одной на каждую. 45-му наступать флангами, слева впереди, до двух следующих улиц за легким батальоном. Карабинерам отойти с двумя 6-фунтовыми пушками прикрытия, которые будут выдвинуты вверх по улице от магазина мистера Уайта, и остаться с ними.

9-му легкому драгунскому полку двигаться влево и занять позиции легкого батальона в пять часов, где они получат дальнейшие приказы.

Каждый офицер, командующий дивизией левого крыла, то есть с 88-го по 87-й включительно, должен следить за тем, чтобы он не отклонялся вправо от правого крыла, то есть легкой бригады и 45-го полка влево.

Канонада в центре должна послужить сигналом для броска всего войска вперед; и каждой дивизии идти, по возможности, прямо по улице перед собой, пока не достигнет последнего квадрата домов у реки *Плейт*, которым они должны овладеть и на крышах которого они должны сформироваться: если они обнаружат, что им мешают какие-либо внутренние укрепления,

укрыться как можно дальше впереди. Два капрала с инструментами должны быть прикреплены к голове каждой колонны. Все должно быть разряжено, и ни в коем случае нельзя стрелять.

Когда дело будет закончено, необходимо приложить максимум усилий, чтобы сохранить людей собранными и сформированными.

Полки могут оставить свои рюкзаки в своих нынешних местах расквартирования с охраной младшего офицерского состава, если пожелают.

Канонада начнется ровно в шесть часов тридцать минут седьмого.

(Подлинная копия) Э. Кук.

Приказ генерал-майора Гауэра.

Генерал-майор Левисон Гауэр, как заместитель командующего, будет занят принятием необходимых мер в связи с исполнением обязанностей и местностью в сложившейся ситуации при содействии бригадного генерала сэра Сэмюэля Ахмути; чья квалифицированная помощь также будет оказана в том, что может относиться ко многим другим вопросам, на которые, конечно же, должно быть направлено внимание командующего вооруженными силами в командовании по своей природе новом и сложном.

О других назначениях в Штаб будет сообщено армии по прибытии дополнительных сил.

9-му легкому драгунскому полку выступить влево и занять позиции легкого батальона в пять часов, где они будут оставаться до дальнейших распоряжений.

Генерал-лейтенант Уайтлок - генералу Линье.

Штаб-квартира перед Буэнос-Айресом, 4 июля 1807 г..

Прошу вас, окажите мне справедливость и отнесите исключительно к принципам гуманности информацию, которую я сообщаю вам о моем прибытии, после того как я присоединился к войскам под командованием генерал-майора Левисона Гауэра с основной колонной армии. Осмелюсь сказать, вам небезызвестно, что еще одна колонна ожидает моих приказаний чуть более чем в лиге от вашей столицы.

Поэтому я прошу только уведомить меня, будете ли вы по-прежнему придерживаться ответа, данного генерал-майору в вашем вчерашнем письме, который был уполномочен обратиться к вам по этому вопросу, в случае если он прибудет раньше меня.

Предъявителю, капитану Уиттингему, приказано доставить это письмо и ждать вашего ответа "да" или "нет" в течение получаса.

Дж. Уайтлок.

Генералу Линье и проч.

Генерал Линьерс - генерал-майору Уайтлоку.

Сэр, я только что получил письмо вашего превосходительства от этого числа, на содержание которого имею честь ответить, что, пока у меня есть боеприпасы и пока тот же дух, который сейчас одушевляет этот гарнизон и людей, будет продолжать существовать, я никогда не подумаю о сдаче вверенного мне поста: и я совершенно убежден, что у меня более чем достаточно средств, чтобы противостоять всем усилиям, которые ваше превосходительство может предпринять, чтобы завоевать меня.

Я полагаю, что обязанности человечества, о которых говорит ваше превосходительство, будут больше ущемлены вашим превосходительством, которое является агрессором, чем мной. Я просто выполняю тот долг, который предписан мне честью и справедливым правом возмездия.—Я имею честь быть и т.д.

(Подпись) Сантьяго Линьерс.

4 июля 1807 года.

(Подлинная копия) Э. Кук.

Коралл Мизералы, 3 июля 1807 г..

Сэр, имею честь доложить вам, для сведения генерал—лейтенанта Уайтлока, что передовой корпус под моим командованием, состоящий из трех рот 95-го легкого батальона, 36-го и 38-го полков, с двумя 3-и двумя 6-фунтовыми пушками, выдвинулся с позиции, которую я занял перед деревней Редусьон; и, сделав значительный крюк из-за плохих дорог, я пересек Чуэлло у перевала Чико; оттуда я продолжил свой маршрут, хотя и очень медленно. сильно огороженная и труднопроходимая местность, пока голова колонны не достигла перекрестка двух дорог, примерно в 500 ярдах от канала Мизерала. В тот же момент, когда мы обнаружили противника, они начали сильный, хотя и после первого выстрела, не очень прицельный огонь дробью и снарядами, поскольку моя артиллерия была оставлена в тылу, под защитой трех рот бригадного генерала Ламли, из-за неспособности лошадей подтягивать ее с той же скоростью, с какой маршировала пехота. Я приказал немедленно предпринять штыковую атаку на их левый фланг, что было выполнено бригадным генералом Кроуфердом в совершеннейшей манере со своей бригадой, и его так хорошо поддержали доблесть подполковника Пака и майора Трэверса, офицеров и рядовых 95-го легкого батальона, что через пять минут силы противника, хотя и были надежно укрыты за изгородями и насыпями, отступили, оставив около 60 убитых и 70 пленных, со всей их артиллерией, состоящей из девяти орудий, одной гаубицы, трех пушек. перекладины с передками в комплекте.

Я позволю себе заявить, что поведение каждого офицера и солдата, участвовавших в сражении, было достойным восхищения; и что я также в большом долгу перед бригадным генералом Ламли за его усилия принять участие в сражении, чему помешало лишь крайне измотанное состояние его полков из-за тяжести марша. Сразу после того, как я сформировался, я обнаружил, что он занял хорошую позицию справа от легкой бригады, чтобы поддержать ее в случае повторной атаки.

Я рад добавить, что наши потери были незначительными, не превышая 14 рядовых убитыми, 5 офицеров и 25 рядовых ранеными. Точную информацию о возврате я не смог получить.—Имею честь быть, & с.

(Подпись) Дж. Левисон Гауэр,
генерал-майор.

Подполковник Торренс,
военный министр.

II.

Отрывок из письма сэра С. Ахмути мистеру Уиндему.

Побег генерала Бересфорда, событие столь же приятное и важное, сколь и неожиданное, предоставил нам полное представление о взглядах ведущих людей и реальном состоянии страны. Сразу после падения *Монте-Видео* ему было приказано отправиться в город в 300 лигах от материка, и он уже находился на расстоянии от сорока до пятидесяти лиг от *Буэнос-Айреса*, когда два испанских офицера из семьи губернатора, которые пытались вступить с ним в какие-то политические переговоры, предложили помочь и сопровождать его при побеге, что с большим трудом было осуществлено; и генерал, после трех дней подряд скрывавшийся в *Буэнос-Айресе*, к счастью, добрался до корабля с нашими депешами.

Письмо генерала Линьерса адмиралу Стирлингу и сэру Сэмюэлю Ахмути.

Буэнос-Айрес, 2 марта 1807 г..

Господа, я очень сожалею, что впервые имею честь обратиться к вашим Превосходительствам с письмом на неприятную тему жалобы на действия офицеров вашей страны. Генерал-майор Бересфорд и подполковник Пак из 71-го полка, забыв о всяком чувстве чести и нарушив свое слово и присягу, данную ими 6 сентября прошлого года, скрылись, и первый из них с позором разжег восстание в этом графстве, где большая часть его подлых сообщников, находящихся сейчас под гнетом закона, скоро заплатят за свое ужасное преступление.

Это нарушение общественной веры и международного права, однако, только усилило энтузиазм всех жителей этого города, всегда готовых скорее похоронить себя под развалинами своих зданий, чем отдать себя под власть какого-либо другого государства, кроме своего законного суверена.

Предлог, которым пользуется мистер Бересфорд, утверждая, что имела место мнимая капитуляция, как ваши превосходительства увидят по прилагаемым отпечаткам, не имеет под собой оснований, и мне остается только, согласно законам военного времени, вернуть этих двух пленников; и я верю в вашу честность, что вы прикажете их выдать: в любом случае я выполню свой долг по их возвращению, и военный мир решит, на чьей стороне справедливость.

Я не отвечаю мистеру Бересфорду, поскольку мне нечего добавить к тому, что я сейчас выражаю вашим превосходительствам; и мне остается только далее заметить, что решимость народа, которую представили его судьи, бесповоротна: они полны решимости защищаться до последней крайности и готовы сделать свою защиту незабываемой.

Поэтому ваши превосходительства воздержатся от каких-либо дальнейших предложений; будьте уверены, что ответа не будет и что ничто, кроме силы, не может решить нашу судьбу.

Да сохранит Бог ваши Превосходительства на долгие годы.

(Подпись) Сантьяго Линьерс.

Их Превосходительствам сэру К. Стирлингу
и сэру С. Ахмути.

Корал де Мизерала, 2 июля 1807 г..

Сэр, я имел честь доложить вам, для сведения командующего вооруженными силами, что передовой корпус армии в настоящее время занимает позицию, центр которой находится поперек продолжения центральной улицы *Буэнос—Айреса*. Я забрал большую часть скота, предназначенного для потребления городом на этот день, и занимаю главный *коралл*. Я собрал 20 000 фунтов. конечно, бисквиты, и мой корпус полностью ими обеспечен; спиртные напитки, которые я ищу, и я надеюсь, что смогу раздобыть немного; в какой степени, я пока не знаю. Я послал к вам доклад вчера вечером, сразу после боя, в ходе которого, как я заявил, мы захватили восемь орудий, теперь я нахожу, что их количество увеличилось до десяти, много пленных и большое количество оружия и боеприпасов. Присутствовали генерал Линьерс и полковник Эллио. Предполагая, что столь полное поражение, какое потерпела эта значительная часть их войск, могло произвести значительное впечатление, я послал генералу Линье вызов, сначала только устно, чтобы узнать, как они, по-видимому, чувствовали себя в городе. Полковник Эллио встретился с бригадным майором Роучем, который сопровождал флаг, и попросил предоставить им письменное предложение. Поэтому я сейчас отправил письмо, основанное на инструкциях, которые я получил вчера от полковника Бурка.

Я полагаю, что будет нетрудно, почти, если не полностью, окружить город, разместив около 1000 человек справа от меня по направлению к *Чуэлло*, а всех остальных слева от меня по направлению к Реколлате, имея это в тылу. Центр города образует заметный угол; поэтому мне кажется, что наш центр следует немного отклонить, а фланги выдвинуть вперед, поскольку правый фланг будет опираться на *Челло*, а левый - на *Плату*; но это, конечно, должно регулироваться лучшим суждением командующего войсками.—Имею честь быть и т.д.

Дж. Левисон Гауэр,
генерал-майор.

Подполковник Торренс,
&с. &с. &с.

Приговор.

Военный трибунал, должным образом рассмотрев доказательства, представленные в поддержку обвинений против заключенного, генерал-лейтенанта Уайтлока, его защиты и представленные им доказательства, придерживается мнения, что он виновен по всем указанным обвинениям, за исключением той части второго обвинения, которая касается приказа о том, что “колонны должны быть разгружены и что стрельба не должна быть разрешена ни под каким видом”.

Суд стремится к тому, чтобы было четко понято, что они не высказывают никакого порицания мерам предосторожности, принятым для предотвращения ненужной стрельбы во время продвижения войск к предполагаемым точкам атаки, и поэтому оправдывают генерал-лейтенанта Уайтлока по этой части указанного обвинения.

Суд постановляет, что упомянутый генерал-лейтенант Уайтлок должен быть уволен с должности и признан полностью непригодным и недостойным служить его Величеству в каком бы то ни было военном качестве.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ BALLANTYNE, HANSON AND CO.
В ЭДИНБУРГЕ И ЛОНДОНЕ.

СНОСКИ:

[1] Около 50 000 фунтов стерлингов.

[2] = 240 000 фунтов стерлингов.

[3] = £4500.

[4] Один *крузадо* = почти пять шиллингов.

[5] Стоимостью менее 5 фунтов стерлингов.

[6] *Букан* был деревянным инструментом, который бразильские каннибалы использовали для запекания своих жертв. Отсюда и произошло слово *пират*.

[7] 1200 фунтов СТЕРЛИНГОВ.

[8] Смотрите исследования Гумбольдта.

[9] Frezier.

[10]

“ И вот! глубоко в той пещере действительно жил Гонорий Лонг,
В надежде заслужить небеса, превратив землю в ад.
—*Чайльд Гарольд.*

[11] История. Нови Орбис, библиотека. III. с. 21.

[12] Английским читателям интересно узнать, что высокий пост генерал-капитана *Чили* в ноябре 1787 года был доверен *Дону* Эмброузу Хиггинсу, уроженцу Ирландии, который два года спустя был назначен фельдмаршалом королевских армий.

[13] Крузадо = почти пять шиллингов.

[14] Кондамин.

[15] Следующее рассказала мне женщина, которой сейчас восемьдесят первый год, поскольку она была актуальна в молодости:

“Мое первое - символ чистоты,
мое второе - символ надежности;
Все мое имя - это имя, которое, будь у вас такое же,
Вы бы покраснели, передавая будущему”.

[16]

Артиллерия 3—й бригады.

5-я — бригадный генерал сэр С. Ахмути.

38-я

87—я

17-я драгунская.

36-я -бригадный генерал Ламли.

88-я

95-я -бригадный генерал Кроуферд.

Легкий батальон

4 отряда 6-го гвардейского драгунского полка.

9—й легкий драгунский полк.

40-й -полковник Махон.

45-й

[17] *Курсив* принадлежит автору.

Граф Д'Аборр опередил ветер=> Граф Даторр опередил ветер {стр. 31}
1776.=> 1676. {стр. 98}

Бекхэм, однако, показал=> Бекман, однако, показал {стр. 102}

также законодателям=> также законодательству {стр. 111}

Кюрасао => *Кюрасао* {стр. 156}

Богота, 1850=> Богота, 1850 {стр. 158}

Дон Антония Гонзага=> *Дон* Антонио Гонзага {стр. 164}

новый губернатор Гомес Фрейре де Андраде=> новый губернатор Гомес Фрейре де Андраде {стр. 188}

и ободрять их => и поощрять их {стр. 231}

отстранение епископа Гарденаса=> отстранение епископа Карденаса {стр. 247}

Долгая смерть провинциала Рио=> Долгая смерть провинциала Рио {стр. 270}

Продолжительный обстрел => Хорошо выдержанный обстрел {стр. 278}

до середины в воде => до середины в воде {стр. 287}

оскорбительный и необычный спрос => оскорбительный и необычный спрос {стр. 297}

оценивается Дин Фунес=> оценка Дина Фунеса {стр. 210}
